

Андрей Геращенко

16+

ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ БЕЛОРУССИЯ

*Посвящается 75-летию освобождения Белоруссии
в результате операции «Багратион» и
75-летию Великой Победы над фашистской Германией*

Минск
«Литературный свет»
2019

УДК 82-4
ББК 84.(4Бел=Рус)-4
Г37

*Издана при финансовой помощи Фонда поддержки и
защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом*

Г37 **Герашенко А. Е.**
Опалённая войной Белоруссия/Андрей Герашенко. – Минск: Литературный свет, 2019. – 200 с.
ISBN 978-985-6943-53-2

В форме исторических эссе и очерков, посвящённых важнейшим событиям, мемориальным музейным комплексам и историческим личностям автор отразил испытания, которые выпали на долю Белоруссии в годы военного лихолетья, героическую борьбу белорусов и других народов единого СССР против нашествия немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, уделив внимание современным попыткам фальсификации и очернения партизанского движения.

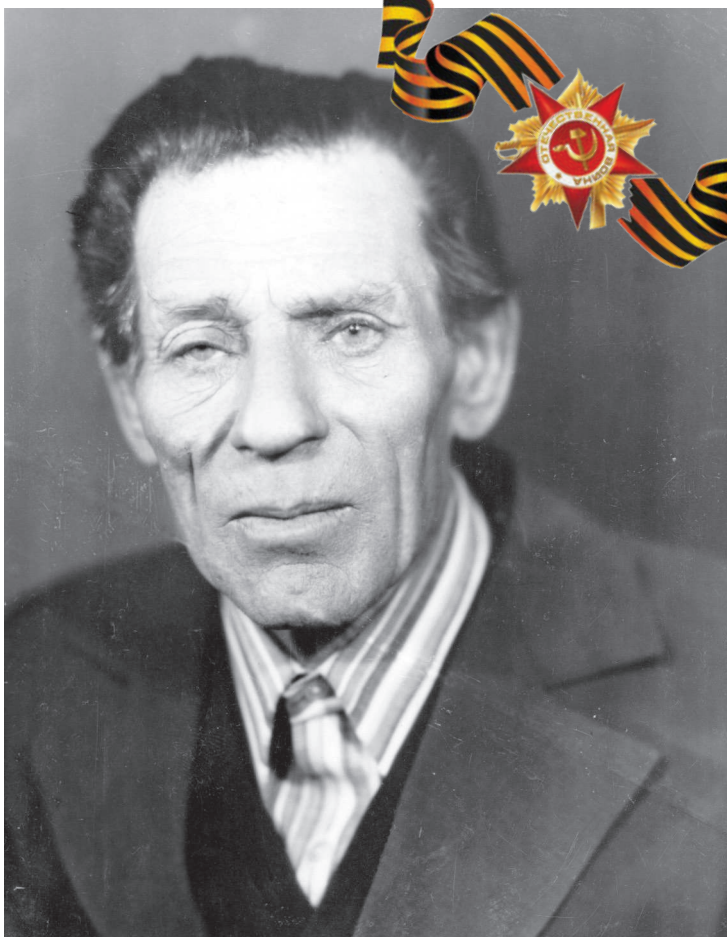
Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется историей нашей страны.

УДК 82-4
ББК 84 (4Бел=Рус)-4

ISBN 978-985-6943-53-2

© Герашенко А. Е., 2018
© Оформление. Учреждение «Литературный свет», 2018

Бессмертный полк

Мой дед по линии мамы – Андрей Лукьянович Шестун (1914-1987). Всю войну прошагал в пехоте, дважды выходил из окружения, перенёс ранения, награждён орденами и медалями. Войну закончил в звании старшины, участвуя в кровопролитных боях за Кёнигсберг. Украинец, уроженец Житомирской области. Похоронен в Донецке в могиле под памятным знаком с красной звездой, как участник войны. Даже после своей смерти «слышит» канонаду – его кладбище обстреливают части ВСУ.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Идея выпустить эту книгу возникла у меня несколько лет назад, но реализовать её удалось лишь сейчас. Она представляет собой сборник очерков и эссе, которые я писал в течение последних десяти лет для Интернет-порталов «Фонд стратегической культуры», «Ритм Евразии», «Столетие», «Русское единство», «Вместе с Россией» и др. Важным этапом была и работа над книгами о войне в серии «История для школьников», вышедшими у меня в последние пять лет в издательстве «Белорусская энциклопедия им. П.Бровки». Они разошлись по всем библиотекам Республики Беларусь, и я получил немало откликов, которые убедили меня в необходимости не уходить от темы войны. Да, дети сейчас читают мало, в основном «сидят» в сети Интернет. Но отказываться совсем от книг нельзя – определённая категория читателей сохраняется, и это, как правило, весьма любознательные и активные взрослые и дети. К тому же почти все книги о войне были изданы в советский период, а сейчас будет не лишним подача военного материала в иной, более современной форме.

Однако данная книга совсем не детская. Она – для взрослых, для всех. Занимаясь общественной деятельностью и публицистикой, я накопил большой авторский материал. Ко всему прочему я никогда не был исследователем – я популяризатор, рассказчик. И поэтому посчитал необходимым собрать почти всё написанное мною о войне под одной обложкой. В книге три больших направления – рассказы о главных военных мемориалах Республики Беларусь и связанных с ними событиях военной поры, а также о знаменитых героях – партизанах, подпольщиках, подвижниках. О зверствах фашистских варваров, о прислуживавших им полицаях. Но особенно важно было сказать о попытке пересмотреть итоги войны, очернить партизан, о том, кто и почему это делает. Мы видим, что произошло на Украине, где ветераны войны не могут нормально подойти к памятникам и возложить цветы, где внуки бандеровцев правят бал. И у нас появилось немало тех, кто желал бы сменить наш родной красно-зелёный государственный флаг с национальным белорусским орнаментом на бело-красно-белый, который использовали полиция и коллаборанты на улицах белорусских городов в годы немецко-фашистской оккупации. Немало

стало и тех, кто выступает против нашего союза с Россией. Я не мог не сказать об этих людях и этих силах.

Эта книга не смогла бы выйти без помощи Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Я выражаю особую признательность Исполнительному директору Фонда И.К. Панёвкину и сотруднику Фонда В.И. Елагину за решающую помощь и поддержку.

Я сознательно использую в названии книги слово Белоруссия. У нашей страны есть официальное название – Республика Беларусь. Это наша Родина. Но наша страна имеет и другие названия – Белая Русь, Белоруссия. Это как есть Пётр по паспорту, и есть Петя, Петенька в жизни. Слово Белоруссия дорого мне и как одно из названий страны, и как часть нашей истории. Ведь наша страна в годы войны – это Советская Белоруссия. Помните, крылатые слова Н. Добронравова в песне на музыку А. Пахмутовой «Родина моя Белоруссия», которую пели легендарные «Песняры»:

*Белый аист летит,
Над белёсым Полесьем летит.
Белорусский мотив
В песне вересков, в песне ракут.
Всё земля приняла:
И заботу, и ласку, и пламя.
Польхал над землёй
Небосвод, как багровое знамя!*

*Молодость моя, Белоруссия!
Песня партизан, сосны да туман...
Песня партизан, алая заря...
Молодость моя, Белоруссия!*

*Наша память идёт
По лесной партизанской тропе.
Не смогли зарости
Эти тропы в народной судьбе.
Боль тех давних годин
В каждом сердце живёт и поныне,
В каждой нашей семье*

*Плачут малые дети Хатыни.
Молодость моя, Белоруссия!
Песня партизан, сосны да туман...
Песня партизан, алая заря...
Молодость моя, Белоруссия!*

*Белый аист летит
Над полесьем, над тихим жнивьём.
Где-то в топи болот
Погребён остывающий гром.
Белый аист летит,
Всё летит над родными полями,
Землю нашей любви,
Осенья большими крылами.*

*Молодость моя, Белоруссия!
Песня партизан, сосны да туман...
Песня партизан, алая заря...
Молодость моя, Белоруссия!*

Эта книга – о нашей трагической истории, о миллионах погибших и замученных, убитых и сожжённых заживо, о наших белорусах, о том, как они жили и как умирали ради нашего с вами будущего. О «совках» и «ватниках», которые верили в свою страну и в ватных бушлатах и фуфайках, в голоде и холоде, в нечеловеческих испытаниях принесли нам победу и избавление от немецко-фашистской оккупации. О наших дедах и прадедах.

Данная книга – всего лишь небольшой срез моих личных впечатлений, встреч, журналистских тем, упоминание лишь части истории войны в Белоруссии. Полное описание потребовало бы многотомного труда. Поэтому книга неполная, фрагментарная. Но я надеюсь, что она будет интересной вам, уважаемые читатели.

С уважением, Андрей Геращенко

Глава первая

22 июня 1941 года

22 июня 1941 года. С этой датой связано столько трагического в истории нашей Родины, что поневоле задумываешься о странном сочетании ряда совпадений – именно 22 июня, но только годом раньше, капитулировала Франция. На эти же дни приходится и время наибольшей продолжительности светового дня. А ещё ранее, в 1812 году, почти в эти же сроки на Россию напал Наполеон Бонапарт. Хотя, если вдуматься, никакой мистики здесь на самом деле нет. Большой световой день помогал при наступлении, в июне заканчивается распутица, а увлекающийся всерьёз оккультизмом Гитлер видимо рассчитывал на какую-то помощь «звёзд» и дополнительную удачу, начав свою войну с Советским Союзом в период дневного максимума, ведь и свастика была зеркальным отображением древнего индийского символа, означавшего солнце. Да только не солнце было настоящим символом немецкого фашизма, а тьма – чёрная, всепоглощающая ненависть к другим народам и государствам, которая, в конце концов, и привела Германию к военному и политическому краху.

22 июня 1941 года – начало, своеобразный аналог некой точки отсчёта. Впереди были контрнаступление под Москвой, оборона Ленинграда, Сталинградский котёл, Курская битва, операция «Багратион», взятие Берлина, разгром Японии. Но всё это, оплаченное миллионами жизней наших соотечественников, было ещё впереди. А пока чудовищная по силе немецкая машина, равной которой ещё не было в истории, обрушилась на нашу Родину на всём протяжении границы от Кольского полуострова до Бессарабии. Миллионы людей ещё видели сны, мечтали и на что-то

Военнослужащие Красной Армии.

Оккупанты немецко-фашистского вермахта.
надеялись. Но они, ещё даже не догадываясь об этом, уже были приговорены войной к смерти.

К июню 1941 общая численность немецко-фашистских войск составила 8,5 млн. чел. (в том числе в сухопутных войсках около 6 млн. и в военно-воздушных силах около 1,7 млн.). Сухопутные войска насчитывали 214 дивизий (169 пехотных, 21 танковую, 14 моторизованных, 10 прочих) и 7 отдельных бригад. Немецко-фашистская армия имела 11 тыс. танков и штурмовых орудий (из них в действующей армии 5 640), 11 100 самолётов (из них в действующей армии 6 500), около 78 тыс. орудий и миномётов. При подготовке к нападению на СССР, согласно генеральному плану «Ост», предусматривалось систематическое уничтожение на оккупированных территориях до 30 млн. мирного населения и военнопленных, выселение в течение 30 лет около 50 млн. поляков, украинцев, белорусов, литовцев, латышей и эстонцев в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, в Южную Америку и Африку. Оставшееся население гитлеровцы рассчитывали онемечить и превратить в дешёвую рабочую силу для 10 млн. немецких колонистов.

План молниеносной войны «Барбаросса», разработанный в 1940 году, предусматривал разгром и ликвидацию Советского государства, уничтожение основной части населения и оккупацию территории до Уральских гор с быстрым наступлением через северное (на Ленинград), центральное (на Москву) и южное (на Киев с выходом на Донбасс, Крым, Кавказ и к Сталинграду) направления. Для осуществления этого плана гитлеровское командование выделило (включая вооруженные силы союзников Германии) 190 дивизий (5,5 млн. чел.), 3 712 танков, 4 950 боевых самолётов, 47 260 орудий и миномётов (без 50-мм миномётов) и 193 боевых корабля. То есть при нападении на СССР Германия задействовала практически весь свой военный потенциал, который только смогла сосредоточить на наших западных границах.

Фашистам противостояли силы пяти советских западных приграничных округов и трёх флотов, которые почти вдвое уступали противнику в живой силе, имели несколько меньшее количество артиллерии, превосходили врага в танках и самолётах, правда, большей частью устаревших образцов. Что касается первого эшелона армий, то здесь гитлеровское командование развернуло 103 дивизии, в том числе 10 танковых, тогда как в первом эшелоне наших армий прикрытия имелось только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий.

На рассвете 22 июня 1941 фашистская Германия начала военные действия против Советского Союза. Её авиация нанесла массированные удары по аэродромам, железнодорожным узлам, военно-морским базам, местам расквартирования военных частей и многим городам на глубину 250-300 км от государственной границы. Особенно подавляющим было превосходство немецко-фашистских войск на направлениях главных ударов. В руки противника попало почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением, находившихся в приграничной зоне.

После артиллерийской подготовки в пределы СССР вторглись главные силы немецко-фашистской армии. Одновременно в войну против СССР вступили Румыния и Италия (итальянские войска начали боевые действия с 20 июля), и, несколько позже, Финляндия (26 июня) и Венгрия (27 июня). На всём фронте развернулись ожесточённые сражения. Внезапный удар врага и быстрое продвижение его танковых и моторизованных сил нарушили управление советскими частями – войска приграничных военных округов понесли значительные потери.

Сейчас общепринятой является точка зрения, согласно которой основная вина за неготовность Красной Армии к отражению немецко-фашистской агрессии лежит лично на И.В. Сталине, который до последнего не верил в возможность нападения Германии на СССР, а также провёл серию репрессий, в результате которых до войны было расстреляно большинство маршалов, генералов и старших офицеров Красной Армии. Вот что писал по этому поводу в своём дневнике начальник Генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал-полковник Ф. Гальдер в мае 1941 года: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты».

Предупреждали Сталина и руководство СССР о предстоящем нападении неоднократно. Так 17 июня 1941 года из Берлина поступило сообщение НКГБ СССР И.В. Сталину и В.М. Молотову за №2279/м, в котором после обобщения всех разведанных говорилось, что «Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает: все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Позднее всё это было подтверждено и рядом других сообщений, в том числе сообщением

рискующего жизнью советского разведчика в Японии Рихарда Зорге и данными многочисленных перебежчиков-антифашистов. Но Сталин отказывался этому верить и имел на то, как ни странно, весьма веские основания. Не случайно он собственноручно начертал следующую резолюцию на донесении от 17 июня 1941 года из Берлина: ««Т[овари]щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм[анской] авиации к ё... матери. Это не «источник», а дезинформатор. И.Ст[алин]». Сталин исходил из того, что Гитлер не решится напасть на СССР, не решив проблему Великобритании, то есть не станет воевать на два фронта. К тому же он был уверен, что Германия не сможет выиграть длительную войну у СССР, и это понимает и сам Гитлер. А вот Великобритания, по мнению Сталина (вполне обоснованному), вполне могла подтолкнуть Германию и СССР к войне, спровоцировав какое-либо столкновение (в том числе и через дезинформацию разведки), чтобы ослабить оба государства. Сталин не хотел верить в начало войны – последний поезд с зерном в сторону Германии отправился из СССР рано ночью 22 июня 1941 года перед самым началом войны.

Однако проблема состояла в том, что Гитлер, рвавшийся к мировому господству, подсознательно чувствовал, что ещё год-два, и СССР станет ещё сильнее и, если сейчас война Германии на Востоке имеет шансы на успех (но далеко не его гарантию – это Гитлер понимал), то позже задача победы над Советским Союзом и колонизации территорий вплоть до Урала станет почти неразрешимой проблемой. Именно поэтому Гитлер пошёл на авантюру, рассчитывая на спасительный блицкриг. Вина Сталина не в стратегическом просчёте, а в тактическом: он полагался на то, что Гитлер мыслит теми же критериями, что и он сам, так как сам Сталин привык действовать наверняка и не любил рисковать. Гитлер же принял другое, в итоге – стратегически ошибочное для Германии – решение, которое, вместе с тем, обеспечило перевес германской военной машине в 1941 году.

Стоит отметить, что в отличие от регулярных частей Красной Армии, пограничные войска во время службы постоянно встречали на границе различных нарушителей, в том числе и вооружённых, и в составе групп, с которыми часто приходилось вести бой, поэтому степень подготовленности всех категорий пограничников намного превосходила армейскую, а боеготовность та-

ких подразделений, как пограничная застава и пограничный пост или корабль, была фактически постоянно полной. С 1 января по 10 июня 1941 года пограничниками западных пограничных округов было задержано 2 080 нарушителей границы, причем отмечалось увеличение случаев таких нарушений по сравнению с 1940 годом и увеличение количества открытых провокационных действий, попыток групповых нарушений границы СССР с применением огнестрельного оружия. Среди задержанных нарушителей были выявлены германские агенты и диверсанты, которые не скрывали, что получили боевое задание для подготовки условий успешного вторжения германских войск на территорию СССР.

К исходу первого дня войны мощные немецкие танковые группировки на многих участках фронта вклинились вглубь советской территории на расстояние от 25 км до 35 км, местами даже до 50 км. Ход боевых действий пограничных застав и их результаты были различными. Конкретные условия, в которых оказалась каждая пограничная застава 22 июня 1941 года, тоже были разными. Они зависели в значительной степени от состава передовых подразделений противника, атаковавших заставу, а также от характера местности, по которой проходила граница, и направлений действий ударных группировок германской армии. Участок государственной границы с Восточной Пруссией проходил по равнине с большим количеством дорог, без речных преград. Именно на этом участке развернулась и наносила удар мощная немецкая группа армий “Север”. А на южном участке советско-германского фронта, где возвышались Карпатские горы и протекали реки Сан, Днестр, Прут, Дунай, действия крупных группировок войск противника были затруднены, а условия для обороны пограничных застав – относительно более благоприятные. Необходимо отметить, что для пограничников, своими глазами видевших сосредоточение фашистских войск, неожиданным было не само нападение, а мощь и жестокость авиационного налета и ударов артиллерии, а также количество быстро перешедшей границу и стреляющей бронетехники. Несмотря на всю свою боеготовность и мужество пограничники были обречены.

Довольно неожиданной оказалась для Красной Армии и пограничников тактика немцев. В большинстве случаев немецкие войска двигались по дорогам в походных колоннах, оставляя в

промежутках между колоннами боевые группы в составе батальона с танками и бронетранспортёрами, имеющими в авангарде мотоциклистов. При обнаружении узла сопротивления часть сил из колонны развёртывалась в боевой порядок и вступала в бой, поддерживаемая авиацией и артиллерией, а остальная колонна продолжала движение, стремясь скорее проникнуть вглубь СССР и вести встречные бои с выдвигающимися частями и соединениями Красной Армии, не давая им занять оборонительные рубежи. Впереди главных сил каждого немецкого полка двигались ударные группировки силою до взвода с сапёрами и разведгруппы на бронетранспортёрах и мотоциклах с задачами ликвидации пограничных нарядов, захвата мостов, установления мест позиций войск прикрытия Красной Армии, завершения уничтожения пограничных застав. В целях обеспечения внезапности, эти вражеские подразделения на некоторых участках границы начали выдвижение еще в период артиллерийской и авиационной подготовки. Для завершения уничтожения личного состава пограничных застав использовались танки, которые, находясь на удалении 500 – 600 метров, вели огонь по опорным пунктам застав, оставаясь вне досягаемости вооружения заставы. Для того, чтобы посеять панику, авангардные группы немцев на мотоциклах активно передвигались по полям и просёлочным дорогам. Когда они обнаруживали разрозненные группы красноармейцев, они стремились их обогнать, останавливали мотоциклы, снимали пулемёты и занимали господствующие высоты, готовя отступающим огневой мешок. Как только с красноармейцами на этом участке было покончено, немцы опять садились на мотоциклы и двигались дальше. Пленных при этом не брали. Одна и та же группа мотоциклистов за день могла действовать во многих местах. У отступавших создавалась иллюзия, что немцы повсюду, возникали панические слухи о множестве высадившихся в тылу десантников.

Атмосферу первых боёв можно почувствовать, обратившись к воспоминаниям их участников и очевидцев. Бывший красноармеец Ирин Л.В. вспоминал: «Наш дот №039 находился справа от дороги на пограничную заставу. Едва стало рассветать, как в небе послышался гул многочисленных самолетов. И вдруг будто налетел огненный шквал – из-за канала ударили тяжёлые орудия. От заставы послышалась сильная стрельба, потом там показалось за-

рево пожара». Вот что рассказывал бывший красноармеец 9-го пулемётно-артиллерийского батальона Васильев И.: «...примерно в 10 часов мы увидели отступающих пехотинцев и пограничников. Их полным-полно набилось в наши доты, как занятые гарнизоном, так и недостроенные. Немцы вели огонь по дотам из орудий. Бой продолжался». А это слова из воспоминаний военного интенданта 152-го корпусного тяжёлого артполка Головченко И.Д.: «К 6.00 22 июня мы заняли позиции на берегу Немана. В 10.00, не сделав ни единого выстрела, мы должны были отступить. По пути в Скидель мы влились в оборону, которую организовал полковник из пограничников». Участник войны Карпов А.А. говорил о том, что «На учениях под Тернополем нас обстрелял из пулемёта немецкий самолёт в полдень 22 июня 1941 года. Стрелял по нашему эшелону, мы ещё не осознали, что началась война. Даже не испугались, хотя видели, что многие убегают от эшелона. На станции Лигница в лесу мы находились с неделю. Не окапывались, занятий по боевой подготовке также не было. Над нами всё время летали самолёты».

Обречённые пограничники, тем не менее, мужественно оборонялись на всём протяжении советской границы. Вот что рассказал о начале войны на пограничной заставе неподалёку от литовского города Кибартай майор в отставке Михаил Кириллович Воробьёв, в начале войны – старший контролёр КПП: «В ночь с 21 на 22 июня 1941 года, я был дежурным по КПП и находился на вокзале, контролируя отправку пассажирского поезда на нашу территорию. В 4.00 со стороны Германии был открыт ураганный артиллерийский и ружейно-пулемётный огонь по подразделениям пограничных войск и вокзалу – станция Вирбалис находилась в 200 метрах от линии границы. Несмотря на это, в течение нескольких минут поезд был отправлен, и я присоединился к личному составу КПП, вступившему в бой с немецко-фашистскими захватчиками. Воевал, как положено. Через некоторое время от подразделения КПП осталось пять человек: три сержанта – Токарев, Смирнов и Пелин, раненый солдат Норкин и я, тоже получивший ранение в начале боя. Мы присоединились к артиллерийскому полку, в составе которого продолжали вести бой. В Марьямполе вошли в состав 107-го пограничного отряда. О том, как мои товарищи защищали советскую землю, говорит такой факт. За Кибартаем есть возвышенность Рогажкальнис.

Тут фашисты хоронили своих погибших солдат. Многие местные жители побывали на этой высоте и убедились, сколько стоил гитлеровцам этот маленький пограничный городок. На каждой могиле стояли порядковые номера. К концу первой недели войны последняя могила на Рогажкальнисе значилась под номером 724. Так защищали пограничники нашу землю». Эти воспоминания подтверждаются местным жителем В. Симанавичюсом: «После боя на границе уцелевшая горстка пограничников стала отходить. Раненых, а также продукты, имущество, боеприпасы я повёз на лошади. Мы проследовали мимо Вилкавишкского железнодорожного вокзала, через Пильвишкяй, затем лесными дорогами вышли к Казлу-Руде. Здесь к пограничникам примкнули артиллеристы и из орудий обстреляли двигавшуюся по шоссе немецкую колонну. Вскоре начальник заставы Андриенок велел мне возвращаться».

Сопrotивлялась и авиация. Несмотря на общее господство в воздухе, немецкие лётчики уже 22 июня поняли, что им противостоит серьёзный противник. После первых ударов фашистов едва ли не единственным боеспособным авиасоединением Западного фронта осталась 43-я ИАД под командованием прославившегося своими подвигами ещё в Испании генерал-майора Г.Н. Захарова, базировавшаяся в районе Орши. Ближе к полудню два её полка: 160-й ИАП майора Костромина и 163-й ИАП майора Лагутина, прикрывая Минск, вступили в бой и сбили около 10 самолётов противника (командиры точными данными не располагали). Однако плохая организация ПВО Минска не позволила этой внушительной силе – 60 И-153 (72 пилота) 160-го ИАП и 59 И-16 (72 пилота) 163-го – надёжно прикрыть город. К вечеру аэродром в Лошице и Минск горели. Вот как это описывает комдив Г.Н. Захаров: «Низко над Минском ходили большие двухмоторные машины. Я видел их, подлетая, но мне в голову не могло прийти, что это ходят Ju-88. Они шли на малых высотах и прицельно швыряли бомбы на отдельные здания. Вражеских истребителей в небе не было. Подвергая город в течение дня непрерывной бомбардировке, превратив аэродром в жаровню, «юнкеры» под вечер чувствовали себя в полной безопасности. Я находился выше, прямо над центром города, когда увидел одного над крышей здания штаба округа. Спикировал, пристроился ему в хвост и стрелял в упор длинными очередями. Ju-88 не загорелся, но внезапно накренился и упал в районе оперного театра. Над окраиной я атаковал другого и поджёг его. Он уходил, дымя,

но я думаю, что не вытянул – как и у первого, у него слишком мал был запас высоты». Так Г. Захаров продолжил свой боевой счёт, открытый ещё в Испании.

Неверным представляется и общепринятое мнение о том, что наши танковые части были совершенно не готовы к бою с немецкими. Вначале о самой обстановке: немецкие танки продвигались так быстро, что всякое сообщение об их появлении расценивалось, как провокация. Вот что вспоминал бывший командир батальона 10-го танкового полка капитан С.Т. Косарев: «Примерно в 11.30 привели к штабу мокрую женщину, переплывшую Неман, которая сказала, что за городом она видела немецкие танки, но тут же прокурор крикнул: провокация, шпионка и сразу застрелил ее. А 30 минут спустя, возле моста бойцы задержали мужчину, который был литовцем и на ломанном русском нам сказал, что немецкие танки уже в городе, но и этого оперуполномоченный застрелил, обозвав его провокатором. В это время наши зенитчики открыли огонь по самолётам, и все активнее стали стрелять наши артиллеристы, а через час все батареи открыли дружный огонь, но, по-моему, было уже поздно». А вот что о тех же событиях 22 июня говорил бывший начальник химслужбы автотранспортного батальона, мл. лейтенант А.Т. Ильин: «Мы подошли к своему танку, постучали, открылся люк. Мы говорим, что немецкие танки на дороге – рядом с нами, а танкист отвечает, что у него нет бронебойных снарядов. Мы подошли к другому танку, там оказался комвзвода, который быстро скомандовал: за мной! и сразу вывернулись из кустов два или три танка, которые пошли прямо на немецкие танки – стреляя на ходу в бок немецких, а потом прямо вплотную подошли – таранили их и скинули их в кювет (уничтожили полдесятка немецких танков и ни одного не потеряли). А сами кинулись через мост на западный берег. Но только перешли мост, встретили группу немецких танков, из которых один сразу загорелся, а потом и наш загорелся. Дальше я видел только огонь, дым, слышал грохот взрывов и лязг металла». Показательно в этой связи и признание, содержащееся в дневнике обер-ефрейтора 21-го танкового полка 20-й танковой дивизии гитлеровцев – Дитриха. В записи от 22 июня 1941 года говорится о бое с советскими танкистами в Алитусе следующее: «Здесь мы впервые встретились с русскими танками. Они храбры, эти русские танкисты. Из горящей машины они стреляют до последней

возможности». Решающий перевес немецкие танковые колонны получили благодаря численному превосходству и, что ещё более важно, массовой поддержке своей авиации, уничтожившей немало советских танков.

Только сейчас получила относительную известность, благодаря усилиям общественности, одно из самых масштабных танковых сражений всей войны – битва под Сенно (или Лепельский контрудар) самого начала боевых действий, лета 1941 года. Здесь, примерно в 50-ти с небольшим километрах юго-западнее Витебска, с 6 по 10 июля 1941 года проходило грандиозное танковое сражение. Некоторые исследователи полагают, что по количеству участвовавших в нём с обеих сторон боевых машин оно может быть сопоставимо с битвой под Прохоровкой на Курской дуге в 1943 году.

Танковыми ударами немцам были нанесены серьёзные потери, особенно в живой силе. И хотя сражение было проиграно, тем не менее, это был подвиг. Народ никогда не забывал о нём, а вот на государственном уровне о битве под Сенно заговорили только несколько лет тому назад. Что же происходило на этом участке белорусской земли в 1941-м?

После падения Минска на подступах к Витебску фашисты встретили ожесточённое сопротивление и были остановлены.

А рано утром 6 июля два механизированных корпуса 20-й армии Западного фронта пошли в атаку на врага. Навстречу двинулись немецкие танки.

К исходу дня Красная Армия вернула город Сенно под свой контроль, на поле боя остались дымиться советские и немецкие танки. 7 июля райцентр трижды переходил из рук в руки, но к вечеру им снова овладели советские танкисты. На следующий день фашисты бросили в бой новые боевые части, большое количество авиации, артиллерии, в том числе противотанковой. Наши воины после тяжелейшего боя вынуждены были оставить Сенно и отойти к шоссе Витебск-Смоленск. Но другой советский танковый клин продолжал наступление на Лепель.

К сожалению, советские танковые корпуса вводились в бой частями, без какой-либо подготовки, спешно, без поддержки артиллерии и пехоты, без прикрытия с воздуха. У немцев всё это было, что во многом и стало решающим фактором сражения.

В итоге немцы сумели обойти наносящие контрудар советские танковые корпуса с севера и 9 июля заняли Витебск, выйдя на до-

рогу Витебск-Смоленск-Москва. В связи с угрозой окружения командующий 20-й армией генерал-лейтенант П.А. Курочкин приказал приостановить наступление на Лепель и начать отход на восток. Именно во время этих драматичных боёв попал в плен самый известный участник битвы под Сенно – сын Сталина, командир гаубичной батареи старший лейтенант Яков Джугашвили.

Мало кому из танкистов удалось прорваться на восток – приходилось взрывать танки, так как закончилось горючее и боекомплект. Немцы активно использовали полное преимущество своей авиации и уничтожали советские танки с воздуха. Потери наших танков в итоге значительно превысили немецкие.

Война с СССР уже с самых первых дней была совсем не похожа на войну в Европе. Советский военно-морской флот находился в боевой готовности уже с 18 июня. Связано это было и с тем, что моряки ещё задолго до 22 июня постоянно сталкивались с немецкими провокациями. Первым подразделением, оказавшим сопротивление противнику в организованном порядке, можно считать Черноморский флот под командованием адмирала Октябрьского. В ночь на 22 июня флот отбил нападение вражеской авиации, тем самым моряки спасли Севастополь от бомбардировки. Город получил лишь небольшие повреждения в отличие от других городов, подвергшихся нападению.

Вот что говорил радист 221-й батареи на Кольском полуострове Евгений Андреевич Макаренко: «Как-то очень ранним утром мы вскочили по боевой тревоге, а по Варангер-фиорду приближался из мглы к нашим водам крейсер неизвестной принадлежности. Не доходя до нашей трёхмильной зоны, он свернул с траверса нашей батареи и ушел в океан. В эти тревожные месяцы из залива Петсамо (Печенги) стал часто показываться светло-серый тральщик. Он бесцеремонно заходил в наши воды и ставил мины среди бела дня. А когда по тревоге мы бежали на пушки от казармы, метрах в восьмистах, у самого уреза воды... на тральщике хорошо видели бегущих в чёрных бушлатах и..., нарушитель успевал улизнуть в нейтральные воды! Нам надоедала «игра в кошки-мышки», но приходилось всё это пока терпеть. Часто над нами, сначала на большой высоте, а в июне – уже и на малой – стали пролетать Юнкерсы 87 и 88 с ярко-рыжими угловатыми крыльями и чёрно-белыми мрачными крестами на них. Тогда мы впервые увидели на стабилизаторах знакомые по фотографиям фашистские зна-

ки-свастики, обращённые на восток, на нас... Было приказано – не стрелять, не давать себя спровоцировать». Он же вспоминал и о первой военно-морской победе нашей береговой артиллерии 22 июня 1941 года: «День подходил к концу. Море штиллело. Было тихо, и только морские птицы далеко от нас кружились над косяками рыбы. Даже немецкие самолёты не появлялись в этот день. А весьма срочные радиодепеши продолжали поступать. Не верилось, что где-то уже идут сражения, гибнут люди... В 19 часов приняли очередное радио: «вне всякой очереди». В шифровке содержалось приказание командующего флотом: 221-й батарее всё входящее и выходящее из порта Петсамо – топить! После 22 часов из залива Петсамо выполз тот надоевший тральщик. Отличные дальномерщики Куколев и Рыбаков дают дистанцию 52 кабельтовых, пеленг 244 градуса, курс 28 градусов, скорость 10 узлов. Командир Космачёв и помощник Поначевный рассчитывают данные для стрельбы. Самой первой, уже не учебной, а боевой стрельбы! Через 3 минуты – в 22 часа 17 минут, комендоры... первый залп! Вот он, первый залп Военно-морского флота при потоплении первого вражеского корабля в Великую Отечественную! В городке батареи хозяйственники, жёны командиров и сверхсрочников и даже дети – тоже рады... Они наблюдали весь бой, взобравшись на небольшой бугор рядом с городком. Воздух был прозрачный, чистый, и результаты боя были хорошо видны простым глазом».

В то же время в тылу далеко не все отдавали себе отчёт в том, что происходит, и насколько серьёзно сложившееся положение: «Поверьте, никакой паники в первый день в городе не было, – вспоминал участник Великой Отечественной войны, боевой лётчик-штурмовик, житель Киева Ростислав Долинский. – На 17 часов того воскресного дня намечались торжества по поводу открытия крупнейшего в СССР Центрального республиканского стадиона. Его построили по проекту молодого архитектора Михаила Гречины. А после этого должен был состояться футбольный матч между командами «Динамо» (Киев) и Центрального дома Красной Армии (Москва). Но вдруг по радио объявили, что проданные на него билеты будут действительны сразу после скорого окончания молниеносной войны». Город продолжал жить своей почти обычной жизнью в эти первые военные дни. Как раз 22 июня 1941 года в Киеве осуществлялись плановые мероприя-

тия по профилактике и очистке водопроводных сетей. В государственном цирке свою новую программу представлял популярный джазовый оркестр под управлением Эдди Рознера. Продолжали киевские гастроли Московский театр сатиры, спектакли которого – «Мелкие козыри» и «Неравный брак» (22 июня), «Слуга двух господ» (23 и 24 июня) – прошли с полным аншлагом. В кинотеатрах города показывали фильмы, в том числе и музыкальные – «Фронтвые подруги», «Песня о любви», «Музыкальная история», «Пятый океан». На следующий день, 23 июня в Киеве во всех крупных кинотеатрах показывали премьеру музыкальной ленты под названием «Кино-концерт» с участием народных артистов СССР Сергея Лемешева и Галины Улановой.

Советские люди слушают объявление о начале войны.

Тем не менее, реакция мирного населения была неоднозначной. Вот выдержки из Специального сообщения комиссара госбезопасности Украины Павла Мешика секретарю ЦК ВКП(б) Украины Никите Хрущёву о том, как киевляне реагировали 22 июня 1941 года в связи с началом военных действий: «Студент Мединститута Ходзинский говорил, что уже в Финляндии наша армия показала себя, поэтому за Советский Союз можно

Худ. В. Петелин. Танковое сражение под Дубно. Июнь 1941 года.

Красная Армия на всём протяжении фронта вела тяжёлые оборонительные бои.

быть совершенно спокойным», «хорошо, что началась война, – высказался артист Еврейского театра Шайкевич, – это уже есть начало гибели фашистской Германии», «работник обкома партии Цыпин: «Жертв будет много, но, несмотря ни на что, Гитлер будет разбит, наша армия всегда победит». Вместе с тем поддержка и вера в силы Красной Армии вовсе не были всеобщими – были зафиксированы и негативные отклики киевлян: «артист Еврейского театра Лейпцигер возмущался: «Кричат – победа, победа, но о победе можно будет говорить и судить после того, кто первый будет на чужой территории», «мы окружены со всех сторон Германией, – говорил работник Педшколы Маркман, – Гитлер всё это сделал со специальной целью. Наша техника по сравнению с гитлеровской – ничто. Эта война нам совершенно не нужна. Наше правительство должно было оттянуть войну, чтобы укрепиться, а так, пропустив немецкие самолёты на Киев, видно, как мы готовы к войне», «работница магазина №310 Кухарчук: «Вот и договор, давали немцам продукты питания, кормили их, даже себе кое в чём отказывали, и в итоге – с нами не посчитались и начали нас бомбить...»».

В первый же день войны началось уничтожение мирного населения: фашисты, наступая, ворвались в деревню Альбинга Клайпедского района Литвы. Солдаты ограбили и сожгли все дома. Жителей (42 человека) согнали в сарай и заперли. В течение дня 22 июня фашисты убили несколько человек – забили насмерть или застрелили. Уже на следующее утро началось планомерное уничтожение людей. Группами крестьян выводили из сарая и хладнокровно расстреливали. Вначале всех мужчин, потом очередь дошла до женщин и детей. Пытавшихся бежать в лес расстреливали в спину. Об этом не мешало бы помнить и некоторым современным литовским политикам.

К 10 июля глубина вражеского вторжения на решающих направлениях составила уже от 300 до 600 км. Советская авиация за первый день войны потеряла около 1 200 самолётов (в том числе авиация Западного военного округа – 738), причём большая часть была уничтожена на аэродромах, не успев вступить в бой. В отчаянии советские лётчики поднимали в воздух свои, уступающие по лётным характеристикам, самолёты и шли на тараны. Соотношение сил и средств ещё более изменилось в пользу противника, его превосходство, особенно в воздухе, стало подавляющим. На-

лётыв немецкой авиации привели к тяжёлым потерям в советских войсках ещё до их подхода к фронту.

За три недели войны противнику удалось полностью разгромить 28 советских дивизий. Кроме того, более 72 дивизий понесли потери в людях и боевой технике (от 50% и выше). Общие наши потери только в дивизиях без учёта частей усиления и боевого обеспечения за это время составили около 850 тыс. человек, до 6 тыс. танков, не менее 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. противотанковых орудий, около 12 тыс. миномётов, а также около 3,5 тыс. самолётов. Для сравнения – фашисты потеряли около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1,7 тыс. танков и штурмовых орудий и 950 самолётов.

Но это ещё не было концом Советского Союза. Всё только начиналось. Уже формировались первые партизанские отряды, новые регулярные дивизии, эвакуировалась промышленность, а наши люди, совершая первые героические подвиги, жертвуя своими жизнями, сеяли сомнения у немецко-фашистских захватчиков в их непобедимости.

Уже 23 июня 1941 года была образована Ставка Верховного Главнокомандования, призванная осуществлять высшее стратегическое руководство вооружёнными силами. В первый же день Ставка посылает на фронт опытнейших командиров: Г.К. Жукова (на Юго-Западный фронт), Шапошникова и Кулика (на Западный). Это было сделано из соображения, что находящиеся там командиры не имели необходимого опыта для ведения боевых действий и несколько растерялись. Г.К. Жуков, разобравшись с происходящим на месте, решает нанести контрудар. 24 июня в наступление перешел 8-й механизированный корпус Д.И. Рябышева в направлении на Берестечко. 15-й механизированный корпус генерала Карпезо наступал восточнее Радехова. Удар этих корпусов очень скоро почувствовали немецкие войска. Особенно это стало очевидным после разгрома 57-й пехотной дивизии, которая прикрывала правый фланг 48-го моторкорпуса группы Клейста. Этот корпус спасло лишь то, что в помощь ему была брошена вся авиация. Противнику пришлось подтянуть против советских частей 44-й армейский корпус и другие войска. Так войсками Юго-Западного фронта был нанесён один из первых успешных контрударов.

Беспримерное мужество проявили защитники Брестской крепости.

Несмотря на испытанный страной шок 29 июня 1941 года была принята Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой со всей определённостью говорилось об опасности, нависшей над нашей страной, и намечался ряд первоочередных задач по перестройке хозяйства на военный лад. Для мобилизации всех сил и средств страны на борьбу с немецко-фашистским агрессором требовалось создать новые органы государственного управления. Такая форма организации власти в военных условиях была найдена в лице Государственного Комитета Оборона, созданного 30 июня 1941 года под председательством И.В. Сталина. В него вошли также В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков. В руках ГКО была сосредоточена вся полнота власти в государстве: все граждане, партийные и советские, комсомольские и военные органы обязаны были беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона.

3 июля 1941 года по радио, наконец, выступил с обращением к советскому народу пришедший в себя И.В. Сталин. Выступление было беспрецедентным и по искренности, и по необычности самого тона разговора, резко контрастирующего с предыдущими победными реляциями. Признавался факт смертельной опасности для государства, а сам выступающий только подчеркнул степень тяжести сложившегося положения: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! ...Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом».

Начиналась по-настоящему Великая Отечественная война нашего народа – война за право на жизнь и само существование.

Глава вторая

Брестская крепость-герой

Брестская крепость-герой давно стала символом стойкости и мужества наших солдат и офицеров, защищавших свою родину от немецко-фашистских захватчиков. Рано утром в четыре часа 22 июня 1941 года фашистская Германия и её союзники атаковали СССР на всём протяжении западных границ страны. Началась самая кровавая и жестокая в истории человечества война. Бои шли везде, но именно Брестской крепости было суждено стать символом советской обороны самого начала войны. И сегодня мемориал Брестской крепости является одним из наиболее посещаемых музейных комплексов, посвящённых истории Великой Отечественной войны.

Само строительство укреплений крепости началось ещё в 1833 году. Автором проекта был известный военный инженер и топограф генерал Карл Иванович Опперман, при участии генерала Н.М. Малецкого и полковника А.И. Фельдмана.

В течение трёх лет проводились земляные работы – делались насыпи и копались рвы. В 1836 году приступили и к непосредственному строительству стен и укреплений. Строения старого Брест-Литовска были в основном снесены, а новый город был построен восточнее в нескольких километрах от возводимой крепости. К 1842 году была построена основная цитадель и три вспомогательных защитных укрепления. По тем временам это было внушительное военное сооружение. Мощные казармы из красного кирпича имели стены толщиной в метр, земляные валы с оборудованными в них казематами достигали 10-метровой высоты. Внутри крепости располагалось 500 казематов, в которых могла разместиться целая армия – 12 000 человек. Цитадель на-

ходила на острове между Мухавцом и Бугом. При помощи выкопанных рвов водой окружили и три укрепления – Кобринское, Тереспольское (Западное) и Волынское (Южное). Всего в крепость вели 8 ворот. В настоящее время сохранилось 5 из них – Холмские, Тереспольские, Северные (Александровские), Северо-Западные и Южные.

Шло время. Россия проиграла Крымскую войну, и с учётом этого обстоятельства началась серьёзная военная реформа, в том числе и в области защитного фортификационного строительства. В 1864-1888 годах крепость была реконструирована – окружена кольцом фортов общей протяжённостью в 32 километра. Автором реконструкции был военный инженер Э.И. Тотлебен. Во время этой перестройки в крепости появился и Свято-Николаевский православный храм (архитектор Д.И. Гримм), рядом с которым сегодня так любят фотографироваться туристы.

Следующая масштабная реконструкция началась в самый канун первой мировой войны – Европа активно готовилась к масштабным боевым действиям. Предполагалось, что крепость окружит второе кольцо укреплений протяжённостью в 45 километров, но начавшаяся война смешала все планы.

Брестская крепость.

Но свою роль плацдарма русской обороны крепость в первую мировую так и не смогла сыграть – в августе 1915 года русская армия получила приказ отступать, и крепость была покинута, и даже частично взорвана. 3 августа 1918 года в здании бывшего офицерского собрания на территории Брестской крепости был подписан Брестский мир, заключённый большевиками с Германией. Уже к концу этого же года крепость перешла под власть восстановленного польского государства.

В 1920 году Брестская крепость была занята Красной Армией, наступавшей на Варшаву, но в 1921 году вновь отошла к полякам в результате Рижского мира вместе с остальными территориями Западной Белоруссии и Западной Украины.

В 1930-е годы крепость использовалась польскими властями в качестве политической тюрьмы – в её казематах побывало немало патриотов Западной Белоруссии, стремившихся к освобождению от польского владычества.

В результате начавшейся между фашистской Германией и Польшей войны немцы заняли в сентябре 1939 года крепость и передали её 22 сентября под контроль Красной Армии. Брест, как и все территории Западной Украины и Западной Белоруссии, были возвращены Советскому Союзу.

И в Москве, и в Берлине хорошо понимали, что всё это – лишь временная передышка. Было понятно, что Гитлер начнёт войну против СССР – вопрос был лишь в сроках. Нужно было подготовиться к войне, укрепить новую западную границу, но на это не хватило времени.

22 июня немецко-фашистские армады вторглись в СССР. Крепость приняла неравный бой с наступающим врагом. Фашисты планировали овладеть крепостью в течение нескольких часов, но в итоге оборона продолжалась дни и недели.

Непосредственно перед началом наступления немцы провели массированную артподготовку, в результате которой были уничтожены коммуникации и, что особенно важно – разрушен и выведен из строя водопровод. В течение получаса лавина артиллерийских снарядов обрушивалась на склады боеприпасов, продовольствия, военную технику и казармы. Наступление вели силы группы армий «Центр»: 3 стрелковые дивизии 12-го корпуса 4-й армии – 45-я дивизия пехоты (плюс часть подразделений 31-й пехотной дивизии), 34-я пехотная дивизия и 2 танковые дивизии 2-й танковой группы.

Остальные части 31-й дивизии охватили крепость с флангов. Только в 45-й дивизии было 17 тысяч солдат и офицеров вермахта. Все же, принимая во внимание общую численность немецких войск на данном направлении, крепость атаковали примерно 60 тысяч военнослужащих. Им противостояли всего 8 тысяч красноармейцев и командиров. В крепости на момент фашистского наступления находилось 7 винтовочных батальонов, батальон разведки, 2 артиллерийских батареи, отдельные подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий, пограничники, 33-й отдельный инженерный полк, 132-й батальон НКВД и некоторые другие малочисленные подразделения. Кроме того, в Брестской крепости находилось около 300 женщин и детей из семей военнослужащих.

Немцам почти сразу же удалось разделить гарнизон на отдельные, не связанные между собой группы. Около половины красноармейцев и командиров Брестского гарнизона смогли выйти из крепости, вывезли раненых, небольшую часть военной техники и отошли на соединение с другими отступающими частями. Остальные защитники крепости продолжили сопротивление.

К 9 утра крепость была полностью окружена. Фашисты прорвались через мост у Тереспольских ворот и заняли два здания в центре Цитадели. В то же время началось наступление на Брестские и Холмские ворота, Кобринское и Волыньское укрепления. В яростной контратаке красноармейцы выбили фашистов из за-

Худ. П. Кривоногов. Защитники Брестской крепости.

нятых ими зданий, очистили от немцев Цитадель и взяли под контроль мост через Западный Буг.

Тереспольское укрепление защищали пограничники шофёрских курсов под командованием старшего лейтенанта Ф. Мельникова и лейтенанта Жданова, транспортной роты 17-го погранотряда под командованием лейтенанта А. Чёрного, сапёрный взвод, ветеринарный лазарет и участники сбора физкультурников. Несмотря на всю разношёрстность обороняющихся, им удалось поначалу почти полностью очистить свою зону обороны от прорвавшихся фашистов, но нехватка боеприпасов привела к тому, что в итоге они не смогли удержаться на позициях и в ночь с 24 на 25 июня остатки защитников Тереспольского укрепления форсировали Западный Буг, и присоединились к защитникам Цитадели и Кобринского укрепления.

Фашисты нанесли основной удар по Холмским воротам и, прорвавшись, смогли соединиться с немецкой штурмовой группой в Цитадели.

В расположении госпиталя оборону организовали батальонный комиссар Н. Богатеев и военврач 2-го ранга С. Бабкин. Оба командира погибли в бою. Немецкие автоматчики убивали больных и раненых.

Драматично протекала и оборона Волынского укрепления. В развалинах зданий красноармейцы и медперсонал сражались до конца. Погибли медсёстры В. Хорецкая и Е. Ровнягина, которые своими телами закрывали раненых.

Многие командиры были убиты, вместо них командование приняли политруки или красноармейцы, не имевшие опыта руководства. Немцы ввели в бой резервы и дополнительную боевую технику, но перелома так и не смогли добиться. Защитники крепости отбили 22 июня пять фашистских атак. Только 45-я дивизия врага к вечеру 22 июня потеряла 21 офицера и 290 солдат. Командующий этой дивизией генерал Ф. Шлиппер был шокирован количеством потерь, которые не шли ни в какое сравнение с потерями фашистов во время польской компании. Лишь к исходу дня немцам удалось занять часть казарм между Тереспольскими и Холмскими воротами, а также в районе Брестских ворот.

В Цитадели, которая была самым крупным узлом обороны, к концу дня 22 июня сформировалось командование – в районе Тереспольских ворот обороной руководил начальник 9-й погранза-

ставы А.М. Кижеватов. Группой бойцов в башне над Тереспольскими воротами командовал лейтенант А.Ф. Наганов.

На следующее утро, 23 июня, немцы вновь начали массированную артподготовку. В атаку пошли немецкие танки. Бой продолжался весь день. Вечером фашисты прекратили огонь и через звукоусиливающие установки призвали защитников крепости сложить оружие. Часть больных, раненых, медперсонала и даже детей, которых удалось схватить, фашисты использовали 23 июня в качестве живого щита, выставив их впереди своих автоматчиков при очередной атаке на Холмские ворота. Но те, кого фашисты гнали перед собой, кричали оборонявшимся: «Стреляйте, не жалейте нас!».

24 июня фашисты массово применяли взрывчатку, жгли укрывшихся за стенами защитников огнёмётами. Плавился даже кирпич. Ф. Шлиппер сообщил, что крепость занята, но в Цитадели на совещании командиров и политработников обсуждали вопросы организации дальнейшей обороны. Был отдан знаменитый Приказ № 1, согласно которому командование возлагалось на капитана Зубачёва, а его заместителем назначили полкового комиссара Фомина. Но они смогли возглавить оборону только в Цитадели, не имея связи с другими подразделениями.

В районе Северных ворот в течение двух дней оборону держали красноармейцы из разных подразделений под руководством командира 44-го стрелкового полка майора П.М. Гаврилова. 24 июня защитники северной части главного вала перешли в Восточный форт. Гаврилов сумел сплотить часть гарнизона – около 400 человек, и наладил оборону. Там находились красноармейцы 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, транспортная рота 333-го стрелкового полка, учебная батарея 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона и бойцы некоторых других частей. Были организованы наблюдательный и командный пункты, налажено взаимодействие отдельных участков обороны. В земляных валах прорыли окопы, установили пулемётные точки. Форт стал практически неприступным. Сами фашисты отмечали: «сюда нельзя было подступиться, имея только пехотные средства, так как превосходно организованный ружейный и пулемётный огонь из глубоких окопов и подковообразного двора скашивал каждого приближающегося».

Через два дня, 26 июня около 150 красноармейцев под командой лейтенанта А. Виноградова предприняли попытку с боем

выйти из крепости. А. Виноградову и ещё 12 бойцам удалось всё же вырваться. Но уже вечером того же дня они были вновь окружены фашистами. А. Виноградов попал в плен.

Тем временем Восточный форт продолжал держать оборону. Полностью блокировав обороняющихся, фашисты решили голодом и жаждой вынудить защитников прекратить сопротивление. Немцы проводили по 6-8 атак в день. Женщины и дети помогали раненым, подносили патроны, участвовали в отражении атак. Фашисты применяли танки, огнемёты, газы, поджигали и скатывали с внешних валов бочки с горючей смесью. Но когда фашисты вновь шли в атаку, в, казалось бы, давно выгоревших дотла руинах завязывались рукопашные схватки. У защитников было очень мало боеприпасов, еды и, что важнее всего, практически не было воды. Река была совсем рядом, но, чтобы наполнить котелок или каску водой, приходилось с риском для жизни ползти ночью к воде под немецким огнём. Тяжёлая, неутолимая жажда была одним из главных испытаний для защитников крепости.

Крепость держалась. 28 июня 1941 года (к этому времени уже пал Минск) Ф. Шлиппер запросил поддержку авиации. 29 и 30 июня в течение двух суток фашисты непрерывно бомбили (500 и 1 800-килограммовыми) авиабомбами Восточный форт и другие участки. 29 июня погиб, прикрывая с несколькими бойцами группу прорыва, Кижеватов. Восточный форт фашистам в итоге удалось полностью разрушить. Большинство его защитников было убито, остальные попали в плен. Тогда же фашисты заняли Брестскую крепость и схватили командовавших обороной Ивана Зубачёва и Ефима Фомина. Фомин, как еврей, был сразу же расстрелян.

30 июня генерал Ф. Шлиппер вновь сообщил, что крепость пала.

Но крепость продолжала оборону. Небольшая группа красноармейцев, в которой было менее двух десятков человек, продолжала сражаться под командованием Петра Гаврилова до конца июля. 23 июля Гаврилов попал в плен. Но выстрелы звучали и позже – неизвестные уцелевшие защитники продолжали легендарную оборону.

Фашисты заплатили за взятие Брестской крепости большую цену. Только 45-я дивизия вермахта потеряла 482 человека убитыми и 1 000 ранеными, в то время как за всю польскую компанию

потери составили 158 человек убитыми и 360 ранеными. В своём докладе генерал Ф. Шлиппер писал: «В Бресте русские воевали с невероятным упорством, показали отличную подготовку пехоты и выдающуюся волю к сопротивлению».

На стенах крепости умирающие красноармейцы и командиры оставляли прощальные надписи: «Я умираю, но я не сдаюсь. Прощай, Родина! 20.07.1941», «Мы умрём, но не имеем права покидать крепость», «Нас было пятеро: Седов, Грутов, Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941. Умрем, но не уйдем отсюда...», «26 июня 1941 г. Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем, как герои», «Умираем не срамя».

Первые сведения о героической обороне Брестской крепости советское командование получило лишь в феврале 1942 года, когда были захвачены отчёты о боях в Бресте при разгроме одной из фашистских частей в районе Кривцова под Орлом.

Уже после войны, в 1948 году в «Огоньке» была напечатана статья М. Златогорова «Брестская крепость», а в 1951 году художник П. Кривоногов написал картину «Защитники Брестской крепости». Но по-настоящему о крепости громко заговорили по-

Худ. А. Семёнов. В бой с «Интернационалом».

сле того, как писатель и историк С.С. Смирнов в 1955 году напечатал героическую драму «Крепость над Бугом», а год спустя в 1956 году – документальную повесть «Брестская крепость». Тогда же вышел художественный фильм по сценарию К. Симонова «Бессмертный гарнизон».

В начале 23 февраля 1956 года в казарме сапёрного батальона 128-го стрелкового корпуса была открыта комната Боевой славы, преобразованная затем в комнату-музей. На её базе 8 ноября 1956 года открыли Музей обороны Брестской крепости.

Уже 3 июня 1958 года ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли Постановление «О музее обороны Брестской крепости», которое поручало Главному управлению по делам архитектуры при Совете Министров БССР разработать генеральный план благоустройства территории Брестской крепости. В 1959 году музей был принят в Международную ассоциацию музеев оружия и военной истории.

В 1961 году были проведены мероприятия 20-летия обороны Брестской крепости. На первую встречу защитников цитадели приехали более 100 оставшихся в живых защитников гарнизона 1941 года, члены их семей, родные погибших. Встреча была волнительной и памятной. 25 июня во время митинга, посвящённого этой памятной дате, установили закладной гранитный камень на месте будущего монумента, торжественно открыли новую экспозицию музея. Право перерезать ленточку было предоставлено легендарному защитнику Брестской крепости Герою Советского Союза П.М. Гаврилову.

С 1963 года Музей обороны и Брестская крепость были включены в маршрут Всесоюзного Общества «Интурист». В 1964 году писатель С.С. Смирнов передал весь свой архив, который собирал в течение десяти лет, в музейную экспозицию.

8 мая 1965 года Брестской крепости присвоили звание «Крепость-герой». ЦК КПБ в Постановлении «О праздновании 20-летия освобождения Советской Белоруссии» одобрил предложения о постройке памятника в Брестской крепости за счёт средств, собранных народом для этих целей. В банке был открыт специальный счёт. С 1971 года начал свою работу Мемориал «Брестская крепость-герой», построенный по проекту скульптора А.П. Кибальникова при самом тесном участии и поддержке П.М. Машерова – 25 сентября 1971 года был открыт мемориальный комплекс

«Брестская крепость-герой». На открытие съехалось более 600 ветеранов Брестского гарнизона 1941 года.

При проведении земляных работ в ходе строительства отыскали более 1 000 музейных предметов, останки погибших.

Центральным элементом Мемориала является главный монумент «Мужество». На его обратной стороне размещены барельефы, посвящённые отдельным моментам обороны крепости. В некрополе захоронены останки 850 погибших защитников. На площадь Церемониалов выходит здание Музея обороны Брестской крепости. Вечный огонь перед руинами бывшего инженерного управления напоминает о мужестве и стойкости погибших.

В последующие годы крепость неоднократно реставрировалась и реконструировалась, в том числе и на средства Союзного государства России и Белоруссии. Во время реставрационных работ 1997 года был восстановлен 5-й форт. 8 мая 2000 года он был открыт для посещения.

В Брестской крепости погибли представители различных национальностей. В книге «Память» приведена такая статистика погибших, чьи имена увековечены на плитах мемориала: 162 русских, 40 украинцев, 26 белорусов, 8 армян, 6 евреев, 4 грузина, 4 чуваша, 4 казаха, 3 чеченца, 2 калмыка, 2 мордвина, 2 татарина, 1 адыгеец, 1 азербайджанец, 1 балкарец, 1 ингуш, 1 карачаевец, 1 латыш, 1 немец и 1 узбек. Наши земляки-белорусы внесли существенный вклад в героическую оборону крепости. Брестская крепость стала настоящим символом сопротивления врагу, символом мужества и стойкости Красной Армии и советского народа.

В Республике Беларусь очень трепетно относятся к сохранению памяти о Великой Отечественной войне. И Брестская крепость-герой – один из тех главных мемориалов, бережно сохраняемых белорусами, который постоянно напоминает нам о событиях минувшей войны.

Глава третья

Линия Сталина

Ещё совсем недавно водители (особенно не белорусы), случайно проезжающие по трассе Минск-Молодечно, с интересом и некоторым недоумением посматривали на дорожный указатель с лаконичной надписью «Линия Сталина». Сегодня уникальный историко-культурный комплекс Линия Сталина, являющийся музеем под открытым небом, уже достаточно хорошо известен не только в Белоруссии, но и за её пределами. Линия Сталина стала одним из самых популярных мест внутреннего туризма. За первые четыре года существования музея в нём побывал почти миллион посетителей или около 700 человек в день. Оказалось, что интерес к советскому прошлому не только не ослабевает, но даже усиливается со временем.

Музейный комплекс был создан к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне и открыт 30 июня 2005 года в канун Дня Независимости Республики Беларусь. На открытии присутствовал президент А.Г. Лукашенко, что подчеркнуло значимость данного историко-культурного проекта как для белорусских властей, так и для государства в целом.

В сооружении музейного комплекса приняли участие самые разные люди и организации, но основные работы были проведены подразделениями инженерных войск Вооруженных Сил Республики Беларусь. В этом заключается и символическая преемственность – одно дело, когда солдаты во время службы возводят безликие и зачастую бесполезные сооружения и, совсем другое, когда сооружают музей, посвященный собственной военной истории. Когда-нибудь они приедут сюда уже со своими детьми

А.Г. Лукашенко на открытии линии Сталина.

и, показывая им окопы и противотанковые ежи, непременно расскажут о том, как они всё это создавали.

По замыслу создателей комплекс стал не только памятником системе оборонительных сооружений, возведённых на старой довоенной границе СССР, но и символом борьбы с фашизмом.

Прежде, чем рассказать более подробно о музейном комплексе, стоит напомнить читателю и о самой линии Сталина – не музейной, а настоящей, строительство которой началось в 1928 году. По замыслу советского правительства эта линия должна была стать надёжным рубежом обороны в случае агрессии против СССР. Следует отметить, что это была общемировая тенденция – перед началом второй мировой войны строили множество оборонительных рубежей – широко известные линии Мажино и Маннергейма, а также менее знакомые большинству читателей линии Метакса, Арпада, Зигфрида. Мир готовился к большой войне. Ещё в первую мировую основой обороны крупных населённых пунктов была крепость – кольцо фортов, соединённых защитными линиями. Такая тактика стала применяться ещё в XIX веке. Укрепления,

защищённые рвами и земляными валами, покрытые мощными кирпичными и бетонными перекрытиями казармы, оборудованные огневые позиции, система долговременных огневых точек стали основой обороны. Классикой подобных фортификационных сооружений являлся Кёнигсберг, который фашисты считали неприступной крепостью.

Вместе с тем, опыт первой мировой говорил о том, что полагаться только на крепости в новых условиях явно недостаточно. Так как сражения теперь разворачивались на протяжённом театре военных действий, было необходимо организовать эффективную оборону больших участков.

На совещании начальников инженеров округов и представителей центральных управлений РККА в 1927 году в качестве главного звена подготовки госграницы СССР были определены укрепленные районы. Предполагалось, что система дотов, усиленных комплексом других оборонительных сооружений, заграждений и инфраструктуры, при грамотных действиях личного состава, позволит длительное время сдерживать наступление вероятного противника и даст командованию, при необходимости, провести в тылу перегруппировку войск, нанеся ответные контрудары. Укрепрайон, по замыслу, должен был охватывать от 50 до 140 километров фронта. Система укрепрайонов в идеале должна была закрыть всю западную границу СССР, Закавказье, а также Приморье. Это было невероятно сложной задачей, так как протяжённость предполагаемых фортификационных сооружений составляла несколько тысяч километров. Для сравнения: линия Мажино протянулась на 200 километров, а линия Маннергейма – всего на 80.

Первыми построенными укрепрайонами были Полоцкий и Карельский. За десять последующих лет на западной границе СССР возвели также Кингисеппский, Минский, Мозырский, Коростенский, Новоград-Волынский, Летичевский, Могилёв-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский и Киевский. На Дальнем Востоке построили Гродековский, Усть-Сунгарийский, Благовещенский, Забайкальский, Нижне-Амурский, Барабашский и Полтавский (не путать с украинской Полтавой – данный укрепрайон был назван по месту дислокации штаба в селе Полтавка – А.Г.) и Де-Кастринский укрепрайоны.

Главные стратегические направления оказались прикрыты.

Однако сплошной линии обороны не получилось – было ещё много оголённых участков в промежутках между укрепрайонами.

В связи с этим в 1938 году начали строить ещё 8 укрепрайонов на западной границе: Островский, Себежский, Слуцкий, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский и Каменец-Подольский.

Всего на 2 000 км западной границы СССР было построено 23 укреплённых района, включавших в себя более 4 000 дотов.

Но не всё шло гладко. Вот что говорилось в докладной записке, направленной Л. Берией в адрес К. Ворошилова: «НКО. Тов. Ворошилову. 5 января 1939 г. ... По сообщению Особого отдела БВО строительство Слуцкого УР идет весьма неудовлетворительно... Из 91 объекта, намеченного к строительству по плану 1938 г., построено только 13... Работа была развёрнута со значительным опозданием, так как чертежи и планы объектов были высланы из Инженерного управления с опозданием в несколько месяцев... Л. Берия».

В плане численности личного состава укрепрайон примерно соответствовал бригаде, хотя конкретная численность и состав могли быть разными, в зависимости от важности обороняемого

Пулемётный ДОТ линии Сталина.

направления. Самым большим укрепрайоном на территории Белоруссии был Минский УР, протянувшийся на 110 км, который к 1938 году насчитывал 292 дота, расположенных в различном порядке – шахматном, в виде подковы, цепочкой. Именно остатки сооружений Минского УРа и послужили основой для создания мемориального комплекса Линия Сталина.

Доты были различного типа и назначения. Чаще всего строили одноэтажные (тип «М»), насчитывающие от 1 до 3 амбразур для ведения огня. Железобетонные стены были около 130-150 см, а крыша – около 1 м. Этого было вполне достаточно, чтобы защитить гарнизон от обстрела 105-155 мм гаубицами. Даже такие простые доты имели водопроводы, электроснабжение, связь. Чтобы наблюдать за позициями, устанавливали перископы. Важным было устройство вентиляции, иначе от пороховых газов в доте просто нечем было бы дышать. Такие доты вооружались пулемётами Максим. Внутри, в тесноте, помещалось до 12 человек.

Доты типа «Б» были побольше и обычно двухэтажные, имели помещение для отдыха 20 человек, были лучше вооружены, но в связи с большей дороговизной строились значительно реже. Иногда возводили и маленькие одноамбразурные доты для при-

Противотанковая огневая точка.

крытия «мёртвых зон», куда не достигал огонь основных пунктов обороны.

Помимо дотов строились и наблюдательные пункты, но для маскировки они снаружи ничем не отличались от обычных дотов. Противотанковые доты были вооружены 45-мм пушкой, расположенной в башне от лёгкого танка «Т-26».

Строительство линии Сталина сталкивалось со значительными трудностями. Многие объекты были в неудовлетворительном состоянии. Вот что, например, докладывал зам. наркома внутренних дел УССР Б. Кобулов в информации, направленной в ЦК КП(б) Украины 11 января 1939 года о состоянии Киевского укрепрайона: «Из 257 сооружений, имеющихся в районе, только 5 готовы к боевому действию... Левый и правый фланги не защищены и имеют свободный проход для противника (левый – 4 км, правый – 7 км). В центре зоны УР ... образован мешок (разрыв в 7 км), через который открыт свободный проход противнику непосредственно к Киеву. Передний край долговременной полосы удален от центра Киева лишь на 15 км, что даёт возможность обстрела противником Киева, не вторгаясь в укрепрайон... Из 257 сооружений у 175 отсутствует нужный горизонт обстрела из-за рельефа местности (бугры, горы, крупный лес и кустарник). Планировочные работы по УР, несмотря на указания правительства, оттягиваются выполнением на военное время, тогда как эти работы необходимо проводить немедленно. Только по 3-му участку необходимо для планировочных работ снять более 15 000 кубометров земли, а это не менее 4-х месяцев работы... Всего же ... по укрепрайону необходимо снять не менее 300 000 кубометров земли и вырубить до 500 га леса и кустарника. ... 140 огневых сооружений оборудованы пулемётными заслонками обр. 1930 г., которые при стрельбе закрываются автоматически и способствуют поражению бойцов из своих же пулемётов рикошетированными пулями. О небоеспособности КиУР и непринятии мер комендантом КиУР Особый отдел КОВО неоднократно информировал командование КОВО, но, несмотря на это, до сего времени ничего не предпринято...». Такое положение было, к сожалению, и во многих других укрепрайонах.

Все эти ошибки и провалы, безусловно, учитывались советским командованием, и была начата работа по приведению УРов в порядок.

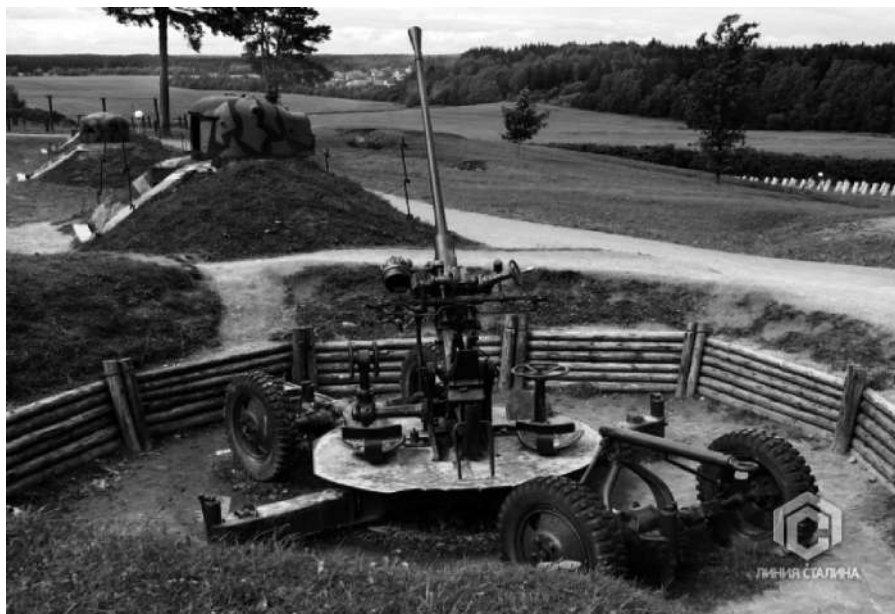
В 1938-1939 годах продолжались работы по усилению Мин-

ского УРа. Особый упор был сделан на возведение артиллерийских дотов нового типа с учётом возможных танковых атак предполагаемого противника. Было дополнительно построено 34 таких дота. Артиллерийские доты были больше и имели сложное устройство – приходилось возводить целые фильтрующие батареи, устанавливать сложное газо- и теплообменное оборудование. Чаще всего они были двухэтажными и выдерживали огонь тяжёлой артиллерии 203-210-мм орудий. Впрочем, эти доты были незавершёнными и так до конца и не оборудованными.

В августе 1939 года в доты были направлены гарнизоны. Сами доты спешно начали приводить в порядок, однако вскоре войска перешли советско-польскую границу и сравнительно легко заняли Западную Белоруссию и Западную Украину. Вначале было решено поддерживать УРы в боеспособном состоянии и не консервировать. Однако впоследствии, в связи со строительством укреплений на новой границе СССР (получивших неофициальное название – линия Молотова по названию пакта Молотова-Риббентропа), УРы были расформированы. Вооружение, в основном, было снято и переброшено на запад, а оставшееся вместе с другим оборудованием размещено на складах, чтобы, как предполагалось, реанимировать оставшуюся в тылу линию обороны при необходимости. Действительность оказалась более печальной – разукомплектованное вооружение и оборудование на складах зачастую хранилось в беспорядке, и в нужный момент в 1941 году остро проявилась его некомплектность, хотя об этом было известно ещё до начала войны. Не поддерживались в исправном состоянии электроснабжение и связь, что также крайне неблагоприятно влияло на возможность организации обороны на старой границе.

Новая линия обороны – линия Молотова, начала строиться только в конце лета 1940 года. Объёмы только земляных работ превосходили объёмы работ на ДнепроГЭСе. На линию Сталина у СССР уже просто не было ни сил, ни средств. Её модернизацию и усиление планировали начать осенью 1941 года, проведя основные работы на линии Молотова.

Некомплектная, со снятым оборудованием и мизерными гарнизонами, линия Сталина в целом так и не стала серьёзной преградой для немцев. Так, в Минском УРе дислоцировался всего один батальон, который занимался охраной. На подступах к бело-

Зенитная пушка 61-К.

Фрагмент мемориального комплекса Линия Сталина.

русской столице сложилось серьёзное положение. Большая растянутость обороны (по 50 км на дивизию вместо положенных 10-12) не позволяла организовать артиллерийскую поддержку дотов. Многие из дотов просто пустовали. Другие не могли долго вести огонь, потому что красноармейцы задыхались от пороховых газов из-за неработающей вентиляции. Вместо целостной линии укрепрайона фашистов встречали лишь отдельные точки сопротивления. Но даже в таких условиях было множество примеров героизма и мужества. Наши бойцы и командиры, прекрасно понимая всю серьёзность положения, в котором они оказались, продолжали сопротивляться врагу, задыхаясь от дыма и копоти.

Навсегда примером мужества и доблести останется оборона четырёхорудийного капонира у деревни Мацки, артиллеристы которого под командованием младших лейтенантов Рощина и Петрочука стояли насмерть, уничтожая фашистские танки и бронемашину. Серьёзную оборону держали пулемётные доты под Заславлем и у Ляховичей. Героически сражался артиллерийский полукапонир у деревни Жуки. Тогда, в те первые и трагические

дни, в хаосе и шоке некому было писать о подвигах, регистрировать их в сводках. И если струсившие или сдавшиеся в плен хоть как-то оставили о себе след, то многие герои, пытавшиеся разрозненными небольшими группками остановить фашистов и заживо сгоревшие в дотах линии Сталина, так и остались до сего дня безвестными как для современников, так и для потомков.

Часть оружия с линии Сталина была переправлена на запад, как мы уже говорили выше. Но многое оставалось на складах. Вот что об этом говорит Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»: «УРы на старой государственной границе не были ликвидированы и разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках. Они были сохранены на всех важнейших участках и направлениях, и имелось в виду дополнительно их усилить. Но ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать старые укрепрайоны...». В 1939-1941 годах счёт времени шёл на дни, которых в итоге так и не хватило. Вот что вспоминал маршал Советского Союза И. Баграмян: «Начальник инженерного управления фронта генерал А.Ф. Ильин-Миткевич, руководивший восстановительными работами в этих укрепленных районах, добавил, что законсервированные огневые сооружения здесь спешно приводятся в порядок, но вооружения для них нет. Вся надежда на то, что отходящие войска своевременно займут укрепления и используют там своё оружие».

Там, где это действительно произошло, укрепрайоны линии Сталина оказались серьёзным подспорьем для отступающей Красной Армии. Например, длительную многодневную оборону держали Кингисеппский, Остропольский, Летичевский и Могилёв-Ямпольский УРы, но беда была в том, что единой линии обороны все эти укрепрайоны не образовали, и их приходилось оставлять, чтобы не оказаться в окружении. К тому же линия Сталина не была изначально рассчитана для отражения мощных танковых атак.

По мнению многих специалистов, для завершения линий Молотова и Сталина, их усиления и модернизации не хватило одного года. За это, к сожалению, пришлось заплатить очень тяжёлую цену.

На линии Сталина не было сражений уровня обороны Брестской крепости и уж тем более – Сталинградской или Курской бит-

вы. Но её возводили миллионы наших людей, страна отрывала от мирной жизни колоссальные средства и силы и, самое главное – это наша история, наше прошлое, в том числе и тяжёлый трагический урок будущим поколениям. Погибавшие, горящие заживо в дотах линии офицеры и красноармейцы сражались с врагом, хотя и знали, что обречены на смерть. Поэтому музейный комплекс Линия Сталина под Минском стал настоящим памятником мужеству наших предков, музеем отечественной инженерной и фортификационной мысли и просто небольшим островком нашего прошлого. Неслучайно музей построили именно в Белоруссии, хотя линия Сталина проходила также по территории России и Украины. В партизанской республике, несмотря на всё усиливающуюся пропаганду коллаборационизма и попытки провести ревизию итогов Великой Отечественной войны, сама война остаётся одним из самых трагических и, вместе с тем, героических периодов жизни белорусского народа.

Всего за три года до этого доты линии Сталина представляли собой печальное зрелище. Вот как об этом писала 16 ноября 2002 года центральная белорусская военная газета «Во славу Родины»: «Жители городов и деревень, а также дачники зачастую считают находящиеся неподалёку доты удобной свалкой для мусора. Особенно интенсивно засоряются эти исторические памятники последние десять лет. Так, артиллерийский полукапонир у деревни Гуры, еще в 1984 году находившийся в сравнительно приличном состоянии, сейчас безобразно загажен строителями и обитателями близлежащих коттеджей. Слой мусора во входном коридоре и на полу казематов почти по колено, а с потолка строения свисают лохмотья осевшей копоты».

Понятно, что всю линию Сталина восстановить нельзя, да и не имеет смысла. Но под Минском на месте бывшего запустения ныне на 26 гектарах экспозиции выкопаны траншеи и водоём, через который сооружена армейская переправа, установлены противотанковые ежи и надолбы, воспроизведён быт и строения партизанской деревни. Посетители могут увидеть уникальные польские и немецкие бронеколпаки, в том числе оставшиеся ещё со времён первой мировой войны.

Полностью восстановлены 4 подлинных сооружения линии Сталина – артиллерийский полукапонир, командно-наблюдательный пункт и два дота. Внутри воспроизведена обстановка сраже-

ния – застывшие манекены в форме красноармейцев ведут свой последний бой с фашистами. По довоенным чертежам воссоздано инженерное оборудование местности. В экспозиции есть все виды окопов, траншей и противотанковых рвов различных профилей, позиции для стрелковых отделений, блиндажи для укрытия личного состава, окопы для орудий, надолбы – деревянные, бетонные, металлические, проволочные заграждения различных типов.

В военно-историческом музее собрана наиболее полная в Белоруссии экспозиция всей, стоявшей на вооружении в различные годы, начиная со времён войны, военной техники, артиллерии, танков, авиации, стрелкового оружия.

С первых шагов, оказавшись на территории музея, ощущаешь дыхание истории, словно наяву слышишь эхо давно ушедших грозных событий. Начиная с момента открытия, и по сей день руководство комплекса-музея и его экскурсоводы непременно одеты в советскую военную форму образца 30-х годов, что придаёт Линии Сталина свой неповторимый колорит и, откровенно говоря, немало способствует рекламе – фотографии на фоне военной техники и оружия в компании словно появившихся из прошлого офицеров и солдат Красной Армии расходятся по всему миру. А ведь это наша форма, которую носили наши деды.

В Белоруссии появление подобного музея очень символично – республика сознательно взяла на себя ответственность за сохранение общего наследия советского периода. Наверное, правильно и то, что не побоялись назвать вещи своими именами – музей получил название «Линия Сталина». И на логотипе мы легко узнаём знакомую усатую фигуру вождя в шинели. Линия Сталина – это памятник всем людям той эпохи, всему трагическому и героическому, что пережил наш народ в годы Великой Отечественной войны.

Глава четвёртая

Буйничское поле и Константин Симонов

Буйничское поле под Могилёвом, как и Бородинское в России, является уникальным местом, где на протяжении поколений наши предки демонстрировали чудеса воинской доблести и героизма. Здесь в 1595 году состоялось знаменитое сражение казацко-крестьянской армии Северина Наливайко с 18-тысячными карательными польско-литовскими войсками, здесь уже в 1812 году русские войска противостояли французам, в годы первой мировой войны в Могилёве располагалась ставка последнего российского императора Николая Второго, а летом 1941 года именно на Буйничском поле развернулись полные драматизма оборонительные бои за Могилёв. Сама же Могилёвская область знаменита также событиями Северной войны, когда войска Петра Великого сражались со шведской армией в битве при Лесной, где установлен камень-валун со скульптурой орла в память о погибших русских воинах.

Мемориал на Буйничском поле на окраине белорусского Могилёва, открытый в День 50-летия Победы 9 мая 1995 года, занимает больше 20 гектаров земли. В центре расположена 27-метровая часовня, являющаяся символом величия русского воинского духа. Вокруг часовни расставлена советская и немецкая военная техника времён Великой Отечественной войны (танки, дивизионные пушки, артиллерийские орудия и зенитная установка).

Стены часовни украшены фресками, в нишах укреплены мраморные мемориальные доски с именами защитников Могилёва, а в центре колеблется маятник Фуко, символизирующий вечность жизни и движения в память обо всех, кто погиб на этом поле в 1941-м.

Часовню венчает православный крест старогреческого образ-

Вход в мемориальный комплекс Буйничское поле.

ца. В ансамбль мемориала входит рукотворное «Озеро Слёз» – символ горя матерей, потерявших своих сыновей в годы войны. От часовни расходятся четыре аллеи. Одна из них названа именем Константина Симонова. Аллею пересекает противотанковый ров, а на выходе её венчает огромный валун, на котором написано: «Константин Симонов». На валуне укреплена мемориальная доска с надписью: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах». Мемориальный знак-валун весом в 15 тонн был установлен в 1980 году вскоре после смерти писателя.

Построенный мемориал активно используется для военно-патриотического воспитания молодёжи – на его базе проводят всевозможные уроки мужества, вахты памяти, встречи с ветеранами войны, осуществляют приём в пионеры и в Белорусский республиканский союз молодёжи, но, что особенно важно – сюда всё время стремится молодёжь. В Могилёве возникла традиция для всех молодожёнов обязательно приезжать на Буйничское поле в день свадьбы и посещать православную часовню с маятником Фуко.

Благодаря этой самопровозглашённой традиции, молодёжь города, гости свадеб из Могилёва и других городов всё время по-

сещают мемориал, возлагают цветы, а это означает, что горожане признали его в качестве своего духовного и нравственного ориентира.

Имя Константина Симонова неразрывно связано с Буйничским полем, с героической обороной Могилёва. Знаменитый военный корреспондент именно здесь стал свидетелем героической обороны, когда впервые за всё время Великой Отечественной войны удалось на длительный срок задержать продвижение фашистских армий. С 24 июня по 3 июля в Могилёве находился штаб Западного фронта. За неделю вокруг города были созданы две линии оборонительных рубежей. В самом Могилёве сооружались баррикады, оборудовались пулемётные гнёзда. 23 дня офицеры и солдаты 388-го стрелкового полка 172-й дивизии, милиционеры, курсанты школы НКВД и 12 тысяч могилёвских ополченцев вели тяжелейшие оборонительные бои на подступах к Могилёву против ещё совсем свежих и вооружённых до зубов фашистов. Вперёд рвались танковые колонны Гудериана. Бои носили ожесточённый характер: часто позиции по нескольку раз переходили из рук в руки, возникали рукопашные схватки. 5 июля командир армдивизиона капитан Хигрин, заменив раненого наводчика, лично уничтожил 6 вражеских танков – продвижение войск противника на этом участке было задержано на сутки.

Симонов стал свидетелем того, как в один из дней бойцы 388-го полка полковника Кутепова вели многочасовую оборону на пределе физических возможностей человека и за четырнадцать часов уничтожили 39 фашистских танков из 70, которые железной смертоносной лавиной стремились прорваться через Буйничское поле. Не подбили, а именно уничтожили – сгоревшая фашистская техника не подлежала восстановлению. Немцы обошли Могилёв и направились вперёд к Москве. Уже пал Смоленск, а советские войска и жители Могилёва всё ещё держали оборону.

Поражённый увиденным, мысленно слившийся в одно целое с погибающими защитниками Могилёва, наконец, увидевший в грамотных и уверенных действиях полковника Кутепова надежду на проблеск будущей победы, Константин Симонов рассказал всей стране о пережитом в очерке «Горячий день», который вышел в газете «Известия». Автором фотографий, сопровождавших репортаж, был фотограф Трошкин, который не дождался победы. Уже 20 июля «Известия» вышли с сенсационным ре-

портажем – панорамой десятков подбитых вражеских танков, которая наглядно демонстрировала, что неуязвимость гитлеровских войск – миф. У стендов с «Известиями» в те дни по всей стране собирались огромные толпы читателей, люди ликовали, это было лучше любой агитации. Уже потом, после войны, Симонов не раз возвращался к этим событиям: полковник Кутепов стал прообразом генерала Серпилина в романе «Живые и мёртвые». Нашли они отражение и в его дневнике «Разные дни войны». Всю жизнь помнил Симонов те дни, проведённые под Могилёвом. В своих работах он вспоминал Могилёв наряду с Москвой, Ленинградом, Одессой, Севастополем, Сталинградом: «Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне век не забыть, – поле под Могилёвом, где я впервые в июле 1941 года видел, как наши в течение одного дня подбили и сожгли 39 немецких танков...».

К сожалению, используя свой перевес в живой силе и технике, фашисты 24 июля прорвались на окраины Могилёва. Завязались упорные уличные бои. Защитники города отклонили ультиматум гитлеровцев о капитуляции. Но фашисты прорвали оборону южнее Могилёва и взяли город в кольцо. Было решено с боями выходить из окружения. Защитники не сдались, и в ночь на 26 июля после внезапной мощной артподготовки 388-й стрелковый полк с приданными частями и подразделениями прорвался из Могилёва на запад, воины 747-го, 394-го и сводного полков форсировали Днепр, с боями двинулись на восток и за рекой Сож соединились с частями 13-той армии. По признанию советского командования,

Во время боя на Буйничском поле было сожжено 39 единиц танковой техники фашистов.

Подбитые вражеские танки.

оборона Могилёва имела огромное значение для последующего хода войны. Здесь было задержано наступление группы армий «Центр» на главном московском направлении, и получен бесценный опыт, использованный позже при обороне Сталинграда. Сразу после войны Могилёв так и называли – «Отец Сталинграда». Многими, в том числе и Симоновым, были предприняты попытки присвоить Могилёву звание Города-Героя наряду с Брестской крепостью, но в дело вмешалась политика, и звание Города-Героя присвоили Минску, как столице Белоруссии, хотя сам Минск ничем настолько примечательным в 1941 году не отличился, что, конечно же, не умаляет мужества его защитников и подпольщиков. Могилёв в итоге остался без звания Города-Героя, для него высокой награды «не хватило».

После своей смерти Симонов завещал развеять свой прах над Буйничским полем. Умер писатель 28 августа 1979 года. Изначально его хотели похоронить на Новодевичьем кладбище в Москве, но воля покойного была всё же исполнена. С этим связана почти детективная история, но о ней чуть позже.

Сооружение мемориала на историческом Буйничском поле, помнящем немало сражений, развеянный прах Симонова и героическая оборона Могилёва в 1941 году создали своеобразное историческое наследие, пропитанное духом патриотизма, мужества, возвышенной поэзии и романтизма. Так практически стихийно в

городе с 1980 года и начали проводиться «Симоновские чтения», возрождённые уже в постсоветской Белоруссии, которые обычно приурочиваются ко дню рождения фронтового корреспондента – 28 ноября 1915 года, хотя и не всегда точно совпадают с этой датой.

В Могилёв съезжаются гости из России, белорусские писатели, журналисты, библиотекари, родственники Константина Симонова.

Имя Симонова является знаковым для Могилёва. Ведь Симонов не только рассказал о подвиге красноармейцев. Он ещё всю жизнь считал, что город недостаточно отмечен за свой подвиг в годы войны. И до самой смерти боролся за присвоение Могилеву звания Города-Героя. Ему этого сделать так и не удалось, но, в любом случае, сделанное Константином Михайловичем заслуживает уважения.

А вот что сказал сын писателя Алексей Симонов, который пусть и не ежегодно, но достаточно часто приезжает в Могилёв:

Константин Симонов на фронте.

«О том, насколько важным для отца был этот город, говорит последнее желание: чтобы прах его был развеян над Буйничским полем, там, где он побывал в 1941-м. Причём отец не хотел, чтобы память о нём была увековечена каким-то монументом на этом поле. Ему было достаточно внутреннего ощущения, что его прах уйдёт в дорогу для него землю... Работая над романом «Живые и мёртвые», он очень точно описал это поле, в память врезалась каждая деталь. Когда отец умер, никто не поинтересовался, что он завещал. Писатель входил в партийную номенклатуру – значит, ему по рангу было положе-

но быть похороненным на Новодевичьем кладбище. Между тем, все мы знали о его последней воле – развеять прах над Буйничским полем. Но понимали, что нам могут помешать, если попытаемся сделать это публично. Поэтому, никого не поставив в известность, мы (его родные, супруга и друзья – А.Г.) 2 сентября 1979 года отправились на машинах в поисках этого поля. Помог Николай Тихонов – могилёвский военком, сопровождавший отца в поездках по Могилёвщине. На место мы приехали уже вечером. Небо на западе, за железной дорогой, полыхало багровым закатом, будто там ещё стояло зарево войны. Над нами же оно было абсолютно чистое. Из багажника мы достали урну, и я начал насыпать прах. Ощущение, надо сказать, испытывал странное: вряд ли сумею выразить его словами. Тихонов позвонил в обком КПБ и рассказал о произошедшем. В этом он сам признался позже, что не помешало нашей дружбе. Меня и Ларису Алексеевну (жену Симонова) вызвали на беседу к Михаилу Васильевичу Зимянину, отвечавшему тогда за идеологию. Факт уже не оспаривался. Нас только спросили, почему мы так поступили. Ответили, что, исходя из завещания. Зимянин поинтересовался, какие у нас есть просьбы. Их было немного – увековечить память отца на мемориальной доске и назвать его именем улицу. В течение года никто не мог напечатать информацию о том, где и каким образом развеян прах писателя. Люди спрашивали, где на Новодевичьем кладбище можно найти могилу Симонова. Когда слышали, что ее там нет, удивлялись: мол, в некрологе ведь было написано о похоронах на Новодевичьем. Так родилась легенда, будто прах отца развеян над Буйничским полем, а сердце его похоронено на Новодевичьем кладбище».

Буйничское поле, обогрëнное кровью казацко-крестьянских восстаний, защитников России от Наполеона, воинов первой мировой и Великой Отечественной войн – подлинный монумент русской воинской славы.

Глава пятая

Легендарный партизан батька Минай

Чем дальше от нас уходят грозные военные годы, чем меньше в живых остаётся бывших партизан и подпольщиков, боровшихся с фашистами в трудных условиях оккупации, тем важнее музеи, которые хранят память об этом героическом времени и самоотверженной борьбе белорусского народа с фашизмом. Те суровые годы породили по-настоящему яркие образы и личности, которые, как это не раз бывало в нашей истории, будь то монгольское нашествие, смутное время или же война с Наполеоном, возглавили общенародную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Витебский музей Миная Шмырёва широко известен, в том числе и за пределами Белоруссии. Это мемориал не только легендарному партизанскому командиру батьке Минаю, но и всему нашему народу.

Батька Минай. Его судьба поистине уникальна по масштабу происходивших с ним событий и страшных испытаний, сквозь которые ему пришлось пройти за свою нелёгкую, яркую жизнь. Музейная экспозиция позволяет подробно познакомиться с историей жизни и подвига самого известного белорусского партизана.

Худ. М. Кухарев. Герой Советского Союза М.Ф. Шмырёв.

Минай Филиппович Шмырёв родился 23 декабря 1891 года в деревне Пуници Велижского уезда (сейчас это территория Витебской области). Согласно народному календарю – это день

Миная, святого мученика Мины, который пострадал за Христа в начале IV века. Поэтому мальчика так и называли – Мина, Минай. Тогда крестьянские семьи были большими: вот и в семье Шмырёва было 13 человек. Жилось трудно, поэтому с малых лет Минай помогал старшим, присматривал за лошадьми в имении помещика Родзянко. Эта любовь к лошадям осталась у него на всю жизнь. В 8 лет М. Шмырёв поступил в церковно-приходскую школу, где закончил три класса. Эта школа была единственным образовательным учреждением в его судьбе – всему остальному Шмырёва научила жизнь. В школе он научился считать и читать. Читать он очень любил, старался уделить этому всякую свободную минуту. Но таких минут было мало, и Минай читал урывками в свободное от работы время. Когда Шмырёв подрос, начал интересоваться и запрещённой, политической литературой. Однажды его застал за этим чтением один из помещичьих прислужников и донёс Родзянко. Миная выгнали с постоянной службы. Теперь Шмырёву пришлось перебиваться сдельными или подёнными подработками у местных кулаков. Но особенно грустно Шмырёву было без успевших привыкнуть к нему лошадей.

В 1913 году Шмырёва призвали в армию и зачислили в артиллерию, где молодому солдату пригодились его знания повадок и нрава лошадей, которые использовались для перевозки пушек. Вскоре началась первая мировая война, и 23-летний М. Шмырёв оказался на русско-германском фронте. Этот период его службы малоизвестен: сам Шмырёв был человеком скромным, а в советский период события первой мировой войны, считавшейся империалистической, были преданы забвению. Однако уже одно то, что за период войны молодой парень за проявленную в боях храбрость был награждён двумя медалями, а самое главное – получил три Георгиевских креста – высшую солдатскую награду того периода, говорит о многом. Думаю, что подвиги легендарного батеньки Миная в годы первой мировой войны ещё ждут своих исследователей.

Георгиевские кресты однажды спасли Шмырёву жизнь. Было это в Румынии, где тогда стоял русско-германский фронт. Приближалась революция, времена были беспокойные, все были нервными. Одним из немногих развлечений солдат стала переплавка на кострах ложек, из которых они затем делали кольца. Разожгли такой костёр и в подразделении, где воевал Шмырёв. Был он уже

в это время не рядовым солдатом, а, скорее всего, унтер-офицером. Один из офицеров послал своего денщика, чтобы он вскипятил чайник. Денщик поставил чайник в солдатский костёр и проворонил момент, когда тот закипел. Вода из чайника залила огонь, и ложки так и не расплавились. Шмырёв вышвырнул чайник из костра и потребовал, чтобы денщик разжёл для офицера другой костёр. Денщик донёс своему хозяину. Прибежавший офицер принялся избивать солдат. Все сносили побои молча. Замахнулся он и на Шмырёва. Георгиевский кавалер этого не стерпел и заехал офицеру в ухо. Офицер упал на землю без сознания, а из ушей и носа у него пошла кровь. Шмырёва арестовали, хотели отдать под трибунал и расстрелять: офицера пришлось комиссовать после полученной травмы, (у него была разорвана барабанная перепонка). 23 дня сидел Шмырёв в качестве «смертника». Тогда и поседел. Но нельзя было судить, а тем более расстреливать людей, имеющих георгиевские кресты. А лишить георгиевских крестов мог только лично император Николай II. Но подавать прошение побоялись, офицер сам был неправ, попытавшись избить георгиевского кавалера. В итоге М. Шмырёва отпустили назад в своё подразделение, разжаловав в рядовые.

Февральскую революцию М. Шмырёв встретил там же, на румынском фронте. В феврале 1917 года артиллеристы за боевые заслуги избрали Миная членом солдатского комитета.

С 1918 года Минай Шмырёв – в Красной Армии. Бывшие «царские» награды, в том числе и георгиевские кресты, пришлось сдать новой власти. Их дальнейшая судьба неизвестна. М. Шмырёв участвовал в Гражданской войне 1918-1920 годов, в боях против белогвардейских войск генералов Краснова и Юденича. И здесь молодой Шмырёв демонстрирует свои храбрость, военную доблесть и... скромность, которая всегда была его природной чертой. Как-то во время боя Шмырёв со своим товарищем ещё по первой мировой, Шубиным, спасли от белых орудие. Обоих представили к ордену боевого Красного знамени. Но штаб красных разбомбили, и все бумаги были утрачены. Шубин всё же подал прошение о представлении к награждению орденом, и его наградили. А Шмырёв не стал ничего просить, и о нём, как это часто бывает... просто позабыли.

Но всё же будущий легендарный партизанский командир вскоре получил свой орден. В 1920 году М. Шмырёв тяжело переболел

распространённым тогда тифом, и его, демобилизовав, отправили из действующей армии домой. В том же году Минай вступает в партию большевиков. Дома было неспокойно – окрестные леса наводнили кулацкие и эсеровские банды, третировавшие и убивавшие сельских активистов. Особенно бесчинствовала шайка Жигалова. Долечиваться и жить спокойно Шмырёву не дали. Из обреза был убит его отец, затем погибли два дяди, брат. Именно тогда, после смерти отца, Миная и стали называть батькой, потому что на его плечи легла вся ответственность за происходящее. Не на того нарвались бандиты. Для борьбы с ними Минай организовал из местных жителей партизанский отряд. Шмырёва, в то время уже весьма авторитетного в округе человека, бандиты хотели переманить на свою сторону. Он отказался, тогда убили его родного младшего брата Михаила. Минай тяжело перенёс эту смерть, а вскоре уничтожил шайку Жигалова. За полную ликвидацию банд на территории Суражской волости в феврале 1923 года Шмырёва наградили орденом боевого Красного Знамени. Вручение происходило на площади в Витебске при большом скоплении народа. В дополнение к ордену Шмырёв получил в подарок красивого коня.

С 1923 года М.Ф. Шмырёв – заведующий волостным земельным отделом, затем – председатель колхоза, директор льнозавода, картонной фабрики. В декабре 1934 года на республиканском съезде Советов Шмырёва избирают членом Центрального Исполнительного Комитета БССР. Но тут пришла новая беда – по всему Советскому Союзу покати́лась волна политических репрессий. Как-то собрались арестовать секретаря Суражского райкома партии Чундерова, которого Шмырёв хорошо знал и которому безусловно доверял. Вышестоящее начальство собрало партийное собрание и принялось доказывать, что Чундеров – «враг народа». Как и положено было в таких случаях, люди один за другим поднимались и клеймили «врага народа». Дошла очередь и до Шмырёва, и Минай Филиппович, неожиданно для всех, мужественно заявил, что знает Чундерова, как честного коммуниста. Говорил об этом долго и убеждённо. Тут кто-то из особо «бдительных» подал реплику – мол, Шмырёв часто ездил по делам службы в Латвию, там мог и стать «врагом народа», поэтому за такого же «врага народа» и заступается. Дело могло закончиться плохо, но Шмырёв не растерялся и заявил, что гордится, что СССР доверил

ему, как коммунисту, работать в Латвии. Присутствующие даже принялись аплодировать. После собрания Шмырёв шепнул Чундерову «Беги!», и тот успел скрыться. А через пару лет Чундерова реабилитировали, чего могло не произойти без честной и принципиальной поддержки Шмырёва.

В 1940 году умерла первая жена Миная Прасковья. На погребении вдовца оказалось четверо малолетних детей. Младшему, Мише, было 2 года, Зине – 7, Серёжке – 11, Лизе – 13 лет. Минай поднимался рано утром, готовил завтрак, отправлял старших в школу, а сам спешил на картонную фабрику, директорствовать. Благодаря его умелому руководству дела там с каждым днём шли всё лучше.

Началась Великая Отечественная война – война, которая страшным смерчем пронеслась по нашим городам и сёлам, растоптала миллионы человеческих судеб. Началась эвакуация. Было много беженцев. Шмырёв, уже понимая, что останется в местных лесах партизанить, в первые дни войны попытался переправить детей на Большую землю с работницами картонной фабрики, которую он возглавлял. Но грузовик, на котором они ехали, не прошёл – на пути колонны был высажен вражеский десант. Пришлось вернуться. И батька Минай спрятал детей в родной лесной деревне Пунищи у своей матери, которой в то время было уже за 100 лет.

Днём Шмырёв в Пудоти проводил митинг, в котором призывал население к сопротивлению фашистам, вспоминал свой богатый боевой и партизанский опыт. В это же время ему сообщили, что мародёры начали разгром спиртохранилища картонной фабрики. Мародёрство совершил со своими друзьями Василий Фоменков. Они носились от цистерны к цистерне и орали, что война всё спешет. Прибывший Шмырёв прекратил эту вакханалию. Когда у пьяного Фоменкова отобрали награбленное, он пригрозил Шмырёву: «Я тебе этого никогда не забуду!». Подлец сдержал своё слово. Но о зловещей роли Фоменкова в судьбе батьки Миная поговорим позже.

С 5 по 11 июля немцы отражали контрудар Красной Армии под Витебском. Но всё же 11 июля город пал. Дальше медлить было нельзя. Уже 9 июля 1941 года был создан партизанский отряд из рабочих и служащих картонной фабрики им. В.В. Воровского в Пудоти под Суражем, за несколько дней до немецкой оккупации. Будущие партизаны раздобыли оружие и заготовили немного про-

дуктов. При этом несколько оставшихся офицеров НКВД предупреждали Шмырёва, что с него могут спросить за самоуправство. В ночь с 13 на 14 июля личный состав отряда численностью около 20 человек на фабричной машине прибыл в лес и расположился в районе хутора Самохвалиха. Сейчас много спорят, как же был создан один из первых белорусских партизанских отрядов. Одни говорят, что Шмырёв действовал по заданию ЦК КПБ, другие – как всегда, проявил активность самостоятельно. Истина, наверное, где-то посередине – Шмырёв уже до войны был известным партизанским командиром и героем борьбы с бандитизмом, поэтому не использовать его опыт было просто глупо. Но быстрое создание партизанского отряда и размах его деятельности – прямая личная заслуга батьки Миная, свидетельство его авторитета и таланта партизанского командира.

Первую боевую операцию отряд провёл 25 июля в районе хутора Самохвалиха. На берегу реки Туровка разведка обнаружила вражеское конное подразделение, немцы отдыхали. Огонь по врагу был настолько внезапным, что противник не смог сориентироваться и оказать организованное сопротивление. Бой был быстрым и носил односторонний характер. Партизаны ушли без потерь, в то время как противник потерял 30 человек убитыми и ранеными.

К началу августа в отряде батьки Миная насчитывалось уже 50, а к середине сентября – свыше 100 человек. В течение августа – сентября только в районе интенсивного движения гитлеровских войск на дорогах Сураж – Усвяты, Сураж – Велиж и Усвяты – Велиж отрядом батьки Миная было уничтожено 8 автомашин, взорвано 4 моста, выведена из строя телефонная станция посёлка Пудоть, в боях было убито до 70 гитлеровцев.

Всего за этот период партизаны батьки Миная провели 27 боёв, уничтожили более 100 гитлеровцев и их пособников, 14 автомашин, 18 цистерн с горючим, 8 мостов. 12 сентября 1941 года отряд, разбившись на 3 группы, стремительной ночной атакой ворвался в посёлок городского типа Сураж, разгромил районную управу и казарму немецких солдат.

Фашисты заочно приговорили Миная Шмырёва к смертной казни. «Ставки» за его голову день ото дня повышались: давали 10, 20, 50 тыс. немецких марок.

Партизаны устраивали засады на направлении Сураж-Усвяты-

Велиж, в результате чего немецкие оккупанты объявили район деятельности отряда «зоной партизан» и неоднократно, но безуспешно пытались ликвидировать её.

Тогда фашисты решили действовать по-другому и захватить семью М. Шмырёва в заложники. Местонахождение членов семьи Шмырёва выдал тот самый Фоменков, участвовавший в разграблении спирта в первые дни войны. Деревню Пунищи окружили каратели. Согнали жителей к дому матери Миная. Офицер и несколько солдат вошли в дом. Приказали через переводчика одеться Лизе, Серёже и сестре Миная – Анне. В это время сюда подъехала ещё одна группа фашистов, которые привезли Зину, Мишу и тещу Миная из Храпков. Очевидцы рассказывали, что в Храпках, когда искали Мишу, ему поначалу как-то удалось убежать. Он, испуганный, бегал между согнанными людьми и просил: «тёти, схавайте меня». Женщины плакали, но боялись, потому что у всех были и свои дети.

Всех пойманных усадили на повозку. Офицер обратился к крестьянам:

– Этот ваш бандит Минай убил много солдат великой германской армии. Поймать его нам пока не удалось. Мы забираем с собой заложниками детей и родственников бандита. Сдастся в плен Минай – отпустим всех, а нет – казним всех до единого.

Их доставили в Сураж, где после предыдущего нападения партизан находился мощный гарнизон. Держали узников в голоде и холоде, давали по краюхе хлеба и немного воды. Били и пугали детей. Дети сначала кричали, плакали, а потом перестали. Старшим детям говорили, что отца уже поймали и повесили, а младшему, Мише, было хуже всего – ему всё время устраивали «очные ставки» с пойманными партизанами в надежде, что Миша узнает и выдаст тем самым отца.

Узнав о поимке детей, М. Шмырёв был в отчаянии – всего за пару дней до этого он хотел вывезти их в лес, но воспротивились бабушки. Батяка Минай был вне себя от горя: идти на штурм Суража, как предлагали партизаны, он не хотел, Сураж им было не взять. Но именно на это и рассчитывали фашисты. Что же ему было делать? Поначалу батяка Минай хотел сдаться немцам один в обмен на жизнь детей, затем решил покончить с собой, надеясь, что немцы не станут убивать детей. Вот как об этом вспоминал сам Минай: «Что я тогда думал?... Детки мои дорогие, родные

мои. Ну как вам передать, как поведать про боль мою? А что делать, что придумать? В бой рвутся мои хлопцы, готовы головы за вас положить. Но как вести мне их на танки, на дзоты, под немецкие пушки? Перебьют... Не простят мне этого их дети, матери, жёны, родная земля не простит... Да, страшные были дни, а того хуже – ночи. Чудилось: встают из могилы, тянут ко мне ручонки... Какой уж тут сон. Задремлю на минутку и все их голоса слышу: «Отомсти, батька, фашистам за наши муки, за смерть нашу». И я мстил! Я шёл в самое пекло, под пули, но меня уже и пули вражки не брали...». Многие решила записка старшей дочери Лизы, переданная Шмырёву: «Папа, за нас не волнуйся, никого не слушай, к немцам не иди. Если тебя убьют, то мы бессильны и за тебя не отомстим. А если нас убьют, папа, то ты за нас отомстишь». В феврале всех четверых детей батьки Миная, сестру его жены и свекровь расстреляли. У него больше не осталось родных. Записку Лизы Минай всю войну носил в кармане возле самого сердца. Фоменкова ликвидировали сами немцы, поверив специально подброшенной партизанами записке, где те благодарили его за якобы оказанную помощь.

Зимой 1941-1942 года отряд батьки Миная вступил в полосу непрерывных боёв с карателями. Пришлось прибегнуть к тактике расчленения сил на небольшие группы, что позволяло маневрировать и легче уходить из-под ударов превосходящих сил противника. В декабре фашистам удалось напасть на след одной из групп, в которой находился штаб отряда. Партизаны были окружены на Островской даче. В неравном бою группа была разгромлена, чудом удалось уйти только самому Шмырёву и двум партизанам. Окружили их в штабелях дров. Обоих партизан убили. А немцы всё стреляют, не успокаиваются. Шмырёв пробил в штабелях лазейку и пополз, благо снег хороший был, глубокий. Полз часа два, тихонечко-тихонечко. А выполз к туше лошади. Её волки грызли, увидели Миная, отскочили. Он сел, отдышался. Темно уже стало, а немцы всё стреляют, хотя никого не осталось. Пока дошло до них, что они между собой, из-за штабелей-то не видят, и палят – своих за партизан приняли. Потом и немцы, и жители гадали: все видели, что батьку Миная окружили, а куда делся, никто сказать не мог. Исчез в деревне и всё. После того боя Минай тяжело болел, его долго выхаживали где-то на хуторе у знакомых.

Худ. М. Савицкий. Легенда о Батьке Минае.

8 апреля 1942 года по указанию Центрального Комитета Коммунистической Партии Белоруссии отряд М.Ф. Шмырёва объединился с партизанскими отрядами Суражского района – А.П. Дика, Д.Ф. Райцева и М.Ф. Бирюлина, образовав 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду под командованием Миная Филипповича Шмырёва. К этому времени партизаны освободили территорию 15-и сельских Советов в Суражском, Меховском и

Витебском районах, образовав первый на Витебщине Суражский партизанский край. На освобождённой партизанами территории была восстановлена Советская власть, которая сохранялась вплоть до прихода Красной Армии.

1-я Белорусская партизанская бригада Батьки Миная создала на участке Усвяты – Тарасенки вошедшие в историю Великой Отечественной войны «Суражские (Витебские) ворота» – 40-километровый участок вдоль берега Западной Двины, через который можно было свободно переходить из оккупированной немецко-фашистскими войсками Белоруссии на освобождённую и контролируемую Красной Армией территорию. Через Суражские ворота на Большую землю уходили мирные жители, новобранцы, перегонялся скот, вывозилось зерно, здесь же партизаны получали оружие, проходили армейские диверсионно-разведывательные группы. Эти «ворота» просуществовали около шести месяцев, до конца сентября 1942 года. Через Суражские ворота в Красную Армию были мобилизованы 5 000 местных жителей. Это уникальный для всей второй мировой войны случай.

В сентябре 1942 года Шмырёва вместе с другими известными партизанами и подпольщиками вызвали в Москву. Там и произошла встреча батьки Миная со Сталиным. Сталину понравился легендарный командир, и он наградил его платиновым клинком. С октября 1942 года М.Ф. Шмырёв – в Центральном штабе партизанского движения, где непосредственно разрабатывает планы дальнейшей партизанской борьбы в Белоруссии.

По инициативе Ирины Буравкиной, с которой М. Шмырёв был знаком ещё до войны, у них завязываются личные отношения. Конечно, самому батьке Минаю было не до того – слишком горькими были утраты, но Ирина, которая его просто боготворила, стремилась окружить легендарного партизана теплом и лаской. Вот что пишет об этом в письме своему товарищу Ю. Магиндовиду сам батька Минай в 1943 году: «...Я имею уже собственных детей, нажитых после всего этого. В 1942 году я сошёлся с Буравкиной Ириной. Она тоже в 1941-м завдовела, и в апреле 1943-го принесла мне сразу двух дочек. Так что я уже не одинок, но всё же то забыть никак не могу. Здоровье последнее время неважно, качает сердце, врачи говорят, что всё это остаток прежней роскоши». Тепло принял Минай Филиппович пятилетнего сына жены Ростислава. Как-то М. Шмырёв показал Славику платиновый

клинок, на котором было выгравировано: «Подарок М. Шмырёву от И.В. Сталина». Мальчик взял поиграть дорогой подарок и... потерял. Стоит ли говорить, как много значил бы для любого человека в то время такой клинок. Но батька Минай даже не стал ругать приёмного сына.

Худ. М. Савицкий. Витебские ворота.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм Шмырёву Минаю Филипповичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда". А всего за годы войны батька Минай награждён 4 орденами Ленина, орденом боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, многочисленными медалями.

После Великой Отечественной войны Минай Филиппович работал в Витебском облисполкоме, был депутатом Верховного Совета БССР, делегатом съездов. Он стал первым почётным гражданином города Витебска. После пережитого на войне тяжело болел, перенёс операцию на горле, четыре инфаркта. Ростислав Шмырёв окончил ВГИК и стал актёром и сценаристом. По его сценарию был снят художественный фильм «Батька». После войны семья поселилась в Витебске в старом брошенном доме. В ветхом сарае жил партизанский конь Казбек. Когда гремел гром, он по военной привычке падал на землю. М. Шмырёв и после войны оставался человеком скромным. Вот что вспоминает его дочь Дина: «После ухода на пенсию ему предлагали не только служебную машину, но и водителя. Папа отказался, но ходил очень много, в последние годы с палочкой, а мы подтрунивали: «На машине не захотел ездить, теперь ездешь на палочке». Нам отдавали трофейное пианино. Отец, конечно, не взял. А через несколько лет, когда мы с Кларой стали учиться в музыкальной школе, родители продали баню, чтобы купить этот инструмент. Почти всю жизнь папа проходил в одном пальто. Однажды из столицы приехал в новом. Мы удивились, а потом узнали, что кто-то из коллег-депутатов корректно намекнул на его убогий наряд. Мама в Риге уговорила купить чёрные лаковые туфли. А тут как раз пионеры пригласили батьку Миная в лес по местам боевой славы. Вот он и отправился в этих туфлях и в самом лучшем костюме. Вернулся весь ужасно грязный. Ему уступали очередь в магазине, его узнавали на улицах, шептались и даже вслух говорили: «Смотрите, батька Минай пошёл!» А он испытывал от этого неловкость и продолжал жить так, как привык. Был заядлым охотником, ловил рыбу. Любил возиться в огороде, солил сало по собственному рецепту. А 31 декабря с детским наслаждением сам наряжал ёлку. Девчонки не обижались на отца за эту маленькую слабость. Они вспоминают, как вместе с ним внимательно слушали по радио «Театр у микрофона», как заготавливали целую бочку брусничного варенья для встречи партизан из отряда Шмырёва. И как он всегда боялся, что не дожждётся внуков. Минай Филиппович умер, когда его первому внуку Игорю было только два года...».

Скончался 3 сентября 1964 года. Похоронен на воинском кладбище «Успенская горка» в Витебске. В память о его расстрелян-

ной семье на территории Суражской средней школы установлен обелиск с бронзовыми барельефами Лизы, Зины, Серёжи и Миши Шмырёвых. Удостоен звания "Почётный гражданин города Витебска". В Витебске существует музей М.Ф. Шмырёва, его именем названа улица, школа, лицей. Имя Шмырёва осталось в литературе, в искусстве. По пьесе Алеся Кучера «Заложники» артист Звездочётов в театре Якуба Коласа сыграл роль батьки Миная. Посвящали Минаю Шмырёву стихи, песни. Написал картину известный витебский художник Петр Аявич. В городском парке-музее – скульптурный бюст Миная Шмырёва работы Заира Азгура. О Минае Филипповиче снят и документальный фильм «Батька».

Уже после войны исчезло множество семейных фотографий. Вот что говорит по этому поводу Дина Шмырёва: «После папиной смерти к нам Пономаренко приезжал, в 67-м году, Вовке два года было. Я помню, он подбежал к нему, заигрывая, а Пономаренко говорит: «Ну вот, с молодым поколением контакт налажен». Мама ему много фотографий отдала папиных, он собирался книгу писать какую-то. С этими фотографиями... У нас нормальных фотографий-то дома и не осталось: что в музее, что где... Раз из Москвы приехали корреспонденты, взяли семейные фотографии, а прислали нам назад испорченные. И Пономаренко не вернул, он ведь после приезда к нам тоже прожил немного...».

Жизненный путь батьки Миная сравним разве что с жизнью персонажей знаменитой киноленты «Офицеры». Он – один из тех легендарных героев нашей истории, на которых держится наша земля.

Глава шестая

Сидор Ковпак. Белорусско-украинское партизанское братство

Знаменитый партизанский командир Сидор Ковпак принадлежит к числу тех командиров, чьи легендарные подвиги навечно вписаны в историю Великой Отечественной войны. Его 1-я Украинская партизанская дивизия громила фашистов на территории Белоруссии и Украины, поэтому герой Ковпак равным образом принадлежит и белорусской, и украинской истории.

Родился будущий партизан в посёлке Котельве в Полтавской области в бедной многодетной крестьянской семье. С раннего детства много работал. Как и многие знаменитые партизаны, проявил себя ещё во время первой мировой войны, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве, когда русская армия под командованием генерала Брусилова прорвала немецко-австрийский фронт. Ковпак воевал так геройски, что получил два Георгиевских креста и две медали «За храбрость». Их тоже называли «георгиевскими». Кстати, сейчас тоже есть такая медаль, которая немного поменялась и теперь называется «За отвагу». Ковпак удостоился высокой чести: его в составе почётного караула Георгиевским крестом наградил самолично российский император Николай II.

В гражданскую войну Ковпак воевал в составе знаменитой 25-й Чапаевской дивизии, на фронтах против армий Деникина и Врангеля.

Когда фашисты в 1941 году напали на Советский Союз, Сидор Ковпак не смог остаться в стороне и создал один из самых знаменитых партизанских отрядов – Сумское соединение, которое потом превратилось в большую 1-ю Украинскую партизанскую ди-

*Худ. Е. Очеретько. Партизаны Ковпака в Карпатах.
(Сидор Ковпак изображён сидящим справа у дерева).*

визию. Партизаны воевали с немецкими оккупантами на территории нынешних Белоруссии, Украины, России и даже Польши.

Осенью 1942 года Ковпак с присоединившимися к нему партизанами Сабурова направился к городу Лоеву. Немцы просто в страхе разбежались, так и не решившись вступить с ковпаковцами в бой. Партизаны вихрем промчались по сёлам Хойникского, Калинковичского и Мозырского районов.

Всерьёз фашисты отважились сопротивляться только в Буйновичах, где был их гарнизон и находился бургомистр. Буйновичи защищали укрепления и четыре дота. Смелой атакой партизаны разбили врага, захватили много награбленного фашистами продовольствия – 44 тонны зерна, 1 тонну соли, много овощей. Время тогда было голодное, поэтому партизаны часть продуктов оставили себе, а часть раздали местному белорусскому населению.

После этого Ковпак разгромил немецкий гарнизон в районном центре Лельчицы, где находились немецкие органы власти и жандармерия. Поражение фашистов было таким ужасным, что его называли «Лельчицкими Каннами», вспомнив о разгроме римлян карфагенянами у римских Канн.

Фашисты в декабре 1942 года рвались к Волге – вовсю шло

судьбоносное Сталинградское сражение. Чтобы не дать немцам спокойно везти подкрепления своим армиям под Сталинградом, Сидор Ковпак провёл операцию «Сарненский крест». Было взорвано с десятков железнодорожных мостов. Фашистские группы армий «Центр» и «Юг» не дождались многих нужных им подкреплений, техники и боеприпасов. Взбешённые фашисты бросили против Ковпака большие силы карателей. С тяжёлыми боями ковпаковцы вынуждены были отойти. В селе Гулевичи Ковпак встретился с другим известным пинским партизаном Коржом.

В ночь на 9 января 1943 года ковпаковцы разгромили санаторий в урочище Вольник в деревне Сосны: там под охраной отдыхали от своих кровавых дел фашисты, отпущенные в отпуск с фронта. Во время этого боя партизаны захватили большое количество зерна и домашнего скота. Всё это также было частично передано населению. Тогда же начал действовать и партизанский аэродром. Партизаны раскладывали костры вместо сигнальных огней, чтобы самолёты видели, куда им приземляться. На территорию, свободную от немецко-фашистских захватчиков, направляли раненых, тяжелобольных, детей, а партизанам привозили оружие и продукты.

Ковпак (слева) и его партизаны.

К весне 1943 года ковпаковцы освободили 14 районов Белоруссии и Украины. В освобождённой партизанской зоне со «столицей» в селе Глушковичи жило 200 тысяч человек.

В апреле партизаны узнали, что немцы отправили по Припяти караван своих судов: бронированный буксир, 5 бронетанкеров и 5 барж, каждая из которых везла по 150 тонн груза. Баржи охраняли ошестинившиеся оружием бронированные пароплавы «Гамбург» и «Лейпциг», и катер с пулемётами. Грозная это была сила, но Сидор Ковпак не дал фашистам хозяйничать на белорусской Припяти. Большинство немецких судов было потоплено, а остальные вернулись назад к Чернобылю, больше даже не пытаюсь пройти по партизанской реке. Уже 10 апреля 1943 года партизанский батька Ковпак стал генерал-майором – ему присвоило это звание советское правительство.

Много славных и геройских дел совершил Сидор Ковпак. Вернувшись с рейда по Польше, в Беловежской пушце партизаны столкнулись с находящимися там элитными фашистскими десантниками дивизии «Герман Геринг». Партизаны не смогли занять Беловежскую пушу и отошли на юг к Бресту. Из Бреста в это время на помощь немецким десантникам в Беловежскую пушу выдвинулись фашистские подразделения. Немцы всерьёз опасались, что Ковпак может занять Брест, и получили приказ любой ценой защитить город.

Фашисты уже понимали, что проигрывают войну и вымещали свою злость на мирных жителях. Возле села Подлесье ковпаковцы освободили 10 тысяч человек, которых гнали на каторжные работы в рабство. Оккупанты поспешно отступили к Кобрину.

С мая 1944 года дивизия Ковпака действовала в Минской области, принимала участие и в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. На железнодорожном перегоне Столбцы – Городея ковпаковцы захватили сразу три фашистских эшелона с машинами, самоходками, боеприпасами. Партизаны Ковпака освободили райцентр Мир, где находится знаменитый Мирский замок.

Всего за время войны ковпаковцы воевали больше чем в 30 районах Белоруссии. Имя батьки Ковпака навсегда вошло в нашу белорусскую историю. Легендарный партизан стал дважды Героем Советского Союза.

Глава седьмая

Угольные мины. Дядя Костя

Ещё одним известным партизанским командиром и подпольщиком является знаменитый Константин Заслонов или дядя Костя, как его звали партизаны.

Родился Костя Заслонов 7 января 1910 года в городе Осташкове Калининской области. Его родители были простыми бедными людьми. Уже в восемь лет Косте пришлось начать работать: он пас скот, был подмастерьем у сапожника.

Но Костя был упорным и трудолюбивым мальчиком, интересовался механизмами и разными деталями. Это пригодилось ему в будущем. В 1932 году он поступил в Ленинградский институт путей сообщения, но всего через год ему пришлось пойти работать вначале на Уссурийской железной дороге, а потом в Новосибирске в паровозном депо. Затем была работа в Рославле. Именно там и прозвали Заслонова Заслонычем и дядей Костей. Так его называли даже старые рабочие.

Заслонов был очень грамотным инженером и специалистом, поэтому его назначили начальником паровозного депо в Орше. Это было самое большое паровозное депо в Белоруссии.

Когда началась Великая Отечественная война, Константина Заслонова, как опытного специалиста, в котором остро нуждалась страна, отозвали в Москву. Но К. Заслонов не смог оставаться в тылу и попросил помочь ему организовать партизанский отряд, и разрешить вернуться в Оршу. Такое разрешение в итоге было получено.

К. Заслонов с группой партизан перешли линию фронта и стали продвигаться к Орше. Путь был очень сложным, практически везде были немецкие гарнизоны, партизаны испытывали значительную нужду в продовольствии.

Тогда К. Заслонов решил спрятать оружие и всем пробираться в Оршу поодиночке, чтобы попытаться устроиться там на работу.

Прибыв в Оршу, Заслонов явился к немцам и, воспользовавшись тем, что нужных специалистов не хватало, а Берлин требовал организовать регулярную отправку грузов для фронта, устроился в Оршанское депо начальником русских паровозных бригад. Помимо этого, К. Заслонов получил право брать на работу других людей.

Подорванный эшелон.

Именно тогда Константин Заслонов и организовал «угольную войну» при помощи специальных «угольных мин». Всего за три месяца Заслонов и его подпольщики отправили под откос 100 поездов, взорвали 93 паровоза, сотни вагонов и цистерн. Угольные мины было очень сложно находить. Их подбрасывали в уголь, который использовался паровозом. Такая мина с виду ничем не отличалась от обычного угля: взрывчатка обклеивалась угольной пылью и была точь-в-точь, как кусок антрацита. Попадая в топку, угольная мина чаще всего срабатывала и взрывала паровоз. Если машинисты были подпольщиками, они старались до взрыва выпрыгнуть из паровоза, но иногда и шли на смерть, если не было другого выхода.

Немцы были в бешенстве от того, что кто-то безнаказанно уничтожает их паровозы и поезда. В Орше начались аресты. Заслонов понимал, что его вот-вот может схватить гестапо – немецкая тайная полиция, поэтому в начале марта 1942 года ушёл из Орши, не дожидаясь ареста, и создал партизанский отряд. Вплоть до осени 1942 года отряд, постепенно разросшийся до партизанской бригады, вёл активные бои с фашистами в районе Витебска, Орши и Смоленска. Было уничтожено много оккупантов и немецкой техники. В октябре 1942 года талантливый партизанский командир дядя Костя стал руководить всеми партизанами в Оршанской зоне.

Худ. Е. Зайцев. Константин Заслонов.

Фашисты охотились за Константином Заслоновым. 14 ноября 1942 года немцы и отряды РННА (Русской национальной народной армии – так называемые «народники») начали наступление на партизан. Партизанские разведчики поймали в 10 километрах от деревни Куповать одного из членов РННА. От него и узнали, что на Куповать, которая считалась партизанской столицей, наступает три батальона по 500 человек в каждом.

Константин Заслонов приказал Куповать не отдавать. На опушке леса со стороны деревни Кузьмино организовали засаду. Первый батальон врага попал в западню. Многие погибли. Осталь-

ные стали кричать, звать своих на помощь и отходить. Из деревни Кузьмино по партизанам открыли сильный миномётный и артиллерийский огонь.

В последнее время получила распространение версия о том, что К. Заслонов и его штаб пьянствовали, поэтому были захвачены карателями врасплох и погибли. Это ещё один пример грубой фальсификации. В условиях немецкой карательной операции об алкоголе не могло быть и речи. Деревню Куповать окружали почти неприступные болота, но, вероятнее всего, кто-то предал партизан и провёл один из батальонов врага прямо в партизанскую столицу. Да и партизанская разведка вовремя не обнаружила фашистов и «народников». По другой версии партизаны посчитали, что «народники», которые двигались к Куповати, переходят на их сторону, о чём была предварительная договорённость, но это было иное соединение.

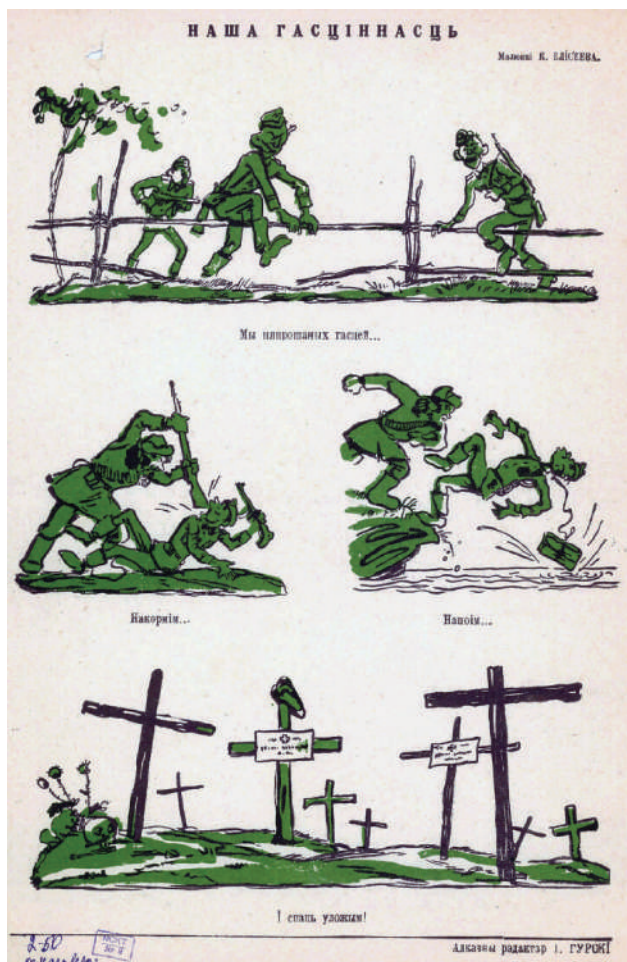
Константин Заслонов неожиданно столкнулся с врагом, когда каратели уже вышли к огородам. Пулемётной очередью он был тяжело ранен прямо на крыльце дома. Его верный ординарец Евгений Коржень затащил дядю Костю в дом.

Управление было утрачено, боем в различных местах командовали разные партизаны. Партизан было меньше сотни, а на Куповать наступали около 2 000 фашистов и «народников». Они обрушили на защитников деревни ураганный огонь. Бой был очень жестоким и неравным.

Врагу удалось захватить Куповать: партизаны были вынуждены отойти, но продолжили бой на запасных позициях и остановили врага. За убитого Заслонова обещали вначале 25 тысяч марок, затем 50 тысяч, железный крест и два поместья в Германии, поэтому захватчики его везде искали. Когда они вошли в дом, где прятали лежащего без сознания, умирающего Константина Заслонова, его верный ординарец Женя Коржень взорвал себя, Заслонова и карателей противотанковой гранатой. Теперь тело дяди Кости было уже не узнать.

Враги подожгли дом, но в подвале остался хозяин. Он и спрятал там тела Заслонова и Корженья.

Когда каратели к ночи ушли, тела Заслонова и Корженья похоронили в саду этого сгоревшего дома. После того боя немцы и «народники» три дня собирали своих убитых, но никогда не оставались в Куповати на ночь, опасаясь нападения партизан.

Уже после смерти партизана Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 года за проявленные отвагу и героизм Константину Сергеевичу Заслонову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В нашей памяти он навсегда останется дядей Костей, лихим партизанским командиром и настоящим патриотом нашей Родины.

Глава восьмая

Разведчик Иван Дорощенко

Масштабы наших потерь во время Великой Отечественной войны, в том числе и среди мирного населения, были огромными. По сути, фашисты проводили политику геноцида против нашего народа. И если бы не мужество и стойкость нашей армии, потерь могло быть ещё больше, и под угрозой было бы вообще существование нашего государства.

Колоссальная по своему трагизму и масштабу война выдвинула из народной среды сотни тысяч подлинных героев. Многие из них до сих пор либо вообще неизвестны, либо малоизвестны широкой аудитории. А ведь судьбы иных из этих людей настолько легендарны, что на их основе можно писать множество романов и снимать огромное количество кинофильмов. Это в США приходится выдумывать разного рода военные истории в духе «Спасти рядового Райна», потому что, при всём уважении к союзникам и их помощи СССР, основную тяжесть войны с фашизмом пришлось вынести именно русскому Ивану.

У нас же другая проблема – мощнейшее по заряду героизма наследие Великой Отечественной войны до сих пор окончательно не систематизировано, и подлинные, а не выдуманные, герои часто так и остаются неизвестными. Помните, в канун 35-летия Победы в 1980 году вышел международный документальный сериал «Неизвестная война», ставший настоящим откровением для миллионов европейцев и американцев? Если мы не будем помнить о наших героях, то рано или поздно такой «неизвестной» войной станет уже для наших людей Великая Отечественная. Мне вообще думается, что настало время издания новой современной книги о простых солдатах, которые, как и легендарный матрос

Кошка во время Крымской войны, проявили лучшие качества нашего народа и вынесли на своих плечах всю тяжесть сражений с фашистами.

Разные рода войск воевали с немцами. Понятно, что без авиации, флота, артиллерии или танкистов мы не могли победить по определению. Но общеизвестно и другое: наиболее тяжёлой была война для пехоты, которую не зря называли «царицей полей». Меся грязь, задыхаясь от пыли, замерзая в глубоких снегах, ночуя в окопах, пехотинцы прошли с боями по необъятным военным просторам. В пехоте воевал и мой дед по линии мамы – Андрей Лукьянович Шестун, украинец из Хмельницкой области, прошедший с боями половину Европы пешком, дважды выходивший из окружения и закончивший войну в звании старшины, чудом уцелевший в жесточайших боях за Кёнигсберг.

Но и среди пехоты выделялись те, кому приходилось рисковать жизнью почти ежедневно, те, кто в любой момент был готов и днём и ночью перейти линию фронта, взять «языка» или обнаружить огневые точки врага – это была пехотная разведка.

Будни разведки.

Об одном из таких пехотинцев-разведчиков я и хочу рассказать читателям. Его имя было практически неизвестно до 1985 года, когда неожиданно в Белоруссии узнали о разведчике-пехотинце, белорусе Иване Васильевиче Дорощенко, полном кавалере ордена боевой Славы, участнике Парада Победы 1945 года. А чуть позже, когда наступила перестройка, имя Дорощенко упоминалось уже в связи с другими событиями – оказалось, что в 1985 году разведчику возвратили ордена и медали, которые отобрали сразу после войны. Сам же Иван Дорощенко послевоенные годы провёл в лагерях и тюрьмах. Краток был миг славы у солдата – в девяностые годы его наконец-то стали иногда приглашать по поводу значимых дат во властные президиумы в небольшом белорусском городе Городке.

Мне повезло – в девяностые довелось несколько раз встречаться с разведчиком. Между нами сразу же установились хорошие, доверительные отношения. Может быть, поэтому Иван Дорощенко поведал мне многое из того, что предпочитал держать раньше в себе. А может, просто хотел рассказать правду о войне и своей жизни, чувствуя мою заинтересованность.

Бывший партизан Иван Дорощенко, влившийся в регулярную армию, уроженец деревни Дубровка Городокского района Витебской области, с первых же дней привлёк внимание командования своей смекалкой, ловкостью и каким-то природным врождённым солдатским талантом – и стрелять, и маскироваться у него получалось лучше других, поэтому командование направило его в разведку. Не потерялся И. Дорощенко и среди разведчиков: поначалу он, конечно же, многому учился и присматривался к более опытным товарищам, но вскоре о молодом разведчике знали уже многие – и за линию фронта ходил не раз, и из единоборств с фашистами всегда выходил победителем, не изучая до этого никаких специальных приёмов. Пригодился и богатый партизанский опыт. Хотя в свободную минуту И. Дорощенко старался научиться всему, что может пригодиться, у других солдат – и болевому приёму, и особой технике стрельбы, потому что понимал, любая мелочь может помочь выжить и, что ещё более важно, выполнить боевой приказ. Но иногда помогали просто сила воли и интуиция. Как-то в одном из рейдов за линию фронта Иван сцепился со здоровенным немцем: стрелять было нельзя, а нож немец выбил. Почувствовав, что немца ему не одолеть, и тот вот-вот при-

Разведчики почти ежедневно смотрели смерти в глаза.

душит разведчика, Дорощенко впился зубами ему прямо в горло, да так и загрыз насмерть. Приказ был выполнен, но вкус чужой крови Иван ещё долго чувствовал во рту и не мог есть несколько дней – ему казалось, что фашистской кровью пропитана вся пища. По совокупности всех этих подвигов И. Дорощенко получил свой первый орден Славы. Потом был и второй: как-то за линией фронта Иван вместе с напарником захватил важного немецкого офицера. До своих было далеко, да и напарник оказался тяжело ранен. Поначалу Дорощенко хотел пристрелить немца и вытащить товарища через линию фронта на себе к своим, но жаль было терять с таким трудом добытого «языка». И разведчик принял единственно верное решение: под угрозой оружия заставил немца тащить на себе своего раненого напарника. В результате и товарища спас, и «языка» доставил.

Не всегда, конечно, всё было так удачно и благополучно. В одном из выходов за линию фронта Ивана Дорощенко захватили фашисты. Раненого, потерявшего сознание. Едва разведчик пришёл в себя, его тут же доставили в гестапо: там ему ломали пальцы, загоняли иголки под ногти, избивали. Солдат по его признанию уже думал, что смерть неминуема. Но он до конца оставался разведчиком: едва представилась малейшая возможность, как он ею тут же воспользовался. После одного из избиений он попросил отвести его в туалет. Туалет был большой, дощатый, и у разведчика ещё при предыдущем посещении возникла мысль попытаться сбежать. Для этого пришлось бесшумно нырнуть в выгребную яму и через неё выбраться с другой стороны наружу, уйдя через росшие неподалёку кусты. На всё это у солдата было всего несколько минут. К тому же действовать нужно было с перебитыми пальцами. Немцы тут же подняли страшный переполох, устроили стрельбу и прочёсывание, но поймать вторично опытного разведчика им так и не удалось. Поскольку Дорощенко немцы увезли в сторону, то линию фронта ему пришлось переходить в месте дислокации чужого подразделения. На все уверения, что он свой, наши солдаты не реагировали и, недолго думая, сдали его в военную контрразведку СМЕРШ. Там, несмотря на перебитые пальцы и кровоточащие ногти, разведчика продолжили избивать теперь уже свои. Так бы и пропал солдат, если бы утром, когда его вывели под конвоем, не проезжал мимо знакомый генерал, хорошо знавший знаменитого разведчика. Дорощенко окликнул генерала, и тот, узнав солдата, приказал своей охране забрать Дорощенко к себе в машину. На протесты смершевцев генерал заявил, что за линию фронта Иван ходил по его приказу, что было неправдой. Смершевцы не хотели отдавать разведчика, но ситуация в тот момент на линии фронта была сложной, да и охрана генерала, как и сами смершевцы, схватилась за оружие. В итоге Дорощенко в генеральской машине всё же увезли прочь. Но по дороге генерал не выдержал и высадил разведчика на полпути к его подразделению: слишком уж невыносимую вонь источал тот после фашистской выгребной ямы. Отмываться пришлось долго, как и залечивать пальцы и ногти.

Много после этого славных дел совершил разведчик, но третьим орденом Славы его всё не награждали, памятуя об этом случае. Однако в самом конце войны произошло событие, после

Советские разведчики взяли языка.

которого об Иване Дорощенко заговорила вся армия, где он служил, и не наградить героя ещё раз было уже просто нельзя. Было это под Муроцем в Верхней Силезии. Ранняя и по-европейски тёплая весна согнала последний снег, и всё вокруг залило холодной апрельской водой. К этому времени Дорощенко был уже командиром взвода разведки. Перед наступлением полка командиру разведчиков была поставлена боевая задача: установить расположение немецкой обороны. Разведчики двумя группами по три и четыре человека перешли линию фронта и соединились в роще, откуда и вели наблюдение за одной из дорог. На свою беду по ней шли два немца, которым пришлось стать «языками». Дорощенко успешно сдал пленных в штаб, чем обеспечил значительный успех наступления полка. Но во время наступления вторая рота первого батальона не смогла преодолеть оборону и остановилась. Дорощенко, увидев, что полк пошёл вперёд, подошёл к командиру роты и попросил поднять роту в атаку, пообещав помощь разведчиков. Вместе с тремя своими разведчиками Иван поднял роту в атаку и вызвал ракетой огонь артиллерии по противостоящей им высоте. Но, несмотря на это, немцы пулемётным огнём остановили наших бойцов. Высота, где закрепились немцы, была окружена водой, поэтому они оказались в капкане и не могли отойти, яростно сопротивлялись. Погибли два товарища Дорощенко, шедшие впереди. Рота вновь вжалась в землю. Тогда Иван

и его закадычный друг Пятин пошли вперёд вдвоём, используя неровности местности. Сейчас много говорят о спецназе, его умениях, профессионализме. А ведь настоящие профессионалы Великой Отечественной войны не только ни в чём не уступали современным спецназовцам, но зачастую превосходили их, имея колоссальный опыт многолетних, почти ежедневных единоборств. Одним из примеров таких профессионалов и был разведчик Иван Дорощенко. Его боевой друг Пятин ворвался на высоту первым и тут же нарвался на штык притаившегося в окопе рыжего немецкого фельдфебеля. Увидев, что его друг замертво рухнул на землю, Дорощенко просто зашёлся от ненависти и гнева – война уже заканчивалась, и они с Пятиным так мечтали о том, как заживут потом, после победы. Сильным ударом Дорощенко раскроил приклад автомата череп фельдфебелю, да так, что сломал и сам приклад. Схватив автомат немца, командир разведчиков бросился в атаку. Наши, отрезанные от разведчика пулемётами, могли лишь наблюдать за его действиями издали. Используя повороты и небольшие неровности в траншеях, действуя где автоматом, где гранатами, Дорощенко, словно былинный богатырь, вышел победителем из схватки с тридцатью (!) фашистами. Двадцать четыре из них были убиты, а шестеро получивших ранения с нескрываемым ужасом, подняв руки, разглядывали странного русского, который, весь перепачканный кровью, прислонился с немецким автоматом наперевес к стене окопа и смотрел куда-то мимо них ничего не видящим взглядом...

Вспоминая, как дома у Ивана Васильевича мы сидели с ним на диване, и он говорил об этом бое, постепенно разоткровенничавшись.

– Вот Пятин – какой парень был, какой разведчик! Я в нём на все сто был уверен, всю войну вместе прошли! А этот рыжий гад его штыком! – глядя вдаль, сказал Иван Васильевич, ещё и ещё раз переживая подробности того боя.

– Иван Васильевич, а почему вы тех шестерых оставшихся немцев не убили – пожалели?! – спросил я.

Дорощенко некоторое время разглядывал пол, а затем неожиданно признался:

– Так я уже тогда без сознания был, ничего не соображал. В той траншее их тридцать, а я – один. Надо было выжить. Когда всё закончилось (мне потом рассказали), ко мне наша санитарка подбе-

жала. У меня всё лицо в крови, пена на губах. Она с бинтом, а я ей – кулаком. Подбежали наши. Командир роты меня за горло схватил, повалил. Потом трое суток в медсанбате под конвоем лечили...

– Почему под конвоем? Свои боялись?

– Выходит, что так. Потом в себя пришёл – всё и рассказали.

– А не страшно было в ту атаку идти, ведь конец войне? Не пойдешь в ту атаку твой друг Пятин, уцелел бы, – спрашиваю я.

– Это только дуракам не страшно. Мне всегда было страшно, но только до первого выстрела, до начала, а там уже не до страха, там воевать нужно. Они бы без нас ту высоту не взяли. Пятин страшно жаль, только по-другому мы не могли, не раз так и раньше делали. Поубивали бы иначе наших солдат почём зря. А мы разведчики, нам попривычнее.

Куда тут Рембо с его киношными подвигами! В этих скупых словах Дорощенко неожиданно открылась такая бездна правды о войне, что мне стало не по себе.

4 мая 1945 года после своего ставшего широко известным в армии подвига Иван Дорощенко получил третий орден Славы и стал его полным кавалером.

Победу Иван Дорощенко встретил в Вальденбурге. Не успел ещё отпраздновать и отдохнуть, как его полк бросили на освобождение Праги. Уже тогда, в девяностые, с подачи тех, кто хотел бы пересмотреть итоги войны, много говорилось о том, что Прагу освобождала не советская армия, а РОА Власова. Спросил я об этом и у разведчика. Дорощенко, немного подумав, ответил вполне недвусмысленно:

– Я не историк и всего не знаю. Могу говорить только за себя и свой полк. Чтобы власовцы освобождали Прагу – я такого не видел и не помню. А вот то, что мы напоролись на их засаду, и орудийными выстрелами они убили больше полсотни наших ребят – это было. Какие это вояки – только про грабежи и думали!

После капитуляции Германии легендарного разведчика ожидал Парад Победы. Чувствовалось, что Дорощенко вспоминал об этом времени с нескрываемой радостью и теплотой, пожалуй, это был самый светлый и радостный период в его жизни. В Москву их привезли задолго до парада и разместили в казармах пехотного училища. Занимались строевой подготовкой: вначале на аэродроме, а затем и на Красную площадь ездили. Вечерами частыми гостями в училище были Будённый и Ворошилов. Не раз послед-

ний, будто простой солдат, лазил под стол, когда на пару с Покрышкиным проигрывал в домино безногому генералу Ястребову и его напарнику. В тот краткий период между Победой и парадом и знаменитые маршалы, и герои Светского Союза вместе с полными кавалерами орденов Славы чувствовали себя одной большой семьёй – это была настоящая военная элита, лучшие из тех, кто сломал хребет фашизму.

И вот наступило 24 июня 1945 года, Парад Победы – самый светлый миг в жизни И. Дорощенко. Немецкие знамёна у подножья Мавзолея Ленина – что может быть более желанным для человека, прошедшего войну?!

После Парада всех участников пригласили на торжественный приём. Ровно в два часа дня в Лефортово был приготовлен зал на 2 000 человек. Для каждой четвёрки – свой особенный столик. Подавали коньяк и закуску. Недалеко от Дорощенко сидел Калинин. Перед входом всех обыскали и отобрали даже карандаши. Позже стало понятно, почему: мимо всех столиков по рядам с рюмкой в руке прошёлся сам генералиссимус И. Сталин, который для Дорощенко и других участников Парада Победы был едва ли не Богом. Сталин закончил обход и вместе со всеми выпил за Победу. Позже возле столов, где в своём большинстве сидели члены правительства, возникло какое-то оживление, и в тот же момент послышалась команда: «Встать! Смирно! Всем на выход!».

А после войны произошло то, чего можно было меньше всего ожидать. Во время отпуска в родной белорусской деревне Дубровке выпили в честь Победы. Показалось мало, и Дорощенко сбил замок с государственной лавки, чтобы продолжить вечер. За всё взятое он собирался расплатиться утром, лавка уже не работала. Похмелье было тяжёлым: гарнизонная гауптвахта, суд, лишение всех наград и первый большой лагерный срок. Время было сложное, так что былые заслуги не помогли.

Иван Дорощенко.

В лагере было тяжело, прежде всего, морально: боевой разведчик попал в одну компанию к ворам, бывшим полицаям, бандеровцам. Но и там, за колючей проволокой, воля русского солдата Ивана Дорощенко не была сломлена. Он старался поддерживать попавших в лагерь фронтовиков, не стал мириться с воровским беспределом. Как-то воры в лагере, недовольные независимым характером Дорощенко, вызвали его на «разборку». Воров было около десятка, и они были уверены, что без особых проблем справятся со строптивым фронтовиком. Через несколько минут все они лежали на полу котельной, корчась от боли, а одного из них, самого наглого, Дорощенко хотел сунуть головой в распахнутую заслонку топливного отсека. Вор попросил пощады.

С тех пор Ивана Дорощенко прозвали «мужик, ломом перепоясанный» и, несмотря на его игнорирование блатных законов, больше не трогали и всегда с ним считались: воровская почта разнесла новость о происшествии далеко за пределы данного лагеря. Но платой за это стал новый большой срок.

Уже в другом лагере Иван Дорощенко не смог снести оскорбления одного из начальников, руководивших строительными работами, и проучил того своим обычным способом – отделал на глазах у всей стройки. За это и получил свой третий срок.

Освободившись после долгих лет тюрем и лагерей, Иван Дорощенко первым делом связался со своими фронтовыми друзьями и поехал на встречу с ними в Ленинград. Боевые товарищи встретили его на ура, но сразу же поинтересовались, где же он был все эти долгие годы, почему никогда не приезжал на встречи однополчан, и почему у него нет ни одной медали или ордена на груди. Скрепя сердце, пришлось обо всём рассказать. У кого-то из однополчан был знакомый журналист, который посоветовал Дорощенко обратиться с письмом в Москву и попросить рассмотреть вопрос о возвращении наград, раз уж лагерные сроки закончились, и наказание отбыто. Но на первое письмо ему так и не ответили.

Дома же к вернувшемуся из лагерей герою относились подозрительно: бог знает за что его столько держали, может «враг народа» или того хуже – с немцами сотрудничал... Открыто в этом не упрекали, но никогда никуда не звали, словно и не был на войне Иван Дорощенко. Так и жил он эти годы – вторую половину семидесятых, начало восьмидесятых – забытый и никому не интересный, кроме своих однополчан, к которым, словно стремясь наверстать

упущенное, ездил каждый праздник Победы выпить фронтовые сто грамм. Одни они знали и помнили, как он воевал. Именно благодаря боевым друзьям И. Дорощенко написал второе письмо в Москву. За него просили фронтовики, журналисты, подключили необходимые контакты и связи. И накануне 40-летия Победы И. Дорощенко вернули награды. Разглядывая привезённые ему ордена Славы, И. Дорощенко сразу же отметил, что номера на них старые, но сами ордена – новые. 40-летие Победы в Ленинграде И. Дорощенко встретил при полном параде со слезами на глазах: за него радовались и буквально ликовали все знавшие его фронтовики.

Узнали о нём, наконец, и на родине и периодически стали приглашать на разного рода мероприятия. Но не всегда охотно – рассказывал Иван Дорощенко о войне интересно, но не всегда с такой патетикой, с какой это привыкли делать за многие послевоенные годы другие. Слушали его с интересом, да и три ордена Славы говорили о многом, а это далеко не всем нравилось из ветеранов, которые привыкли, что раньше внимание уделяли прежде всего им. Дорощенко на это не обижался и всегда чувствовал на официальных мероприятиях себя скованно. Помню, как он говорил:

– Ну чего они злятся? Не хотят звать, так и не звали бы. Я в президиумах не привык сидеть и даже как-то неловко себя чувствую: вдруг не так что сделаю и обижу кого. Пусть они говорят, у них и получается лучше... Хотя приятно, что хоть участником войны теперь считают.

Тогда, в девяностые, все кому не лень оплёвывали советское прошлое, и я не мог не задать на прощание свой последний вопрос:

– Иван Васильевич, а нет обиды на советскую власть, на СССР, ведь столько лет в лагерях, а потом забыты – без наград?! Судьба у вас непростая – вернись всё назад, что бы вы изменили?

Дорощенко искренне удивился, внимательно на меня посмотрел, а потом уверенно сказал:

– Какие могут быть обиды – сам, как дурак, дров наломал?! Виноват – вот и посадили. А другие два срока из-за горячности – может быть, и мог бы не получать, ну да как по-другому то было быть? А вот замок зря сбил: от водки всё это, дури! Конечно, не надо было тогда этого делать. Молодой был, только война кончилась. На нервах там на войне всё было, вот и стал вспыльчивым...

А страна не при чём. Думаю, мы ещё с Россией и Украиной, и с другими объединимся. Благодарен, что, несмотря на лагеря, награды вернули – всё же за дело их дали. Обидно было бы без них умирать – вроде и не было ничего.

Поражённый судьбой разведчика, я хотел написать ещё один более масштабный материал, но долго откладывал и в итоге так и не успел: Иван Дорощенко умер.

Иван Дорощенко – простой русский солдат, белорус, каких немало было среди нашего народа в военное лихолетье. Вся его жизнь – пример постоянного подвига и героизма, преданности своей родине, любовь и уважение к которой он сохранил на всю жизнь, несмотря на все трудности и сложности. Какими же ничтожествами на его фоне выглядят люди, которые в бытность СССР неплохо жили, а затем проклинали и свою страну, и всё, что с нею было связано.

Об Иване Дорощенко едва не забыли. Наверное, так постепенно забывают и о других. Но без прошлого у нас не будет будущего. Уверен, что нужно подумать об издании книги для детей и молодёжи «Солдаты Великой отечественной», где в популярной форме необходимо рассказать о наиболее ярких героях-солдатах, вынесших на своих плечах основную тяжесть войны.

Поэтому очень важно и правильно, что в мае 2005 года имя И.В. Дорощенко было присвоено Городокскому государственному профессионально-техническому колледжу сельскохозяйственного производства. Колледж как раз напротив дома, где живут мои родители в Городке на улице Баграмяна и, приезжая домой, я вспоминаю и о наших редких встречах с героем, которого уже нет в живых. А в местном краеведческом музее есть небольшой памятный стенд, посвящённый разведчику.

Глава девятая

Пётр Машеров

Пётр Миронович Машеров родился 13 февраля 1918 года в деревне Ширки Сенненского района Витебской области в простой крестьянской семье. Раньше в семьях белорусов было много детей. Петя родился пятым ребёнком в семье, а всего их было восемь (выжили только пятеро – смертность в те времена была также, к сожалению, высокой). Прапрадедом Петра Машерова, согласно семейному преданию, был французский солдат Машеро, который получил ранение во время Отечественной войны 1812 года, отстал от своих да так и остался жить в России, даже принял православие. Здесь женился на крестьянке, и отсюда пошёл род Машеровых в Белоруссии. Впрочем, каких-либо подтверждающих легенду документов или исторических источников не обнаружено.

Отец Петра Машерова – Мирон Васильевич – был крестьянином, по многу часов работал в поле, а кроме этого при необходимости становился и плотником, и слесарем. Мама будущего руководителя Белоруссии – Дарья Петровна – всячески помогала мужу, растила детей.

В школе Петя отличался успехами в учёбе, любил физику, математику, астрономию, побеждал на олимпиадах по этим предметам. Но и гуманитарная сфера интересовала мальчика: он знал наизусть стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Богдановича.

В 1934 году Пётр Машеров, закончив с успехом семилетнюю школу, поступил на рабфак Витебского пединститута им. С.М. Кирова. К слову, мы с моей женой, Еленой Геращенко, также в 1991 году окончили биолого-химический факультет данного ВУЗа, и

я до сих пор вспоминаю, как мы, тогда студенты, гордились тем, что в нашем институте учился «сам Машеров».

Рабфаки по всей стране давали обучающейся в них молодёжи среднее образование, служили учебной площадкой для подготовки к дальнейшему поступлению в ВУЗы.

Через год, в 1935 году, Пётр Машеров стал студентом физико-математического факультета этого же института. Уже в студенческие годы стали ярко проявляться заложенные в нём от природы лидерские и организаторские качества. Студент Машеров был одним из первых в общественной работе, активно занимался спортом. При этом была заметной и ещё одна его личностная черта, которая впоследствии будет так сильно отличать его от многих других руководителей – выраженная скромность и теплота в отношениях с людьми. В первый же год учёбы товарищи избрали его членом комитета комсомола и поручили заниматься культурно-массовой работой. По инициативе Машерова создали студенческий хор, танцевальный и музыкальный кружки. Посмотреть на выступления студентов приходили со всего Витебска.

Занимался Пётр Машеров и патриотическим воспитанием: изучением истории, приведением в порядок памятников гражданской войны. Будучи активным лыжником, Пётр Машеров участвовал в

Пётр Машеров в День Победы.

лыжном походе по местам боевой славы, посвящённом 20-летию Красной Армии. По итогам похода Машерова наградили именными часами наркомата просвещения, нагрудными жетонами комитета физической культуры и спорта Белоруссии. Пётр Машеров увлеклся стрельбой, стал ворошиловским стрелком.

Казалось бы, всё складывалось удачно и хорошо. Но в декабре 1937 года был арестован отец Машерова – Пётр Васильевич. Его сослали на три года в Горьковскую область (станция Сухобезводное). Труд ссыльных был крайне тяжёлым, и уже немолодой, страдающий ревматизмом и сердечной недостаточностью, Мирон Машеров быстро угас на принудительных лесозаготовках: всего через несколько месяцев после ареста, 20 марта 1938 года, умер (впоследствии, в 1959 году, Мирон Машеров был реабилитирован).

Это стало страшным ударом для совсем ещё юного Петра. Жизнь, которая казалась полной надежд и манящих перспектив, явила ему свою совсем другую, мрачную сторону. После ареста и смерти отца на первый план выходят уже не столько студенческие увлечения, сколько необходимость хоть как-то выжить в новых условиях. У всей семьи Машеровых резко снизился и без того невысокий уровень жизни. Учившемуся в Витебске Петру старались помочь старшие сестра и брат – Матрёна и Павел. Но кроме Петра были ещё младшие сёстры – Надя и Оля, и их тоже нужно было поставить на ноги. Взрослеть Петру Машерову пришлось рано. Когда брат Павел закончил институт и стал директором школы в Россонском районе, Петру стало немного полегче.

Закончив институт в 1939 году, Пётр Машеров получил распределение в школу Россон – городского посёлка и центра одноимённого района на севере Витебской области, где и стал учителем физики и математики. Ученики любили своего учителя, во многом старались ему подражать. Это потом сыграло решающую роль в том, что они, по примеру Машерова, ушли в лес, в партизаны, чтобы сражаться с фашистами.

Россоны – небольшой посёлок, всего в несколько тысяч человек, поэтому там почти все знали друг друга. Молодой учитель Пётр Машеров и такая же юная зубной техник Полина Галанова сразу же обратили внимание друг на друга. Создав семью, они пронесли свои чувства через всю жизнь.

Но школьной карьере несомненно талантливого учителя так и

не довелось состояться. Такая же участь ожидала многих учителей и выпускников советских школ в 1941 году по всей Белоруссии и стране: только отзвенели последние звонки, только закончились последние экзамены, как в небе появились фашистские самолёты, а школы начали сжигать наступавшие захватчики.

Молодой учитель Пётр Машеров сразу же, в рядах Красной Армии, ушёл добровольцем на фронт. После тяжёлых боёв в августе 1941 года его ожидало новое испытание – он попал в окружение и оказался в плену. Но Петру Машерову удалось бежать: когда фашистский эшелон уже подходил к границе, бывший учитель смог выбраться из товарного вагона через люк и спрыгнуть на ходу с поезда. Вместе с ним бежал и его товарищ. От голодной смерти вдоволь наскитавшихся беглецов выручила простая литовская крестьянка, предоставившая им еду и ночлег.

Пробравшись в родные края, Машеров не смиряется с фашистской оккупацией и вместе со своими единомышленниками начинает собирать силы в Россонах для сопротивления врагу. Примеру своего учителя последовали и многие ученики, а также

Пётр Машеров в годы войны.

и коллеги по работе в школе. Машеров создаёт сильную подпольную организацию в Россонах и в августе 1941 года становится её руководителем. Ему дают партизанскую кличку Дубняк. Так часто поступали, чтобы захватчики даже случайно не узнали настоящие имена и фамилии партизан и подпольщиков, и не смогли бы расправиться с их родственниками.

Подпольщики в Россонах занимались сбором оружия и боеприпасов, активно изготавливали и расклеивали листовки, рассказывая скрываемую немцами правду о победе советских войск под Москвой,

мешали заготовке и отправке сельхозпродукции в Германию и на немецкий восточный фронт, проводили диверсии.

Оккупанты активно искали подпольщиков. Дальше оставаться в Россонах было бесполезно: фашисты усилили везде контроль и охрану, а для открытого вооружённого противостояния в Россонах с немецким гарнизоном у Машерова не было сил. Да и сам руководитель подполья стремился перейти к более активным действиям, начать непосредственную вооружённую борьбу с врагом. В итоге Машеров уходит в лес и с апреля 1942 года командует партизанским отрядом имени Н.А. Щорса. Полина активно помогала Петру вначале при создании подполья, а затем и в лесу, где была первое время медсестрой, а в дальнейшем – начальником медицинской службы отряда.

На базе этого отряда со временем развернулось сильное партизанское движение. Было освобождено 10 000 квадратных километров территории, восстановлена советская власть. Партизаны Машерова действовали не только в Белоруссии, но и в прилегающих советских территориях России и Латвии.

В августе 1942 года партизаны Машерова проводят крупную операцию против фашистов: взрывают важный железнодорожный мост через реку Дрисса, приостановив тем самым движение немецких эшелонов по железной дороге Рига-Витебск.

Уже в марте 1943 года Пётр Машеров становится комиссаром партизанской бригады имени К.К. Рокоссовского, в сентябре возглавляет Вилейский подпольный райком комсомола. Машеров принимал самое активное участие в разработке и проведении практически всех боевых операций.

Не всё было просто в этой борьбе. Машеров был дважды ранен. Его мать – Дарью Петровну Машерову – фашисты расстреляли 16 сентября 1942 года за то, что её сын был партизаном. Вместе с матерью Машерова расстреляли ещё восемь человек, в том числе и детей. Расстреляли и мать Сергея Петровского, который был заместителем у Машерова. Перед смертью женщин и захваченных детей пытали.

Белорусский народ заплатил за свободу тяжёлую цену: большинство из первых партизан отряда «Дубняк», которые ушли в лес вместе с Петром Машеровым, были учителями и недавно закончившими школу учениками. Почти все они погибли.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа

1944 года «за героизм и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков», Машерову Петру Мироновичу, одному из немногих партизан, было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Вот что было сказано в представлении к награждению: «Товарищ Машеров первый организатор партизанского движения в Россонском районе Витебской области, которое в дальнейшем выросло во всенародное восстание и создало огромный партизанский край в 10 тыс. кв. километров, полностью сбросивший немецкое иго и восстановивший Советскую власть. Дважды раненый, товарищ Машеров за время двухлетней борьбы с немецкими захватчиками проявил личное мужество и отвагу, отдавая все свои силы, знания и способности этой борьбе и не жалея своей жизни. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Пётр Машеров хотел продолжать борьбу с врагом на фронте, но такие, как он, были очень нужны здесь, в разорённой войной Белоруссии. Фашистами и их пособниками было полностью уничтожено 619 белорусских деревень вместе с жителями, почти дотла разрушили Минск и практически все другие белорусские города. Люди жили в руинах и землянках. Впереди была зима. Машерову, как и многим другим бывшим партизанским руководителям, пришлось восстанавливать нормальную жизнь, поднимать Белоруссию в буквальном смысле из пепла.

Первые годы восстановления были наиболее сложными – ощущалась острая нехватка практически всех ресурсов. Да и обстановка была беспокойная: мало кто знает, что ещё лет десять после окончания войны в некоторых районах Белоруссии действовали шайки недобитых фашистских прихвостней, укрывшихся после ухода немцев в лесах или ушедших туда из опасений ареста и возмездия за сотрудничество с врагом. Они на манер «лесных братьев» в Прибалтике занимались разбоями, террором, убийствами.

Комсомольцы того времени не сидели в кабинетах, а были всегда в гуще событий. С июля 1944 года П.М. Машеров работал в качестве первого секретаря Молодечненского обкома ЛКСМБ, с июля 1946 года стал секретарём, а с октября 1947 года – первым секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии, руководителем белорусского комсомола.

В июле 1954 года Машеров был избран вторым секретарём Минского обкома партии, а в августе 1955 года – первым секре-

тарём Брестского обкома партии. С апреля 1959 года Пётр Миронович работал в ЦК КП Белоруссии секретарём, затем вторым секретарём, а в марте 1965 года стал руководителем БССР – первым секретарём Центрального Комитета Компартии Белоруссии. В апреле 1966 года Машеров избирается кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС. С этого же года, одновременно – членом президиума Верховного Совета СССР, являясь также и депутатом Верховного Совета БССР.

Он всегда помнил о войне, о погибших. Для Петра Машерова всё, что было связано с Великой Отечественной войной, имело глубинный личный смысл. Впрочем, так война в то время воспринималась и большинством белорусов. П.М. Машеров одним из смыслов своего руководства видел создание памятных мемориалов, которые должны были закрепить память о Великой Отечественной войне на долгие годы. Благодаря его личному вниманию и инициативе была создана и окончательно сформирована основа мемориальной памяти Белоруссии о событиях Великой Отечественной войны.

При создании всех этих комплексов на первый план всегда ставилась память о погибших, о совершённых во время войны подвигах и патриотических поступках, злодеяниях фашистов. Иными словами, это были памятники эпохе и тому ужасу, который принесла на белорусскую землю война, памятники мужеству и стойкости белорусского народа. Памятники войны сразу же затмили в Белоруссии памятники периода революции, которые отошли на второй план и как-то потерялись, и померкли, потому что вовсе не революция, а именно Великая Отечественная война стала стержнем национального белорусского советского самосознания. Идеология гордого и непокорного партизанского края была главенствующей. В этом смысле советский патриотизм и коммунистическая идеология в Белоруссии имели свою специфику. Партизанское движение скрепило кровью русско-белорусское единство. Многие из красноармейцев, выходцев из России, влившихся в ряды партизан, впоследствии остались в Белоруссии на постоянное место жительства. Война изменила Белоруссию навсегда и прочно заняла центральное место в белорусской коммунистической идеологии. Революция же после 1945 года в БССР всегда была на втором плане. Думается, во многом в этом факте и лежит объяснение нынешнего белорус-

ского феномена, когда Минск в отличие от многих других столиц СНГ последовательно стремится к сближению с Москвой. После распада СССР и краха коммунистической идеологии ситуация в Белоруссии была принципиально иной, нежели в других республиках СССР. Героика войны, на которой базировались главные ценности белорусского самосознания, не была затронута сколь либо серьёзно в годы перестройки, и именно она стала основой для российско-белорусских интеграционных процессов. Антисоветизм и русофобия не прижились в Белоруссии потому, что они были противоестественными для партизанского военного сознания белорусов. Сразу после распада СССР к белорусским националистам надолго приклеился ярлык «недобитых полицаев», потому что они ратовали как раз за то, против чего с оружием в руках воевала Белоруссия в 1941-1945 годах. В этом, собственно говоря, и заключается разница ситуации в Белоруссии и на Украине, где, к сожалению, возобладали реваншистские идеи бандеровцев, хотя на той же Украине военной героики было не меньше – Ковпак, молодогвардейцы, Крым.

Вряд ли П.М. Машеров заглядывал так далеко. Он, пожалуй, и подумать не мог, что станет с Советским Союзом спустя всего десять лет с небольшим после его смерти. Но значение пережитого Белоруссией и белорусами Пётр Миронович понимал, как никто другой. Уже на второй год своего руководства БССР П.М. Машеров инициировал создание Кургана Славы. 19 августа 1966 года было принято постановление ЦК КПБ о сооружении монументально-скульптурной композиции «Курган Славы» под Минском в память о героизме советских солдат и офицеров, жертв, понесённых Белоруссией, а также в честь победы в Великой Отечественной войне. Но об этом поговорим позже.

П.М. Машеров всегда очень основательно подходил к выбору как проектов сооружаемых мемориалов, так и мест для их расположения. Он старался принимать оптимальные решения как с точки зрения предполагаемых затрат и эстетико-исторического эффекта, так и удобства места расположения для обозрения и посещения туристами. При этом П.М. Машеров внимательно знакомился с доводами специалистов и порой менял свои же решения после того, как убеждался, что приведённые аргументы заслуживают внимания. Безусловно, он так же бывал субъективен, как и всякий человек, однако всегда понимал, что при сооружении мо-

нументов главным является не самовыражение собственного «я», а сохранение исторической памяти и героики эпохи, для чего эти монументы и мемориалы, собственно говоря, и сооружались.

Именно при Машерове был построен и знаменитый на весь мир мемориал «Хатынь».

В обычной жизни, несмотря на большой пост, Машеров был простым, доброжелательным человеком. И по сей день множество белорусов рассказывают о своих неожиданных личных встречах с Машеровым во время его поездок по Белоруссии, и ни одного негативного рассказа от очевидцев я ещё ни разу не слышал. О трёх из таких встреч мне рассказывал и мой отец Евгений Федосович Геращенко, который в то время работал главным агрономом в Городокском районе Витебщины. Однажды Машеров приземлился на вертолёт и, спустившись вниз, огляделся. Руководство стояло в одной стороне, а мой отец и люди попроще – в другой. Машеров сразу же оценил обстановку и подошёл вначале туда, где стоял мой отец, и со всеми поздоровался за руку. Потом, узнав, кто агроном, поинтересовался, как идут работы. Отец рассказал, что не во всём следует «генеральной линии», так как часто с учётом местных условий для пользы дела нужно вносить коррективы. Руководство области сразу же изменилось в лице. А Машеров спокойно сказал, что так и нужно поступать, чтобы было лучше для дела, а не для отчётности. Часто он подходил и к простым комбайнёрам, трактористам, всегда здоровался за руку: он любил всё узнавать на месте лично, а не по бумагам или сводкам.

Во время таких визитов на родную Витебщину Машеров всегда делал две обязательные остановки – вертолёт совершал посадки возле железнодорожного моста, который под его командой взорвали партизаны в 1944 году, и возле сельского кладбища, где была похоронена его расстрелянная фашистами мама.

Петра Мироновича Машерова не стало 4 октября 1980 года – он разбился в аварии на дороге Брест-Москва возле поворота на птицефабрику города Смолевичи. Похоронили его 7 октября. Белорусы любили Машерова. В тот день, несмотря на дождь, за гробом прошли десятки тысяч минчан. Не меньше людей стояли вдоль всего пути траурного кортежа, двигавшегося на Восточное кладбище.

Белорусы помнят о Машерове: в Витебске установлен бюст, в Минске есть проспект его имени, мемориальные доски. В музее Великой Отечественной войны ему посвящён отдельный стенд.

Пётр Машеров зажигает вечный огонь в Брестской крепости.

Пётр Машеров воплощал в себе лучшие черты белорусского национального характера, был не номенклатурным, а подлинным национальным лидером и, самое главное, он, хлебнув столько горя, любил и жалел людей.

Глава десятая

Предательский выстрел в сердце партизанской Белоруссии!

Как часто любил повторять Геббельс: «Чем больше ложь, тем легче в неё поверят». В этом, к сожалению, я убедился в очередной раз. Казалось бы, всему бывшему Советскому Союзу хорошо известна история партизанских сражений в Белоруссии, история издевательств и зверств фашистов на белорусской земле, история поистине всенародного восстания и всенародной борьбы с фашистами, в которой приняли участие и дети, и женщины, и старики. Напомню, именно партизанскому движению и обязан своим появлением термин «батька» в Белоруссии. Дословно «батька» – «отец», но в смысловом плане это слово означает скорее «атаман», «командир», «вождь». Так что первым «батькой» был легендарный партизанский командир батька Минай (М.Ф. Шмырёв), а вовсе не А.Г. Лукашенко. Уже потом, в девяностых, на волне борьбы белорусского народа за воссоединение в той или иной форме с Россией, А.Г. Лукашенко, возглавивший эту борьбу, и получил меткое народное прозвище «батька», что было безусловным народным признанием его заслуг по восстановлению русско-белорусского единства.

Пока были живы партизанские командиры и большинство людей, переживших ужасы оккупации, своими глазами видевшие концентрационные лагеря, расстрелы и пытки своих соотечественников, помнившие героику и трудности партизанского периода, не могло быть и речи о ревизии или очернении партизанского прошлого Белоруссии. Власти регулярно проводили громкие мероприятия, бывшие партизаны награждались

Партизаны на марше.

орденами и медалями, организовывались их встречи со школьниками и молодежью. Но, делалось это как-то чересчур помпезно, казённо и, самое грустное, в том же духе и в череде мероприятий в стиле «Выполним и перевыполним решения очередного съезда!». Люди в Белоруссии жили своей личной жизнью, а партизанское прошлое и его герои – своей. Уже тогда стал ощущаться какой-то цинизм и отрешённость людей от прошлого. Помню, в школе, где я учился ещё в советский период, была популярна глупая шутка – когда нужно было выбрать одно решение из двух возможных, мы иногда говорили: «Куда пойдём – в партизаны или в полицию?». И отвечали – «вначале в полицию, там одежду и денег дадут, а уже потом – в партизаны». Тогда же я впервые услышал и столь же дурацкий анекдот о временах оккупации. Приезжает немецкий офицер в белорусскую деревню и говорит местному населению: «Кто будет работать на немецкий власть, получит са..., как это по-русски... сало, а кто будет идти в партизанен – получит са..., как это по-русски... са... салупа». Нам тогда казалось, что это очень смешно. А ведь цинизм и забвение начинаются именно с таких, вроде бы, неприметных моментов. Думаю, что эти анекдоты возникли не сами по себе. Помню я и

наши походы по местам партизанской славы, встречи с партизанами. Нет-нет, да и забудется бывший партизан и, вопреки официозу, расскажет под хмурые замечания наших учителей «детям, это, наверно, не интересно» о том, как варили самогон или же бегали к девушкам в соседние деревни. И мы понимали, что нам рассказывают далеко не всё, хотя и знали, конечно, о миллионах убитых и замученных фашистами, о партизанских бригадах, о тысячах сожжённых белорусских деревень. Но во всех этих мероприятиях не хватало какой-то бытовой правды и обыкновенных жизненных мелочей. Мы старались разговорить ветеранов, и это у нас зачастую получалось.

Затем пришли девяностые. Партизаны стали умирать, встречи с ними стали проводиться реже. Определённый ренессанс партизанской темы возник при приходе А.Г. Лукашенко к власти: партизанское прошлое Белоруссии как нельзя лучше подошло в тот период в качестве идеологической поддержки для новой белорусской власти. Вновь стали награждать ветеранов партизанского движения, стали проводиться массовые мероприятия. Но, как и в советский период, часто ограничивались формальными лозунгами: «Слава нашим партизанам-победителям!».

Но со временем партизан становилось ещё меньше, и уже почти некому было рассказывать школьникам о том, как всё было на самом деле. В начале нынешнего века как-то, если и не исчезла, то отошла на второй план и сама партизанская тема: о партизанах (как и о подпольщиках) стали вспоминать лишь в общем русле событий Великой Отечественной войны.

Но природа, как известно, не терпит вакуума. Это только на первый взгляд казалось, что в Белоруссии невозможен прибалтийский или западноукраинский вариант развития оценок итогов Великой Отечественной войны. Уже в середине «нулевых» я, общаясь с различными людьми, стал обращать внимание на то, что всё чаще зазвучали мысли о том, что партизанское движение было привнесено в Белоруссию извне, что основная вина гибели белорусов лежит на партизанах. Поначалу я посчитал это «умничаньем» нашей интеллигенции и не отнёсся к этому серьёзно: мало ли чего не говорят сейчас самые разные люди. Но потом во всём этом стала чувствоваться система. И я понял, что на уровне официоза всё остаётся прежним: почести ветеранам, возложение венков, мероприятия в школах. А за рамками официоза уже нача-

ла распространяться ядовитая ложь о войне и партизанах. Делалось это сознательно, с дальним прицелом.

Надо сказать, что значительная часть белорусских предателей и фашистских прислужников во время освобождения Белоруссии бежали с немцами и рассеялись по всему миру, сохранив в душе ненависть и к победившему фашизму Советскому Союзу, и к отравлявшим им жизнь партизанам. Многие выжившие представители этого отребья уже после распада СССР активно подключились к работе различных белорусских националистических организаций, участвовали в конгрессах белорусов мира и схожих мероприятиях, проходивших и в самой Белоруссии, и за рубежом, где, в том числе, обсуждались и проблемы «справедливой исторической оценки партизанского вопроса в Белоруссии и пересмотра итогов Великой Отечественной войны для Белоруссии».

И вот, наконец, в год 65-летия Великой Победы, недобитые полицаи и коллаборационисты, и их нынешние идейные последователи в лице белорусских националистов перешли в открытую атаку, используя «опыт» Прибалтики и Западной Украины: прозападная газета «Народная воля» стала публиковать главы книги некоего И. Копыла «Небышино. Война». Именно тогда данная книга приобрела сомнительную популярность, и за прошедшее десятилетие выброшенные ею и подобными «изданиями», и «исследованиями», сорные семена успели дать немалые ядовитые всходы. Во властных коридорах выход этой книги, увы, «не заметили».

Тем важнее сказать об этом сейчас, как раз накануне 75-летия освобождения Белоруссии и 75-летия Победы.

Целиком пересказывать сей весьма объёмный труд нет смысла – постараюсь сделать это кратко. Главный смысл книги и её газетных публикаций в следующем: война для Белоруссии началась 1 сентября 1939 года, когда два союзника – фашистская Германия и Советский Союз напали на Польшу. Белорусы оказались между молотом и наковальней. Немцы, оккупировав Белоруссию и быстро изгнав трусливую и бездарную Красную Армию, были настроены к белорусам лояльно и даже на первых порах (по словам автора – до осени 1942 года) помогали населению: организовывали школы, налаживали жизнь. Люди вздохнули свободно, не испытывая гнёта большевизма, но коварный Сталин, ненавидевший белорусский народ, в конце 1942 – нача-

ле 1943 годов стал засылать в немецкий тыл регулярные войска, которые под видом сельских жителей и партизан обстреливали немцев и вызывали карательные немецкие экспедиции. Люди бежали в партизаны, и всё повторялось заново. Причём партизаны в своей массе грабили население, часто были пьяницами и неуравновешенными садистами, боялись немцев, занимались массовыми приписками своих подвигов. Порой сами сжигали деревни (из «стратегических соображений»). Повезло тем деревням, где находились «власовцы» или отряды местной самообороны, они, дескать, защищали белорусов от партизан и немцев. Освобождение от немецкой оккупации тоже описывается в книге, как не самое радостное событие – вновь вернулись колхозы и красный деспотизм. Фашистская оккупация сменилась советской. Люди встречали советских солдат молча: не было ни цветов, ни радости.

Не верится, что такое могут писать в Белоруссии? Тогда приведу несколько цитат из упомянутой книги и её газетного варианта. О начале войны: «Нашу деревню не бомбили, не обстреливали из пушек, немцы не врывались в наши дома, никого не убивали, не грабили, не насиловали. И когда, будучи взрослым, я читал

Совершенно юные парни и девушки, вчерашние школьники, уходили в леса защищать родину от врага.

произведения о войне, видел киноленты, моё сознание вступало с этим в противоречие». О первой встрече белорусских детей с немцами: «Немцы не ругались на нас, с интересом нас рассматривали и стали угощать шоколадом, который мы также видели впервые. Я был менее боевой, оказался в хвосте, и мне шоколада не досталось. Было обидно, в глазах появились слёзы. Увидев это, один немец достал из кармана губную гармошку и подарил мне». Об учёбе в школе: «1 сентября 1941 года я пошёл в первый класс. Никакой нацистской пропаганды в школе не велось. Учительница ни разу не называла вслух имена фашистских вождей Гитлера, Геббельса, Геринга. Она нас просто учила читать, писать и считать». Однако, согласно И. Копылу, всё испортили русские: «Но учиться нам довелось недолго. В ноябре (земля уже была подморожена, однако снег ещё не выпал) к школе подошла группа вооружённых людей. Школа стояла отдельно, немного сбоку от деревни, и подойти к ней можно было незаметно со стороны кладбища. Это были красноармейцы, отставшие от фронта. Их много болталось в окрестных лесах. Они были грязные, ободранные, небритые, навели на нас ужас. Возможно, искали еду. В класс вошли трое, остальные остались на улице. Они были очень удивлены – идёт война, немцы под Москвой, а тут, как ни в чём не бывало, в школе идут занятия! Такое допустить нельзя. Один из них, возможно, старший, схватил учительницу за плечи и закричал ей в лицо: «Ты – фашистская прислужница, предательница» – и что-то ещё. Потом он вспомнил про нас и хищно закричал: «А вы, фашистские ублюдки, марш домой, и чтобы вашего духу здесь больше не было!». Они разговаривали по-русски. Можно сказать, что это был для нас первый урок русского языка и последний урок занятий в школе». Не забывает автор похвалить и немцев за размер установленных ими налогов, которые были «меньше сталинских»: «Немцы обложили все дворы твёрдым налогом в виде сдачи зерна, скота, фуража. ...хорошо помню, что для себя оставалось значительно больше, налоги нельзя было назвать разбойничьими. Ещё мы сдавали немцам по кабану в год, однако кроме этого была возможность и для себя выращивать по одному-два кабана в год». Автор подчёркивает на этих примерах, что «Так мы относительно спокойно прожили до конца 1941 года, весь 1942 год и почти всю первую половину 1943 года. Уже с конца 1942 года стали распространяться тревож-

ные слухи про партизан». Вот как И. Копыл описывает свою первую встречу с партизанами: «В дом вошло 10-12 человек, их вид был бандитским. Я испугался и начал сильно плакать. «Заткните ему рот», – сказал один из них. ... Отец упрашивал не забирать тулуп и валенки, крестьянину без них зимой очень трудно прожить. Старший со злостью сказал: «Сейчас я тебя пристрелю, и не нужны тебе будут ни тулуп, ни валенки». Настроение у партизан испортилось. «Где харчи?», – обратился к маме один из партизан. «Так я же вас покормила», – ответила она. Услышав этот, как им показалось, наивный ответ, партизаны разъярились. Они потребовали открыть кладовку, забрали сало, колбасы, окорока – всё, что можно было нести и сколько можно было унести. Это было обыкновенное ограбление». Куда «цивилизованнее», согласно «воспоминаниям» И. Копыла, вели себя немцы: «Для сравнения хочу сказать, что за всё время оккупации в наш дом всего один раз вошёл немец. Это было в январе 1942 года. Он переступил порог и сказал: «Матка, яйка», – и ожидал, стоя на половике у дверей. От страха мама схватила корзинку с яйцами и поднесла немцу. «Найн, найн», – сказал он и показал пять пальцев. Мама положила на его ладонь 5 яиц, он сказал: «Данке», – и вышел из дома». Далее автор описывает, как партизаны сожгли никем не охраняемый, нужный жителям мост, который не использовался немцами и делает далеко идущие выводы – «А в главный партизанский штаб партизаны, видимо, отправляли донесения, что на оккупированной немцами территории уничтожен «стратегический» мост, прекращено движение немецкой техники на восток – движение, которого не было. Я думаю, что так в основном провоевали партизаны всю войну». Далее автор приводит ещё несколько примеров из партизанского быта: «В их доме на постое был какой-то партизанский чин, по фамилии Аксючиц. Он всегда был пьян, ко всем цеплялся, угрожал пистолетом. Все жители дома жили в страхе и опасности». И вновь на эту же тему: «Вечерами партизаны устраивали танцы. Однажды один из этих партизан, будучи пьяным, пригласил на танец девушку Фаню Пашевич. Она отказала ему, сказала: «Я с пьяными – не танцую». «Сука, – закричал он, – а с пьяными немцами ты танцуешь?!». «Я их никогда не видела, немцы у нас танцы никогда не устраивали», – спокойно ответила Фаня. Озверевший партизан выхватил пистолет и два раза выстрелил в Фаню».

Партизаны 1-й Минской партизанской бригады.

Все эти примеры должны заронить в читателе, (особенно молодом и неопытном), мысль о том, что это и есть самая настоящая, скрываемая от людей властями правда о партизанском движении и моральном облике самих партизан...

Однако это лишь средство. Главная цель И. Копыла и ему подобных, а также тех сил, кто стоит за этими «новыми исследователями партизанского прошлого», не в этом. О главном «направлении удара» мы поговорим в следующей главе.

Глава одиннадцатая

Белорусский вариант «голодомора»!

Как известно, одной из основных, избранных украинскими националистами, а также аналитиками и их кукловодами из США и Европы методик воспитания ненависти украинцев к русским, сеяния вражды между двумя частями фактически одного народа, был «голодомор»: якобы специально устроенный Москвой в 1932-1933 голод на Украине, целью которого было уничтожение украинского крестьянства и принудительная коллективизация.

Никакие доводы о том, что в это же время голод поразил многие районы СССР (УССР, БССР, Северный Кавказ, Поволжье, Южный Урал, Сибирь, Казахстан) и был связан с целым рядом проблем и просчётов советского руководства, в расчёт не принимались. Да и не могли приниматься, ведь целью было не выявить истинные причины голода, а осознанно и целенаправленно вбивать клин между людьми, сеять ненависть.

Хотя голод и затронул территорию Белоруссии, однако в силу исторических обстоятельств раздувание темы «голодомора» в Белоруссии было малоуспешным. Безусловно, это во много было связано с историей Великой Отечественной войны, массовым партизанским движением: для белорусов это было намного важнее, нежели последствия голода в 30-е.

Осознав этот непреложный факт, наши «партнёры» решили идти в Белоруссии другим путём и поначалу поставить под сомнение всю героику партизанской борьбы, о чём я говорил в предыдущей главе. Однако это должно стать лишь первым шагом...

Далее предполагается возложить вину за геноцид белорусского населения фашистами в годы Великой Отечественной войны не на фашистов, а ...на правительство СССР и партизанское дви-

жение, создав миф, во многом аналогичный мифу об украинском «голодоморе». Как и в случае с Украиной, в Белоруссии, основываясь на реальных фактах, данными силами, поддерживаемыми из-за рубежа, предполагается полностью изменить общественную оценку произошедшего. Стратегической целью всего этого является воспитание ненависти к России, к русскому народу, срыв интеграционных процессов в рамках Союзного государства России и Белоруссии, как и Евразийского Экономического Союза.

Партизаны в боевом строю.

Не случайно и И. Копыл в своей книге «Небышино. Война» от описания морально разложившихся партизан плавно переходит к своей главной мысли о том, что именно на партизанах и лежит главная вина за геноцид белорусского народа: «Что интересно, они (партизаны – А.Г.) ни разу не посетили нашу деревню днём, боялись. Обычно они делали это ночью, чтобы поиздеваться над старостой и ограбить 2-3 дома. Скоро нам стало понятно, какую страшную опасность представляют партизаны». Вот как по И. Копылу происходило уничтожение деревень: «Однажды несколько партизан сидели за домом, грелись на солнце (а как же история о том, что они не заходили в деревню днём? – А.Г.), как на дороге со стороны деревни Далёкое появилась группа воору-

106

жённых людей. Это могли быть или немцы, или полицаи... Партизаны дали в их сторону несколько автоматных очередей. Мой отец бросился к партизанам с криком: «Что вы наделали, зачем стреляли? Завтра вы оставите деревню на произвол судьбы, а послезавтра немцы сожгут мой дом». Так оно и случилось, наш дом сожгли через 20-25 дней».

Далее И. Копыл приводит подобные «примеры», упрекая партизан в трусости и провокационных действиях: «... партизаны для засады переодевались в крестьянскую одежду. Немцы были уверены, что засада – дело рук жителей деревни... Через полчаса к Шунявке подъехали каратели, оцепили её и уничтожили вместе с жителями». И вновь: «они (партизаны – А.Г.) всё время нас «подставляли». Во всяком случае, так получалось. Это позднее, в послевоенных кинолентах нам стали рассказывать, будто партизаны защищали население от захватчиков». И чуть дальше по тексту: «Когда немцы и полицаи убивали людей в деревнях Шунявка, Витуничи, Небышино, партизаны спокойно наблюдали из своих укрытий, как происходит процесс. Они палец о палец не ударили, чтобы защитить людей. Никто из них не проявил героизма и самоотверженности, не вступил в бой с оружием в защиту сельчан. А знали же, что будет твориться, информированные были. Самой надёжной защитой от оккупантов было бы то, если бы партизан вообще не было. Они создавали опасные условия для жизни местного населения и создавали их сознательно и специально. Партизаны – соучастники преступлений. Однако сами исправно составляли акты, протоколы о зверствах немецко-фашистских захватчиков и отправляли их в Кремль». За неимением иных доказательств того, будто партизаны жгли деревни, И. Копыл высказывает свои личные подозрения по этому поводу: «Кто на этот раз сжёг всю деревню, или немцы, или партизаны, неизвестно. Люди даже спорили, кто из них преступник. Деревня имела стратегическое значение для немцев, им было выгодно, чтобы она оставалась целой. Под прикрытием деревни они могли вплотную приблизиться к реке Проне со стороны Докшиц, переправиться на правый берег и создать прямую угрозу партизанам. Партизаны хорошо знали про эту опасность. Чтобы обезопаситься, им было выгодно сжечь деревню. Этим самым они расширяли обзор до 2 км. Немцы в этом случае уже не могли подойти незаметно к реке».

Перед боем.

Единственной защитой от партизан автор считал одну из разновидностей «власовцев»: «Вскоре мы поняли, что родионовцы для нас – самая надёжная защита от всяких неожиданностей. Мы были защищены и от партизан, и от полицейев, и даже от немцев. Родионовцы несколько раз оставляли нашу деревню и возвращались вновь. Даже когда мы знали, что они находятся в соседней деревне, мы чувствовали себя спокойно».

И, как верх лжи и цинизма, И. Копыл обвиняет Кремль и Центральный штаб партизанского движения в... организации массовых убийств белорусского населения: «Для исполнения второй задачи – создать на оккупированной Белоруссии «всенародное» партизанское движение – был разработан очень простой, направленный против населения, бесчеловечный план. Главное – нужно было спровоцировать немцев на начало репрессий. План разрабатывался в Центральном штабе партизанского движения. Вначале был определён и создан список деревень, которые подлежали уничтожению. Эти деревни были равномерно распределены по всей территории Белоруссии, чтобы слухи о зверствах немцев

мгновенно распространились во все уголки республики. Нужно было как можно сильнее напугать население». И далее по тексту: «Если проследить, когда погибли деревни, которые покоятся на территории мемориала «Хатынь», то можно увидеть, что их уничтожение началось с 1943 года, что совпадает по времени с переброской промосковских партизан на территорию Белоруссии». И далее следуют окончательные выводы автора, для чего и написана вся эта книга: «Хочу отметить, это мои личные выводы, что, если бы на территории оккупированной Белоруссии не было партизан, потери населения были бы значительно меньшими, не было бы сожжённых деревень, и мы после войны быстрее бы отстроили свою страну». Поэтому, по мнению И. Копыла, «Германия и СССР являются виновными в разжигании самой кровавой, самой бесчеловечной войны XX столетия».

Явно не радуется автор и приход Красной Армии: «Красная Армия наступала очень медленно. Только в начале 1944 года она

вступила на территорию Белоруссии. ... Жители деревни встречали Красную Армию очень сдержанно. Я не видел, чтобы люди кидались к освободителям в объятия с поцелуями, чтобы бросали на броню букеты полевых цветов, чтобы выходили навстречу с чугуном горячей картошки или кувшином молока. Да и чем было встречать. Партизаны выгребли всё до последнего цыплёнка, до последнего зёрнышка. Люди молча смотрели на военную колонну через заборы своих дворов...».

Подводя итог сказанному, И. Копыл отмечает: «На нас было направлено оружие с двух сторон – со стороны немцев и со стороны парти-

Худ. М. Кухарев. Партизанка.

зан. Мы лавировали между ними и им назло выжили в невероятных условиях. Возможно, мой отец был прав, что Белоруссия существует в первую очередь, благодаря той части населения, которая смогла выжить в условиях оккупации».

В книге можно прочесть ещё много мерзостей и лжи: о том, например, как хорошо жилось угнанным в Германию, о том, что Жуков ради карьеры посылал на смерть сотни тысяч солдат, о том, что Германия на три дня была отдана на разграбление советским солдатам, и тогда произошёл почти миллион изнасилований немок, но разговор сейчас не об этом, а о партизанах.

Вроде бы всё выглядит логично... Люди просто хотели выжить, но их заставили партизанишь, провоцируя немцев на жестокость. Выглядит логично... Но только для тех, кто родился в девяностые и только для тех, кто ничего не знает о фашизме и человеконенавистнических планах Гитлера. А теперь поговорим о том, как всё было на самом деле.

Для белорусов, как и для других жителей Советского Союза и Восточной Европы, война началась задолго до 22 июня 1941 года. Началась она разработкой зловещих планов по порабощению и уничтожению «расово неполноценных народов» в ставке бесноватого фюрера. В 1940 году был разработан Генеральный план «Ост» – план, связанный с одной из главных целей германского руководства – захвата необходимого для процветания Третьего рейха «жизненного пространства», его колонизации, освобождение этого «жизненного пространства» от «излишнего» коренного населения. Отсюда и вытекала стратегическая концепция ведения войны на Востоке: войны на уничтожение. Победить на Востоке было недостаточно. Необходимо было уничтожить армию, страну, народ. Гитлер заявлял: «Мы обязаны истребить население – это входит в нашу миссию охраны германского населения. Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви». 30 марта 1941 года на совещании высшего командного состава вермахта Гитлер подчеркнул, что в войне против Советского Союза борьба будет вестись «на уничтожение», что «борьба будет сильно отличаться от борьбы на Западе. На Востоке жестокость мягка для будущего». В соответствии с генеральным планом «Ост» предусматривалось уничтожение на территории СССР и Польши десятков миллионов человек. Основные направления этой политики были изложены

Гиммлером в секретном меморандуме «Некоторые соображения рейхсфюрера СС Гиммлера об обращении с местным населением восточных областей». Среди подготовленных документов плана «Ост» наиболее откровенны замечания и предложения начальника отдела колонизации первого главного политического управления министерства по делам оккупированных восточных областей Ветцеля, согласно которым 25 % белорусского населения предполагалась онемечить, 75% подлежали уничтожению. Такие документы, как генеральный план «Ост», «Инструкция об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса»)», датированная 13 марта 1941 года, «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 года, «Двенадцать заповедей поведения немцев на востоке и их обращение с русскими» от 1 июня 1941 года и др., освобождали фашистских солдат от ответственности за преступления и возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики.

Иными словами, уничтожение мирного населения Белоруссии было заранее запланированной акцией, никак не связанной с началом партизанского движения. Осуществление нацистами политики геноцида белорусского народа началось с первых дней войны. Об этом мы поговорим в следующей главе.

Глава двенадцатая

«Славянам нет и не может быть никакой пощады»

Расстрелы и массовые экзекуции уже в начале войны приобрели огромные размеры. Вот выдержки из сообщений Советского Информбюро о зверских расправах гитлеровцев с мирными советскими гражданами на оккупированной территории Белоруссии в июне-августе 1941 года от 22 сентября 1941 года: «Приводим выдержки из дневников, найденных у немецких солдат и офицеров, убитых в боях. Фашистское отродье с хладнокровием профессиональных убийц описывает свою бандитскую расправу с мирным советским населением. Немецкий солдат Эмиль Гольц, член национал-социалистской партии, пишет:

«25 июня. Проходя через Слоним, вместе с Вальтером принял участие в очистке лавок и квартир. Кое-какие нужные вещи я захватил в машину.

28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но ещё не всё сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слёзы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы.

5 июля. В 10 час. мы были в мест. Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи. Взламывали двери топорами, ломami. Всех, кого находили в запертых изнутри домах, приканчивали. Кто дей-

Каратели за «работой».

ствовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и прикладом. Я предпочитаю пользоваться пистолетом».

Другой фашист-людоед обер-ефрейтор Иоганнес Гердер пишет в своем дневнике:

«25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеёмся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся 12 жителей и отвели на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

Согласитесь, всё приведённое выше как-то мало напоминает идиллию И. Копыла о мирных и добрых фашистах, которые кормили детей шоколадом. Как оккупанты относились к детям, мы поговорим чуть позже.

Партизанское движение начинается уже с самых первых дней фашистской агрессии. Уже 22-23 июня 1941 года немецкие источники известили о фактах партизанских вылазок и диверсий против немецких войск в западных районах Белоруссии. К концу июня 1941 года на оккупированной врагом территории Белоруссии действовало 4 партизанских отряда (без учёта стихийно возник-

*Фото «на память» или для отправки «любимой фразы».
Подлецы и дикари из фашистской Германии не только не стеснялись
таких снимков, но даже бравировали ими.*

ших партизанских групп), в июле их было 35, а в августе – уже 61. Первые партизанские отряды создавались партийными организациями на местах, засылались из-за линии фронта, формировались из числа военнослужащих-окруженцев. В числе первых партизанских отрядов Белоруссии были Пинский партизанский отряд (командир – В.З. Корж) и партизанский отряд «Красный Октябрь» (командир – Т.П. Бумажков), которые начали свои операции в конце июня 1941 года. Вслед за ними были созданы отряды легендарного батяки Миная (командир – М.Ф. Шмырёв) и М.И. Жуковского. Начинает свою партизанскую деятельность известный общественный и политический деятель П.М. Машеров. В короткие сроки партизанское движение в Белоруссии стало серьезной силой, противостоящей немецко-фашистским войскам, которую пришлось признать официальным лицам Третьего рейха.

Уже 20 июля 1941 года немецкое агентство «Трансокеа» сообщило, что белорусские партизаны напали на штаб 121-й пехотной дивизии вермахта, убили многих солдат и офицеров, в том числе командира дивизии генерала Ланселя. Совинформбюро подтвер-

дило это 24 июля 1941 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа 1941 года Т.П. Бумажков и Ф.И. Павловский первыми в Великой Отечественной войне из партизан были удостоены звания Героя Советского Союза, а М.И. Жуковский награждён орденом Ленина. К этому времени на счету отряда «Красный Октябрь» были сотни убитых и пленённых гитлеровцев, несколько десятков уничтоженных танков и бронемашин, 20 взорванных мостов, пущенный под откос бронепоезд и разгромленный в деревне Озерня штаб пехотной дивизии (разгромлен во взаимодействии с особым механизированным отрядом подполковника Л.В. Курмышева). Отряд М.И. Жуковского прославился в конце июля 1941 года дерзким разгромом немецких гарнизонов в райцентрах Слуцк и Красная Слобода. Подавляющее большинство партизанских командиров и самих партизан были местными жителями.

Приходится повторять вроде бы прописные истины, но, видимо, если появляются такие книги, как книга И. Копыла, и её тиражирует «Народная воля», кому-то это просто необходимо делать для своих далеко идущих и весьма неблагоприятных целей.

Солдаты и офицеры вермахта повсеместно совершали расправы над белорусским населением. Практическому осуществлению преступлений способствовала идеологическая обработка солдат вермахта и СС, проводимая в ходе подготовки к агрессии против СССР. В изданной для личного состава вермахта «Памятке немецкого солдата» говорилось: «У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сочувствие – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай, этим ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навеки».

Карательные операции против партизан и населения Белоруссии гитлеровцы проводили с первых дней оккупации. В июле 1941 года полицейский полк «Центр» организовал карательную акцию в Беловежской пуще и прилегающих к ней районах, в ходе которой уничтожил многие населённые пункты. В августе части 221-й и 286-й охранных дивизий провели карательные операции в районе Ивацевичей и близ Лепеля, а подразделения 162-й и 252-й пехотных дивизий – в Богушевском районе. В донесении об итогах операции в районе Богушевска гитлеровцы писали, что ими

расстреляно 13 788 человек из числа гражданского населения. Тогда же нацисты сожгли деревни Голощакино, Застенки, Спруги, Навязки, Тесны и др.

То же происходило и в начале «спокойного» по И. Копылу 1942 года, когда ещё никакого Центрального штаба партизанского движения не было в Кремле и в помине.

Ответом на фашистский геноцид стало усиление партизанской борьбы. Первое партизанское соединение (прообраз бригады) было создано в январе 1942 года в Октябрьской партизанской зоне (Полесская область) и объединяло 14 отрядов (более 1 300 бойцов). Общее руководство соединением осуществлял совет командиров (председатель – командир отряда «Красный Октябрь» Ф.И. Павловский). Соединение действовало зимой и весной 1942 года под названием «гарнизон Ф.И. Павловского». Военное руководство партизанским движением в годы войны осуществляли Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке ВГК (создан 30 мая 1942 года, расформирован 13 января 1944 года; начальник – генерал-лейтенант П.К. Пономаренко) и его республиканский орган – Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) (создан 9 сентября 1942 года, расформирован 14 ноября 1944 года; начальники – П.З. Калинин (октябрь 1942 – октябрь 1944 годов), полковник А.А. Прохоров (октябрь-ноябрь 1944 года). БШПД имел свои представительства (оперативные группы) на фронтах, а руководство партизанской борьбой осуществлял через 33 территориальных соединения. Сам штаб был создан потому, что партизанское и подпольное антифашистское сопротивление в Белоруссии, на Украине и в других оккупированных местностях СССР набрало такую силу, что дальше могло развиваться только под руководством единого центра. Не штаб создал партизан, как утверждает И. Копыл, а партизанская борьба логично привела к созданию единого центра в Москве.

Между тем фашисты планомерно продолжали реализовывать свои зловещие, человеконенавистнические планы. В ходе войны, опираясь на план «Ост», нацисты разрабатывали краткосрочные конкретные задачи по уничтожению населения. Материалы таких разработок обнаружены в документах рейхскомиссариата «Остланд». Согласно карте-схеме, датированной 17 ноября 1942 года,

Белоруссию от западной её границы до линии Гродно-Слоним, южную часть Брестской области, районы Пинска, Мозыря и остальную часть Полесья по линии Пружаны, Ганцевичи, Паричи, Речица предполагалось полностью очистить от местного населения и поселить на ней только немецких колонистов. Во всех крупных городах Белоруссии фашисты намеревались создать поселения для привилегированных слоёв немецкого общества. Количество местного населения, которое можно было бы оставить в этих городах, определялось точным расчётом: на каждого господина «высшей расы» – два раба «низшей» расы. Так в Минске и области намечалось поселить 50 тысяч немецких колонистов и оставить 100 тысяч местного населения, в Молодечно и его окрестностях – соответственно 7 тысяч немцев и 15 тысяч белорусов, в Барановичах – 10 тысяч немцев и 20 тысяч местных жителей, в Гомеле – 30 тысяч немцев и 50 тысяч местных жителей, в Могилёве и Бобруйске – по 20 тысяч немцев и 50 тысяч жителей.

Из отщепенцев и предателей оккупанты формировали городские управы, которые действовали только по приказам фашистов. Фашисты грабили население, вывозили захваченные ценности в Германию, а также начали отправку белорусов в Германию, где те должны были в качестве рабов работать на немцев. Активную помощь немецко-фашистским захватчикам в этом оказывали местные полиция и отщепенцы, в том числе и предавшие родину молодые люди из созданной фашистами организации «Союз белорусской молодёжи». Они говорили о том, что в Германии белорусы приобретут опыт «новой, цивилизованной жизни». Предатели из «Союза белорусской молодёжи» и «Белорусской народной самопомощи» даже устраивали шествия под бело-красно-белыми флагами и с такими же повязками на рукавах, заявляя о том, что именно Адольф Гитлер является подлинным освободителем белорусов. Но белорусы не верили этим отщепенцам. Тогда гитлеровцы стали просто проводить облавы, оцепляя рынки и врываясь в дома, и насильно угоняли людей в рабство.

Сохранилось предсмертное письмо 15-летней девочки из белорусского городка Лиозно в Витебской области Кати Сусаниной, угнанной в рабство в Германию – эти полные отчаяния предсмертные строки, которые ясно дают понять, какую «культуру» и «цивилизацию» готовили уехавшим белорусам фашисты. Катя

написала письмо своему отцу, который воевал в Красной Армии, и оно чудом сохранилось в развалинах одного из домов и дошло до наших дней:

«Март, 12, Лиозно, 1943 год.

Дорогой, добрый папенька!

Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери. Несколько слов о матери. Когда вернёшься, маму не ищи. Её расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил ее плёткой по лицу. Мама не стерпела и гордо сказала: «Вы не запугаете меня битьем. Я уверена, что муж вернётся назад и вышвырнет вас, подлых захватчиков, отсюда вон». И офицер выстрелил маме в рот...

Папенька, мне сегодня исполнилось 15 лет, и если бы сейчас ты встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички мне остригли наголо, руки высохли, похожи на грабли. Когда я кашляю, изо рта идёт кровь: у меня отбили лёгкие. А помнишь, папа, два года тому назад, когда мне исполнилось 13 лет? Какие хорошие были мои именины! Ты мне, папа, тогда сказал: «Расти, доченька, на радость большой!» Играл патефон, подруги поздравляли меня с днем рождения, и мы пели нашу любимую пионерскую песню... А теперь, папа, как взгляну на себя в зеркало – платье рваное, в лоскутках, номер на шее, как у преступницы, сама худая, как скелет, – и соленые слёзы текут из глаз. Что толку, что мне исполнилось 15 лет. Я никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Бродят голодные, затравленные овчарками. Каждый день их уводят и убивают.

Да, папа, и я рабыня немецкого барона, работаю у немца Шарлена прачкой, стираю бельё, мою полы. Работаю очень много, а кушаю два раза в день в корыте с «Розой» и «Кларой» – так зовут хозяйских свиней. Так приказал барон. «Русс была и будет свинья», – сказал он. Я очень боюсь «Клары». Это большая и жадная свинья. Она мне один раз чуть не откусила палец, когда я из корыта доставала картошку.

Живу я в дровяном сарае: в комнату мне входить нельзя. Один раз горничная полька Юзефа дала мне кусочек хлеба, а хозяйка увидела и долго била Юзефу плёткой по голове и спине.

Два раза я убегала от хозяев, но меня находил ихний дворник. Тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Я теряла сознание. Потом на меня выливали ведро воды и бросали в подвал.

Сегодня я узнала новость: Юзефа сказала, что господа уезжают в Германию с большой партией невольников и невольниц с Витебщины. Теперь они берут и меня с собою. Нет, я не поеду в эту трижды всеми проклятую Германию! Я решила лучше умереть на родной сторонushке, чем быть втоптанной в проклятую немецкую землю.

Только смерть спасёт меня от жестокого битья. Не хочу больше мучиться рабыней у проклятых, жестоких немцев, не давших мне жить!...

Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня.

Прощай, добрый папенька, ухажу умирать.

Твоя дочь Катя Сусанина...

Моё сердце верит: письмо дойдёт».

На конверте был написан адрес полевой почты отца Кати – Петра Сусанина, а на другой стороне письма приписка: «Дорогие дяденька или тётенька, кто найдёт это спрятанное от немцев письмо, умоляю вас, опустите сразу в почтовый ящик. Мой труп уже будет висеть на верёвке».

Адрес полевой почты устарел, но письмо было опубликовано в «Комсомольской правде» 27 мая 1944 года и стало известно всему Советскому Союзу.

Всё это было выполнением зловещих планов фашистов по порабощению и уничтожению «расово неполноценных народов». Вот за такое «освобождение» ратовали предатели из «Белорусской народной самопомощи» и «Союза белорусской молодёжи», под бело-красно-белыми флагами, восхвалявшие Гитлера на своих шествиях.

Характерной особенностью политики геноцида и «выжженной земли» стало уничтожение населённых пунктов вместе с жителями. За годы оккупации (1941-1944 годов) гитлеровцы провели в Белоруссии более 140 крупных карательных операций. Тысячи деревень сметались с лица земли, население истреблялось, угонялось в лагеря смерти или в фашистское рабство. Карательные операции проводились службами безопасности вермахта, подразделениями СС и полиции. Особой жестокостью отличался батальон СС, возглавляемый бывшим уголовником эсэсовцем Дирлевангером.

Для 1943 года характерно проведение крупномасштабных «усмирительных» акций с использованием моторизованных подразделений, танков, авиации. Фашисты зверски расправлялись с гражданским населением, захватывали скот, зерно, грабили имущество, насильно отправляли трудоспособное население на каторжные работы в Германию. Оставшихся сжигали живыми или расстреливали. Все постройки предавали огню, превращая целые районы в «зону пустыни».

Во время карательной операции под кодовым названием «Кот-тбус» в мае-июне 1943 года, в Минской, Вилейской и Витебской областях фашисты сожгли многие десятки деревень, уничтожили около 10 тысяч человек и более 6 тысяч человек вывезли в Германию. Они не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков.

В июле-августе 1943 года каратели провели на территории Кореличского, Новогрудского, Ивьевского, Воложинского, Столбцовского и других районов операцию «Герман». Характерной особенностью этой операции явилось то, что, наряду с массовым убийством людей и сожжением деревень, гитлеровцы в широких масштабах осуществляли захват рабочей силы для германского рейха, в том числе большого количества детей.

В осенне-зимний период 1943/44 годов проведение тактики «выжженной земли» приняло наиболее широкие масштабы. В последний период фашистской оккупации роль гитлеровского вермахта в осуществлении политики тотального опустошения оккупированной территории проявилась в создании специальных команд поджигателей. В их задачу входило при отходе фашистских войск проводить полное опустошение оставляемой территории. Население уничтожалось или угонялось в Германию. Одним из основных приёмов и способов осуществления политики тотального опустошения и «выжженной земли» явилось массовое уничтожение населённых пунктов вместе с жителями. Как правило, гитлеровцы сгоняли людей в один дом, сарай или гумно, наглухо его закрывали, а затем поджигали. Так за несколько дней до освобождения Белоруссии была сожжена вместе с жителями деревня Дальва Логойского района. В зоны пустынь превращались целые районы Белоруссии. Вот карта проведения карательных немецких экспедиций в Белоруссии за весь период оккупации. К сожалению, она не очень хорошего качества, однако хорошо видно, что «горела» почти вся республика, особенно её центральная и северо-восточная части.

Глава тринадцатая **Война на уничтожение**

В борьбе с партизанами фашисты широко использовали карательные отряды, состоящие из тех, кто, изменив Родине, перешёл на сторону вооружённого противника, открыто сотрудничая с гитлеровцами. Несмотря на то, что они являлись объектами подкупа, обещаний привилегий и благополучия, их было мизерное количество по сравнению с теми, кто, рискуя жизнью, принимал участие в партизанском движении или помогал ему. Борьба с партизанами велась, как правило, самыми жестокими средствами. Приказы высшего руководства давали санкцию на применение беспощадных методов. А так как военные операции против партизанских отрядов часто проводились впустую, то неудачи выдавали за «успехи», сжигая при этом мирные деревни вместе с населением. Трагическим примером может служить сожжение деревни Хатынь и её жителей, которая была уничтожена головорезами 118 полицейского батальона, дислоцировавшегося в г.п. Плещеницы совместно с батальоном СС «Дирлевангер», который дислоцировался в г. Логойске (то есть полицаями и немцами, а не только украинскими полицаями, как сейчас об этом говорят – А.Г.). В Логойском районе в годы Великой Отечественной войны фашистами была сожжена вместе с жителями 21 деревня. После войны 11 деревень были возрождены, 10 деревень – не восстановлены. О Хатыни поговорим отдельно чуть позднее.

Чудовищные злодеяния творили фашисты в Белоруссии на протяжении трёх лет оккупации. О масштабах уничтожения фашистами населённых пунктов Белоруссии вместе с жителями свидетельствуют следующие цифры. Из 9 200 населённых пунктов, разрушенных и сожжённых гитлеровцами в Белоруссии во время

Великой Отечественной войны, свыше 5 295 фашисты уничтожили вместе со всем или частью населения в период карательных операций. В Витебской области 243 деревни сжигались дважды, 83 – трижды, 22 – четыре раза и более. В Минской области сжигались дважды 92 деревни, трижды – 40, четырежды – 9, пять и более раз – 6 деревень. Из общего количества 5 295 деревень 3% уничтожено в 1941 г., 16% – в 1942 г., 63% – в 1943 г., и 18% – в 1944 г. Итогом нацистской политики геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии стали 2 230 000 человек, уничтоженных за три года оккупации. Погиб каждый четвёртый, а по уточнённым данным – каждый третий житель Белоруссии.

В поисках родных тел после «работы» карателей.

18 августа 1942 года Гитлер подписал директиву, согласно которой ответственность за борьбу с партизанами на территории рейхскомиссариатов возлагалась на рейхсфюрера СС Гимmlера, а в зоне боевых действий немецкой армии – на начальника штаба сухопутных войск вермахта.

В вермахте этим непосредственно занимался начальник оперативного управления генштаба генерал А. Хойзингер, а Гимmlер специально создал штаб под руководством генерала СС Э. Бах-Зелевски. Уже в октябре 1942 года начальник тыловой группы армий «Центр» генерал М. Шенкендорф и уже упомянутый Э. Бах-Зелевски разработали план проведения карательных акций.

В это же время при всех дивизиях фашистов, которые располагались в зонах действия партизан, начали создаваться специальные истребительные команды, подготовленные к боевым действиям зимой и в лесных массивах.

Но чисто организационных мер было мало: фашисты уже вовсю реализовывали план уничтожения советского населения «Ост», а борьба с партизанами была хорошим идеологическим предлогом для таких действий. 16 декабря на свет появилась злобная директива, подписанная начальником штаба верховного главнокомандования вооружённых сил фашистской Германии Кейтелем, где среди прочего было сказано: «войска... имеют право и обязаны применять в этой борьбе (с партизанами – А.Г.) любые средства без ограничения, также против женщин и детей, если это только ведёт к успеху».

Впрочем, фашисты не особенно церемонились в Белоруссии и ранее. В этом отношении достаточно показательны записи, сделанные в дневнике боевых действий высшего начальника СС и полиции по «Остланду» обергруппен-фюрера СС и генерала полиции Еккельна об итогах операции «Болотная лихорадка» («Зумпффибер») с 22 августа по 21 сентября 1942 года. Сами записи сделаны, вероятно по поручению Еккельна, обер-штурмфюрером СС Бирмайером. Подвиги оккупантов и карателей расписаны с немецкой педантичностью достаточно подробно и цинично. Обращаю внимание читателей на то, что каратели проявляли себя куда лучше в расстрелах и сожжениях белорусских деревень, нежели в боях с самими партизанами:

«28.8.1942. В ходе проведения операции полком Баркхольта совместно с 1-й ротой 24-го полицейского полка возле дер. Рудня и Мордасы происходили незначительные стычки с противником. 3 бандита расстреляны. Вечером операция еще не закончилась. 26-м латышским полицейским батальоном в районе Нидаль – Брод расстрелян 1 бандит. Операция в этом районе без существенного успеха закончена.

29.8.1942. 2 бандитских лагеря и оборудованные под бандитские опорные пункты дер. Кормжа-север и запад вместе с населением уничтожены. ... 4 бандита расстреляны в бою, трофеи незначительные.

1.9.1942. Операция против банд в районе озера Синее (южнее Минска) завершена 1-й пехотной бригадой СС без существенных

результатов. Захвачено: 1 ручной пулемет и некоторые предметы снаряжения. Операция 26-го латышского полицейского батальона против банд в районе дер. Мостичка, Чемки и Мильница (западнее Борисова) также закончена безуспешно.

3.9.1942. В ходе операции в Налибокской пуще до сих пор имели место лишь отдельные короткие столкновения с противником. 15 бандитов расстреляно.

4.9.1942. Обнаружено 5 оставленных бандитских лагерей, захвачены 3 винтовки и 3 упряжки с кухонной утварью. Операция ещё не закончена.

5.9.1942. Операция в Налибокской пуще ... сейчас в стадии завершения... Чтобы усмирить эту местность, известную уже в течение 10 лет как убежище и очаг беспокойства, обергруппенфюрер СС Еккельн приказал сжечь упомянутые выше деревни и хутора, подозрительных лиц расстрелять, и весь район эвакуировать. Акция продолжается. Она находит широкую поддержку рейхс- и гебитскомиссара.

6.9.42. Операции в Налибокской пуще вечером 6.9. закончены. Для усмирения очагов беспорядков все деревни и хутора в этом районе, жители которых были связаны с бандитами, были сожжены и уничтожены. 204 чел., подозреваемых в принадлежности к бандитам, расстреляны.

10.9.42. ...в ходе отдельных акций были сожжены 3 хутора, оборудованные под опорные пункты бандитов.

11.9.42. ...в ходе отдельных акций южнее шоссеной дороги Брест – Слуцк было расстреляно 66 бандитов, несколько бандитских опорных пунктов сожжено.

12.9.1942. Бандитский опорный пункт Краснита (9 км юго-западнее озера Выгонское) сожжён и 70 подозрительных лиц расстреляно.

14.9.1942. Известные как бандитские деревни Бобровичи и Тупицы, расположенные на озере Бобровском, сожжены и примерно 80 чел. расстреляны. Ещё 12 чел. были расстреляны за поддержку бандитов... В дер. Подосовцы было расстреляно еще 48 чел., которые симпатизировали бандитам, 11 бандитских опорных пунктов сожжено.

19.9.42. ... расстрелян 81 вооружённый бандит и 200 чел., симпатизирующих бандитам... Бандитская деревня Затишье (примерно 10 км юго-западнее Ивацевич) уничтожена».

И, наконец, подводится итог данной операции: «В ходе крупной операции против банд в Белоруссии в период с 25.8 по 21.9.1942 года было:

а) сожжено и разрушено 49 бандитских лагерей, бункеров и опорных пунктов, а также деревень, расположенных в болотистой местности, которые служили прибежищем для бандитов,

б) 389 вооруженных бандитов расстреляно в бою, 1 274 подозрительных лица расстреляно, 8 350 евреев ликвидировано» (сборник документов НА РБ «Уничтожить как можно больше», Москва, Фонд «Историческая память», 2009 год).

Большинство «подозрительных лиц», как и евреев, были стариками, женщинами и детьми. Директива Кейтеля теперь и вовсе развязывала карателям руки.

В августе 1942 года фашистам удалось схватить легендарную разведчицу партизанской бригады «Неуловимые» Таню Мариненко, которая помогала ещё первым организаторам партизанского движения на Полотчине Н. Козлову и П. Хлудкову. Таню почти непрерывно допрашивали несколько суток. Измученной девушке удалось передать из заточения две записки, написанные её же кровью на клочках её рубашки. В одной из записок Таня Мариненко сообщила имя предателя, и кому из подпольщиков грозит арест, а во второй попрощалась с братом – командиром разведчиков бригады «Неуловимые». Во время допросов Тане выломали поочерёдно все пальцы, вывернули руки, истыкали ножами груди и лишь затем расстреляли. Такой была цена, заплаченная этой героической девушкой за будущую победу над врагом. За мужество и героизм Тане Мариненко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Её именем названа улица на левом берегу Полоцка. От улицы Мариненко получил своё название и самый большой и современный левобережный район города.

Для выполнения подобной «работы» не так просто было найти соответствующий контингент, и фашисты не гнушались набором в карательные отряды СС и полиции откровенного отребья самой разной национальности: от самих осуждённых за воинские преступления немцев до бывших уголовников и просто склонных к садизму и насилию предателей из числа белорусов, русских, украинцев, поляков, латышей, литовцев и эстонцев. В конце октября 1942 года боевой состав и численность карательных войск, занятых борьбой с партизанами на территории рейхскомиссари-

атов, были увеличены на пять дивизий, а в зоне боевых действий сухопутных войск – на 50 000 человек.

Между тем, сейчас, спустя 75 лет после событий той войны, даже в Белоруссии всё чаще звучат голоса о пересмотре итогов войны, роли фашистских пособников, которые выдаются за «борцов с коммунизмом и Сталиным», «борцов за подлинную независимость Белоруссии». В своей основе все эти клеветнические измышления базируются на воспоминаниях и точке зрения тех самых недобитых полицаев и фашистских коллаборантов, которые успели в годы холодной войны осесть в Европе и немало сил приложить для очернения как противостоявших им партизан, так и Советского Союза в целом. К сожалению, в нынешней Белоруссии также полно подобной литературы, в том числе и из Интернет-источников. Достаточно широкое распространение получил, например, текст книги «Дух времени», изданной в 2005 году где-нибудь, а в Белостоке-Лондоне Юрием Веселковским. Данное сочетание городов совсем не удивительно, если вспомнить, что в своё время именно Великобритания стала прибежищем польского правительства в изгнании, известного своими антисоветскими

*Предатели под бело-красно-белым флагом славят
«Гитлера-освободителя».*

настроениями. В книге Веселковского, изданной на белорусском языке, мы можем прочесть следующее ностальгирующее воспоминание о выступлении гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе 7 июля 1942 года в Барановичах, который сказал следующее: «Настало время, когда белорусский народ на белорусских землях должен сам создавать свою жизнь. На этой земле белорусской нечего делать ни москалю (так в тексте на белорусском – А.Г.), ни поляку!».

Управлявший Белоруссией генеральный комиссар Вильгельм Кубе проводил политику привлечения белорусов к сотрудничеству с оккупантами. Для этих целей спонсировались белорусские газеты, школы, театральные постановки. Нынешние бело-красно-белые (по цвету флага прозападной оппозиции Белоруссии – А.Г.) часто пишут и говорят о «неоднозначности» роли Кубе, о том, что он был «театралом и эстетом», «поддерживал всё белорусское». А 27 июля 1942 года и вовсе «разрешил использовать» бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». С тех пор до самого освобождения Минска 3 июля 1944 года бело-красно-белые флаги развевались в оккупированном Минске рядом с портретами Гитлера и фашистскими знамёнами со свастикой.

Колонна пособников фашистов в центре Минска в качестве примера «национального возрождения» при гауляйтере Кубе.

Кубе был инициатором создания так называемой Белорусской самообороны – организации коллаборационистов, призванной выполнять вспомогательные функции. Кстати, это тот самый Кубе, ставший прообразом немецкого генерала, который в одном из советских художественных фильмов «Часы остановились в полночь» перед расстрелом дал маленькому мальчику конфету и даже погладил его по головке. Кубе вообще был «большим эстетом»: во время расстрелов в Минске даже практиковал элементы театрализованного действия.

Что творили «эстеты» вроде Кубе в Белоруссии, общеизвестно – жгли, убивали, мучили и расстреливали. И рядом с такими «эстетам», если «удостаивались высокой чести», в качестве поощрения порой стояли лидеры Союза белорусской молодёжи, Белорусской самообороны и Белорусской народной самопомощи, и прочие полицаи, и предатели с бело-красно-белыми повязками на руках. Именно в бытность Кубе гауляйтером была сожжена Хатынь.

Минские подпольщики не оценили эстетику Кубе и взорвали его при помощи бомбы. 22 сентября 1943 года Кубе был убит в Минске группой подпольщиц в составе Елены Мазаник, Марии Осиповой и Надежды Троян. До освобождения Минска и всей Белорусской ССР оставалось меньше года...

По этому поводу Веселковский (как и прочие полицаи и коллаборанты, а также им сочувствующие) не стесняется демонстрировать открытую печаль: «...убийство партизанами заместника Белоруссии фон Кубе, который наиболее лояльно относился к белорусам, за смерть которого были расстреляны тысячи мирных граждан Минска. Какая эффективность этой акции в деле приближения победы?».

В Минске потом даже пришлось снести дом, где убили Кубе: там начали собираться на сомнительные акции представители нынешних прозападных «свядомых». Напомнил о себе Кубе и позже: при реконструкции Дома офицеров в центре Минска была найдена замурованная комната, где хранились венки и прочие атрибуты «скорби» нацистов по убитому подпольщиками Кубе – выбрасывать после похорон всю эту бутафорию фашисты не стали и просто замуровали в здании.

В 1943 году было создано очередное виртуальное «белорусское правительство» – так называемая Белорусская Центральная

Отважные подпольщицы Мария Осипова, Надежда Троян и Елена Мазаник, ликвидировавшие палача белорусского народа гауляйтера Кубе.

Рада (БЦР). 27 июня 1944 года перед самым освобождением Минска под сенью бело-красно-белых знамён и портретов «фюрера» был проведён пропагандистский Второй Всебелорусский съезд. Не обошлось и без традиционных заверений в адрес Гитлера: «белорусский народ будет решительно сражаться вместе с немецким солдатом против нашего общего врага – большевизма». Впрочем, «свядомыя» борцы с большевизмом» тут же бежали на Запад вместе с отступавшими фашистами.

До 1947 года участь их была незавидная и мало обнадеживающая, но затем в американской оккупационной зоне была воссоздана «Рада БНР»: США постепенно переходили к конфронтации с СССР, и у недобитых полицаев появился новый работодатель. Все последующие годы, до распада СССР, остатки БНР (Белорусской Народной Республики) и БЦР использовались США и их сателлитами для антисоветской пропаганды. БЦР фактически прекратила своё существование после смерти в 1995 году в Австралии Михася Зуя, а БНР в 1997 году (точнее – Раду БНР в изгнании) возглавила Ивонка Сурвилла.

Белорусская самооборона существовала с июля 1942 года по октябрь 1943 года и была расформирована немцами по причине своей полной неэффективности.

С этим, конечно же, Веселковский не согласен, так как он полагает, что на основе самообороны могла быть создана «независимая белорусская армия». Традиционно для подобной литературы советские партизаны изображаются в его книге бандитами, пьяницами и негодяями: «...ночью придут партизаны и расстреляют всю семью. ...Через три дня ночью пришли партизаны и ножами зарезали жену, ...всю семью колотили партизаны, ...однажды пришли к ним в дом пьяные партизаны. Пьяные до такой степени, что, уходя, один из них забыл взять свой автомат. ...партизаны расстреливали тех, кто отказывался идти в лес». Поэтому, по мысли автора, «белорусы во время войны не шли охотно и в советскую армию, и в партизаны за исключением партийных, комсомольцев и тех, кто сбежал в лес от народного гнева». Правда, видимо для «объективности», Веселковский признаёт, что «не все белорусы шли охотно в полицию». Однако тут же уточняет, что во время призыва, объявленного в БКА (Беларускую Краёвую Абарону), согласно воспоминаниям некоего В. Шнека, при записи в эту коллаборационистскую организацию в марте 1944 года «сознательность Белорусской Молодёжи удивила всех... Значит: Живёт Беларусь! Значит, хочет Беларусь сражаться за свою волю и лучшую долю!» При этом утверждается, что большинство белорусов предпочли стать не партизанами, а предателями и коллаборантами. И это в 1944 году, за несколько месяцев до начала освободительной операции «Багратион» в ситуации, когда партизанские бригады и другие соединения уже освободили от фашистов и их приспешников 60% территории Белоруссии?!

Эти же измышления повторила и газета «Голос времени», которая в 1994 году писала: «Партизаны Белоруссии воевали не за свой народ, не за его свободу и справедливость, а за старую большевистскую неволю, диктатуру, преследования, унижения и русификацию белорусов. Нужно, однако, сказать, что среди партизан были люди, которые имели совесть, но сколько их было?!».

Цитировать дальше подобные же источники не имеет смысла: я думаю, что читателям понятно, что и в Белоруссии немало как подобной литературы, так и сторонников такой точки зрения, особенно среди молодёжи. То, что в Белоруссии не происходит

таких диких выходов, как в Прибалтике или на Украине, заслуга прежде всего сильной власти А.Г. Лукашенко, который бережно относится к памяти о войне и партизанском прошлом. Впрочем, вероятно, это лишь вопрос времени: скрытый гнойник, увы, рано или поздно может прорваться.

Ложь о том, что большинство белорусов не поддерживали партизан, легко разоблачают сами же фашистские документы. Вот что написано об этом у обергруппен-фюрера СС и генерала полиции Еккельна всё в том же дневнике: «5.9.42 г. Установлено, что большинство жителей деревень в этом районе поддерживают связь с бандитами, действуют сообща с ними и даже из числа их многие мобилизованы в бандиты. Бандитские подразделения не обнаружены, так как они рассеялись и укрылись в болотах и лесах или же, как безобидные крестьяне, прячутся в деревнях и на хуторах». Напротив, никаких записей о поддержке фашистов и массовой помощи населения карателям не существует в природе.

Директива Кейтеля развязала всем этим негодьям руки, которые и без того были по локоть в крови. Фашистами и их пособниками было уничтожено 619 белорусских деревень вместе с жителями. Но 433 из них были восстановлены после войны. В карательных действиях против партизан и населения Россонско-Освейской партизанской зоны участвовало только в феврале-марте 1943 года 25 000 немецких солдат и офицеров. Им противостояли всего 12 500 партизан. В результате предпринятого карателями наступления с направления Кохановичи и Освея были расстреляны и сожжены сотни мирных жителей. Достигнув деревень Миловиды, Моторино, Марочково, Лешня, Юзефово и Быки, каратели сожгли на своём пути все постройки, забрали скот и продовольствие, заминировали дороги и населённые пункты, и, отравив (!) водоёмы и колодцы, отошли в Освею и Кохановичи. Все деревни, прилегающие к большаку Дрисса-Себеж вплоть до реки Свольна, были выжжены карателями, а население расстреляно и сожжено. Полицаи и коллаборанты самых разных национальностей являлись активными участниками всех этих зверств.

К апрелю 1943 года для борьбы с партизанами в тылу фашисты задействовали уже 80 000 человек только вермахта.

В январе 1943 года против витебских, смоленских и орловских партизан предприняли крупные операции «Зимний штурм», «Белый медведь», «Лесная зима», «Репейник II» и т. д. Немецкий

штаб отмечал, что «с учётом январских данных впервые число убитых партизан превысило цифру 100 тыс.».

8-9 февраля 1943 года фашисты произвели массовое уничтожение населения города Слуцка. После этой расправы карательные отряды «Вест» и «Норд» сожгли деревни Старобинского района Минской области – Копачевичи (убито 438 человек), Заглинье (убито 128 человек), Величковичи (убито 222 человека) и Старые Величковичи (убито 187 человек). В деревне Вельи в Россонском районе Витебской области фашисты сожгли все дома вместе с её 450 жителями. В Слуцком районе Минской области были сожжены вместе с жителями деревни Березинец, Задовба и Дубровно. Эти деревни исчезли с лица земли навсегда и так и не были восстановлены.

Очередная «победа» над партизанами.

На самом деле в это время в тылу группы армий «Центр» действовало 80 000 партизан, поэтому приведённая цифра «убитых партизан» – это свидетельство расправ над мирным населением – теми самыми женщинами, детьми и стариками.

Карательные экспедиции сопровождалась откровенными, ничем не прикрытыми грабежами: у белорусов отбирали до-

машный скот, запасы продуктов. В результате семи карательных экспедиций только в январе 1943 года у населения было отобрано 1 413 тонн муки и зерна, 842 тонны фуража, 279 тонн картофеля, угнано более 25 000 голов крупного рогатого скота.

В своей книге И. Копыл «Небышино. Война» приводит немало «примеров доброго отношения» оккупантов к белорусам. Что ж, приведём и мы несколько таких примеров, от которых у любого нормального человека кровь будет стыть в жилах. Есть тут и об отношении к детям, о чём я тоже обещал сказать выше.

Сразу после оккупации органами Чрезвычайных комиссий СССР были запротоколированы многочисленные факты геноцида, которые легли в доказательную базу по обвинению нацистских преступников на Нюрнбергском трибунале. И так, немного фактов. Я заранее прошу прощения за приведение всех этих зверств, да и как-то это немодно стало, не политкорректно, что ли... Только это и есть та самая правда, о которой так печётся И. Копыл.

Из материалов, переданных в Нюрнбергский трибунал: «Немецко-фашистские изверги применяли изощренные приёмы истязаний советских граждан.

Свидетель Семёнов В. сообщил Чрезвычайной комиссии: «В дер. Зачеревье Миорского района немецко-фашистские изверги замучили 10 чел., в числе которых были мой отец и мать. Издеваясь, они отрезали у отца нос и половые органы, а у матери вырезали груди, после чего их обоих застрелили».

Свидетельница Пушкарёва В., жительница дер. Липковщина, сообщила Чрезвычайной комиссии: «22 марта 1943 г. в деревню прибыла жандармерия под командованием Ваймана и арестовала многих граждан, которых после продолжительных пыток расстреляли. Среди расстрелянных был гражданин Пушкарёв С., которому немцы сначала выкололи глаза, а затем застрелили. Грудного ребёнка гр-ки Лазуревой Олимпиады немецкий солдат взял за ноги и убил его ударом головой о камень». Аналогичные показания дали свидетели Пискун, Гузенюк и др».

«Ещё до захвата гор. Полоцка немецко-фашистские бандиты имели заранее подготовленные планы по уничтожению представителей советской интеллигенции. Тотчас же после занятия гор. Полоцка начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали и расстреляли депутата Витебского областного Сове-

та депутатов трудящихся агронома Матюшкова Дмитрия, врачей Фальковскую Анну, Шалаева, Савицкую, Поликарпова, Плискунова, Кресик и других, учителей Цемахову Геню Исааковну, Зингер Софью Наумовну, Пирогова Дмитрия, Миндалева Георгия и многих др. Расследованием установлено, что немцы замучили и убили в гор. Полоцке свыше 200 чел. советской интеллигенции».

«В мае 1944 г. на площади в мест. Городище, якобы за связь с партизанами и антигерманскую деятельность, публично были повешены комсомольцы из дер. Гирмонтовцы Купцевич, Решетник, Шейна, трупы которых висели 3 дня, и родителям их немцы не разрешали хоронить. Несколько позже была повешена в мест. Городище женщина – полька Карнацевич, якобы за самогоноурение. В июле 1944 г. при отступлении на улицах мест. Городище немцы расстреляли женщину-акушерку Андрееву Франю. Летом 1942 г. в Городище около церкви была расстреляна женщина-еврейка, проживавшая в мест. Городище, по фамилии Мордух, с двумя детьми, которая по пути к месту расстрела сошла с ума. В мае и июне 1944 г. немецким 57-м карательным батальоном в Городище было арестовано 150 советских граждан польской национальности. Все они направлены в концлагерь в Колдычево и там зверски истреблены. Вскрытием могил убитых в Колдычевском лагере установлено, что большинство трупов имеет на себе следы жестоких пыток, нанесенных жертвам до их умерщвления. Руки трупов связаны колючей проволокой. Всего по мест. Городище истреблено граждан всех возрастов и разных национальностей 4 006 чел.

2 мая 1943 г. дер. Застаринье была окружена 57-м карательным батальоном, прибывшим из Городища. Над мирными жителями дер. Застаринье была учинена жестокая расправа. Население, независимо от пола и возраста, немцами сгонялось по 15-20 чел., где принуждали население ложиться вниз лицом и расстреливали из автоматов, после чего дома с трупами сжигались. В итоге сожжено и убито 382 чел. От пожара сгорела вся деревня – 96 домов.

Вот что рассказывает случайно оставшаяся в живых очевидец Ленько Пелагея Иосифовна 70 лет, уроженка дер. Ялуцевичи, проживавшая в Застаринье: «Когда немцы наехали из Городища в Застаринье, я находилась на улице. С улицы была загнана немцами в дом Фурсы. В доме оказалось человек 18-20, в том числе и дети разного возраста. Нас заставили лечь на пол вниз лицом и

после этого начали расстреливать. Когда всё закончилось, я, раненая, увидела тут же в доме ребёнка Данилевича Василия 2 месяцев, голова которого была разбита, как видно, ударом об стену, а туловище разодрано напополам».

«В июле 1941 г. немецкие изверги под предлогом вывоза на работу собрали в еврейскую школу гор. Вилейка около 250 чел., которых погнали за р. Вилию к заранее подготовленным ямам в 500 м от дер. Стайки на опушке леса, и там всех расстреляли. Свидетели-очевидцы Казанович Вера Игнатьевна и Альфер Нина Васильевна показывают, что, когда вышеуказанные граждане были сконцентрированы в указанном месте, то немецкие изверги открыли сплошной пулемётный огонь. Увидев неизбежную смерть, граждане бросились бежать, но их всех поражали вражеские пули. Некоторые оказались ранеными. Их стаскивали в ямы и зарывали живьём. По ул. Партизанской гор. Вилейка в бане собрали около 300 чел. стариков, женщин и детей. Баню заперли и подожгли, и все, находящиеся в бане, были сожжены. Остатки обгоревших трупов зарыли в яму, что подтверждается раскопками ямы, откуда извлечено большое количество человеческих обгоревших костей. Установить фамилии, имена и отчества всех уничтоженных граждан в гор. Вилейка и его окрестностях невозможно, так как погибшие граждане являлись не только жителями гор. Вилейка, но были завезены и из других местностей. На основании показаний опрошенных свидетелей установлено, что до 700 чел. жителей гор. Мозыря – женщин, детей и стариков – было истреблено немцами путем потопления в р. Припяти. По данному поводу опрошенная в качестве свидетельницы гр-ка Козловская Александра Филаретовна показала: «Кроме расстрелов, я была свидетельницей того, как немцы на р. Припяти сделали во льду проруби, подгоняли к ним обречённых и заставляли прыгать под лёд. Не желавших прыгать немцы стаскивали в проруби прикладами винтовок».

«В ноябре 1942 г. фашистскими войсками СС за день замучено, расстреляно и сожжено живьём в дер. Скородное 309 чел., которых на протяжении нескольких дней запрещали хоронить. Летом 1943 г. в дер. Кочищи группа немецких солдат и офицеров в количестве 10 чел. поймали гр-на Копача Алексея Кузьмича, которого выстрелом ранили. В это время на крик отца подбежала 15-летняя дочь Копача – Степанида. Немецкие изверги на глазах у дочери

раненого Копача сожгли на костре, а 15-летнюю Степаниду изнасиловали, а затем пристрелили и труп бросили в болото».

«В марте 1942 г. по Санюковскому шоссе немецкие солдаты гнали 5 партий граждан по 25 чел. наголо раздетых советских людей, собранных из окружающих деревень, которых тут же на шоссе расстреляли. Трупы были оставлены не зарытыми. Жестоким пыткам и истязаниям подвергли немецкие палачи 68-летнего гр-на гор. посёлка Ельск Бикмана Иосифа Шмерковича и [гр-ку] Бикман Тамару Ароновну. Они отрубили Бикману Иосифу левую руку, а Бикман Тамаре вырезали левую грудь и погнали их под конвоем по направлению гор. Овруч. Когда они, истекая кровью, потеряли сознание, немцы их закололи штыками и оставили около дер. Добрынь». (Из акта комиссии по Ельскому району).

«В феврале 1943 г. во время блокировки партизанских зон немцы ворвались в дер. Дяковичи Житковичского района и объявили всему населению, чтобы они подготовились для переезда на Украину, обещая им, что они там получают хорошие земельные участки. Когда население под нажимом собралось, тогда немецко-фашистские изверги и их сообщники отобрали у граждан всё имущество, а всё население в количестве 336 чел. было согнано в один большой, заранее подготовленный сарай, где все были заживо сожжены». (Из акта комиссии по Житковичскому району).

Свидетельница Шаповалова Мария Поликарповна показала: «23 сентября 1941 г., находясь около железнодорожного переезда ст. Калинковичи, я видела, как к железнодорожному тупику прибыли 4 грузовые машины полные людей. Среди них были старики, женщины и дети. Немецкие солдаты вытаскивали из машин детей, волокли к яме, клали вниз лицом и очередь из автоматов расстреливали. Среди привезённых поднялся крик, плач и стоны. Одна женщина, схватив 3 детей, кричала: «Скорее стреляйте, не пугайте детей». Её тут же немец застрелил вместе с детьми».

Но наш народ не встал на колени – у фашистов горела земля под ногами.

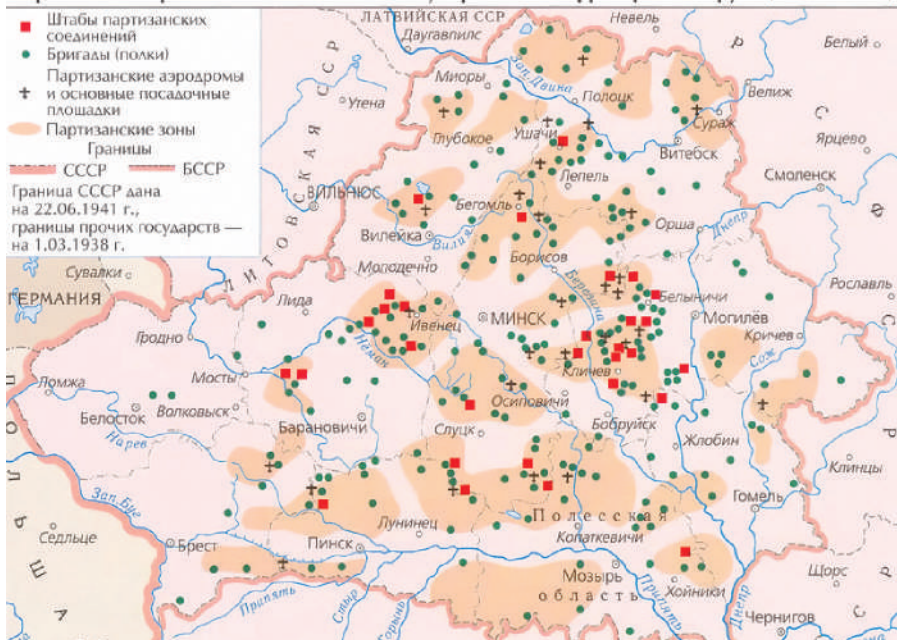
Глава четырнадцатая

Так воевали белорусские партизаны!

К концу 1943 года окрепшие партизаны стали вытеснять оккупантов не только из отдельных деревень, но и целых районов Белоруссии. 60% территории Белоруссии контролировали партизаны. Вы только вдумайтесь – более половины Белоруссии было освобождено от фашистов. Вот карта партизанских зон.

Партизаны, ведя непрерывные бои, спасли многие тысячи мирного населения от уничтожения и от угона в фашистское раб-

Партизанские бригады и соединения на оккупированной территории Беларуси (1942—1944)

ство. Действия партизан угрожали немецкой обороне на восточном фронте, негативно влияя на поставку воинских резервов, отвлекая вооружённые силы вермахта.

В конце 1943 года стало известно, что фашисты намерены изъять кровь у детдомовских детей Полоцка для своих госпиталей. Чтобы спасти детей, подпольщики группы «Бесстрашные» и партизаны бригады им. В.И. Чапаева 18 февраля 1944 года вывезли детей в расположение партизанского отряда им. Щорса. На 30 повозках детей перевезли в район деревни Словени Ушачского района. Туда за ранеными партизанами должны были прилететь с Большой земли лётчики Александр Мамкин и Дмитрий Кузнецов. Раненые партизаны отказывались лететь, пока не вывезут всех детей. Самолёты сделали несколько рейсов. Во время последнего полёта самолёт Александра Мамкина с детьми атаковали фашистские истребители. Самолёт загорелся, но А. Мамкин смог его посадить на аэродроме. Все дети были спасены, но едва отбежали в сторону, как самолёт взорвался. Сильно обгоревший лётчик умер в медсанбате.

В ночь на 3 августа 1943 года в Белоруссии на всех железных дорогах началась рельсовая война. В течение только первого этапа этой войны, продолжавшегося с 3 августа по 15 сентября 1943 года на железной дороге Молодечно-Полоцк было взорвано 10 132 рельса, на дороге Полоцк-Невель – 1 285 рельсов, Полоцк-Двинск – 3 406, Полоцк-Витебск – 1 058 рельсов. Только представьте себе эти цифры – ведь даже для подрыва 1 рельса нужно было скрытно заминировать от охраны железную дорогу. Неудивительно, что в итоге на многих участках движение было остановлено на несколько дней, а на дороге Молодечно-Полоцк – и вовсе более, чем на две недели. Партизаны в Белоруссии, на Украине и оккупированной части РСФСР на 35-40% сократили перевозки фашистов в сторону Орла, Курска и Харькова во время Курской битвы. В Белоруссии железнодорожное направление по тем или иным веткам было парализовано на 15-30 суток. Оккупанты понесли огромные потери. Так что партизаны сыграли свою значимую роль и в Курском сражении.

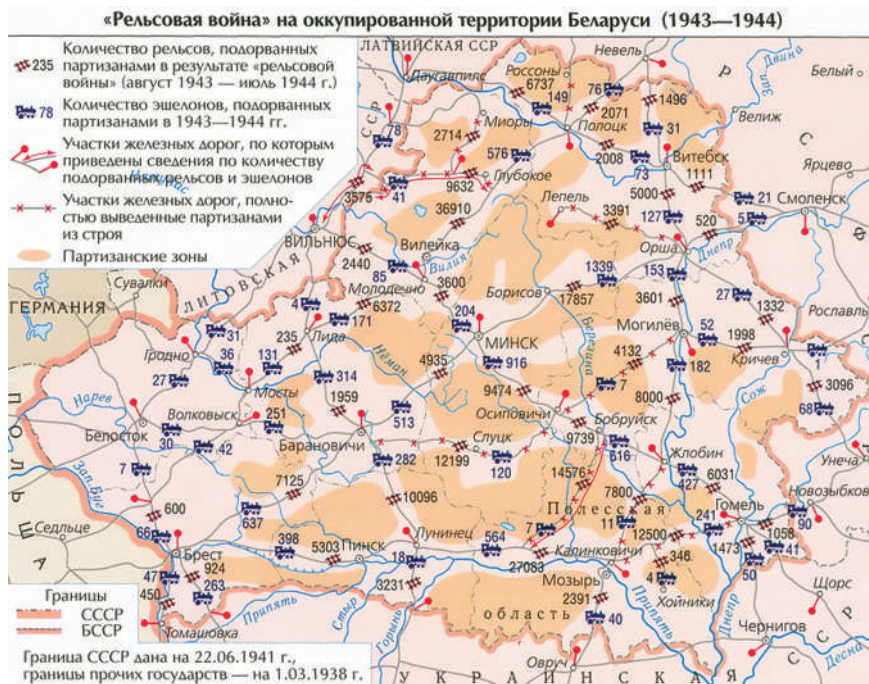
С 19 сентября по конец октября проводился второй этап рельсовой войны – операция «Концерт», совпавшая с осенним наступлением на советско-германском фронте. Под откос было пущено более 1 000 эшелонов, подорваны десятки тысяч рельсов, уничто-

жено 72 железнодорожных моста, убито 30 000 немецких солдат и офицеров.

Во время третьего этапа рельсовой войны, при подготовке и проведении операции «Багратион» по освобождению Белорусской ССР, белорусские партизаны полностью вывели из строя наиболее важные железнодорожные пути, а по оставшимся дорогам движение было также частично парализовано.

Разработка и проведение этих операций были организованы Ильёй Стариновым – выдающимся советским подрывником и разведчиком.

В 1944-1945 году в Минске были выпущены нагрудные знаки «Рельсовая война», вручавшиеся партизанам.

Понимая, что партизаны могут существенно помочь Красной Армии в боях за Белоруссию, в 1944 году немцы провели целый ряд масштабных карательных экспедиций, на что партизаны давали жестокий отпор. Только за два первых месяца упорных боёв фашисты потеряли более 6 тысяч солдат и офицеров, 9 танков, 4 самолета, 11 танкеток, 61 автомашину. Самое крупное за всю

войну наступление на партизан Полоцко-Лепельской зоны началось 11 апреля 1944 года, когда гитлеровцы бросили против народных мстителей 6 дивизий регулярных войск, 15 эсэсовских и полицейских полков общей численностью более 17 тысяч человек при поддержке 137 танков, 235 орудий и 75 самолётов. Возглавлял эту операцию лично командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнгард. В ходе 27-дневных ожесточённых боев с превосходящими силами противника партизаны прорвали кольцо окружения, вывели с собой более 15 тысяч мирных жителей и с неослабевающей силой продолжали наносить удары по врагу, который ежедневно получал подкрепления. За время этой операции партизаны убили и ранили около 20 тысяч карателей, уничтожили и подбили 84 танка, 236 автомашин.

На протяжении всего периода оккупации в Белоруссии действовали 199 партизанских бригад, 14 партизанских полков (997 отрядов) и 258 отдельных партизанских отрядов, в которых насчитывалось 374 тысячи бойцов; скрытые партизанские резервы достигали 400 тысяч человек. Наряду с этим, в подпольных организациях и группах насчитывалось свыше 70 тысяч человек, в том числе 10 тысяч сотрудников агентурной разведки. С июня 1941 по июль 1944 года партизаны Белоруссии вывели из строя около 500 тысяч военнослужащих оккупационных войск и марионеточных формирований, чиновников оккупационной администрации, вооружённых колонистов и пособников (из них 125 тыс. человек – безвозвратные потери), подорвали и пустили под откос 11 128 вражеских эшелонов и 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных станций и 948 вражеских штабов и гарнизонов, взорвали, сожгли и разрушили 819 железнодорожных и 4 710 других мостов, перебили более 300 тыс. рельсов, разрушили свыше 7 300 км телефонно-телеграфной линии связи, сбили и сожгли на аэродромах 305 самолетов, подбили 1 355 танков и бронемашин, уничтожили 438 орудий разного калибра, подорвали и уничтожили 18 700 автомашин, сожгли и взорвали 939 военных складов. За тот же период партизаны Белоруссии взяли следующие трофеи: орудий – 85, миномётов – 278, пулемётов – 1 874, винтовок и автоматов – 20 917. Общие безвозвратные потери белорусских партизан в 1941-1944 гг., по неполным данным, составили 45 тысяч человек. После освобождения Белоруссии 180 тысяч

бывших партизан продолжили войну в рядах действующей армии.

16 июля 1944 г. на минском ипподроме (в конце ул. Красноармейской) состоялся парад 30 тысяч белорусских партизан. Парад принимал командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И.Д. Черняховский. Такие же парады, но поменьше, прошли в освобождённом Витебске и других белорусских городах. Символично, что на другой день – 17 июля – в Москве по ул. Горького прошли колонны немецких военнопленных, захваченных в Белоруссии (так называемый «парад фаталистов»). Всего за годы войны 87 партизан и подпольщиков Белоруссии стали Героями Советского Союза, свыше 140 тысяч награждены орденами и медалями.

Знаменитый парад партизан.

Никакой Сталин, никакое НКВД не смогли бы поднять на освободительную, поистине Отечественную войну сотни тысяч людей, которые в ответ на фашистские преступления целыми семьями и деревнями уходили в лес.

А что же сделали мифические «сотни тысяч борцов за независимость Белоруссии от коммунистов и тирана Сталина»? Что уда-

лось совершить им? Пожалуй, кроме убийств стариков, женщин и детей ничего. Да и не было этих мифических сотен тысяч – в лучшем случае десятки тысяч негодяев и предателей, в страхе бежавших вместе со своими отступающими хозяевами и затем осевших в заграничных столицах, ныне пытающихся миазмами, выходящими из-под их пера, повернуть вспять ход истории. Впрочем, появилась уже молодая поросль, готовая одеть на головы изрядно проржавевшие каски своих идейных, а то и прямых предшественников и попытаться сделать в Белоруссии то, что не сделали их деды.

Не думаю, что это у них получится, но многое будет зависеть от каждого из нас.

Впрочем, большинство преступников получили по заслугам. В августе 1945 года странами антигитлеровской коалиции СССР, США, Великобританией и Францией в Лондоне было подписано Соглашение по вопросу судебного преследования и наказания главных военных преступников. 20 ноября 1945 года высшие государственные и военные деятели фашистской Германии предстали перед Международным Военным трибуналом в Нюрнберге. Трибунал признал преступными руководящий состав национал-социалистической партии Германии, охранные отряды (СС) этой партии, государственную тайную полицию (гестапо). Нюрнбергский процесс разоблачил сущность германского фашизма, его планы завоевания мирового господства, уничтожения целых государств и народов, опасность возрождения фашизма в любой форме. Процесс вошёл в историю как подлинный Суд Народов. Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 года подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Трибунала. ООН, полноправным членом которой является Республика Беларусь, признала, что агрессивная война, военные преступления и преступления против человечности являются тягчайшими международными преступлениями. Значительное место в обвинении фашизма занимали материалы и документы о преступлениях, совершённых фашистами на территории Белоруссии. «Геноцид – один из тягчайших видов преступления против человечества, направленный на уничтожение полностью или частично какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы». В массовых масштабах преступления геноцида гитлеровцы осуществляли в период второй мировой войны в оккупированных странах осо-

бенно против славянского (русского, белорусского, украинского, чешского, польского, сербского) и еврейского населения. Миллионы людей разных национальностей были уничтожены нацистами в лагерях смерти, тюрьмах, во время проведения карательных операций. Расправы над населением являлись частью планомерного выполнения программы нацистов по уничтожению славянского населения и сокращению его биологического потенциала. В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1973 года все военные преступники подлежат розыску, аресту, судебной ответственности и наказанию в случае признания их виновными. На военных преступников не распространяются сроки давности, им не предоставляется право убежища.

Книга И. Копыла «Небышино. Война» и ей подобные – типичные примеры геббельсовской лжи и передёргивания фактов, когда берутся и выпячиваются отдельные, вроде бы реальные события, но поданные в извращённой, искажённой форме, они выстраиваются в логическую цепь, на основании которой делаются абсолютно ложные и провокационные выводы. По сути, автор подвергает ревизии решения Нюрнбергского трибунала и обвиняет в развязывании геноцида белорусского народа не фашистов, а правительство СССР и партизан. В таком случае генеральная прокуратура Республики Беларусь должна была бы проверить все эти факты и дать им соответствующую оценку. А в случае не подтверждения, мягко говоря, «предположений и гипотез» И. Копыла рассмотреть вопрос о том, не является ли текст его книги прямым нарушением решений Нюрнбергского трибунала, где названы и определены истинные виновники геноцида нашего народа? Решения Нюрнбергского трибунала, как известно, не имеют срока давности.

Но, как я уже отмечал, ни эту книгу И. Копыла, ни её позорное тиражирование «Народной волей» на официальном уровне «не заметили» и просто промолчали.

Думаю, что пора в Республике Беларусь принять по примеру Российской Федерации закон, запрещающий любые попытки пересмотра итогов Великой Отечественной войны, осквернения памяти героев Великой Отечественной войны – партизан, подпольщиков, военнослужащих Красной Армии, – и распространение лживых измышлений в стиле писаний И. Копыла и Ю. Веселковского.

Во всей этой истории для меня есть и личный момент. Буквально за сутки до освобождения украинского села в Хмельницкой области моих бабушку и малолетнюю мать фашисты в составе огромной колонны ввели на расстрел к заранее выкопанным ямам. Узнав об этом, армейские разведчики вступили в бой и освободили уже обречённых на смерть людей. А ведь, как профессионалы, могли отсидеться – кому, как не разведчикам, известны приёмы маскировки. Среди них, наверное, были убитые – бой оказался сложным. Благодаря мужеству неизвестных мне людей, спаслись моя мать и бабушка, а в итоге родился и живу я. Возможно, что у погибших тогда, (в том числе и за меня), даже не было детей и уже никогда не будет. Поэтому все эти рассуждения И. Копыла вызывают у меня глубочайшее возмущение и омерзение.

Да, наверное, были пьющие партизаны, да, наверное, иногда, доведённые до отчаяния холодом и голодом, они могли что-то и взять больше, чем предлагали из своих запасов «колбас и окороков» некоторые прижимистые хозяева. Да ведь только партизаны воевали и жили в лесу, а не растили кабанов для немцев, как в семье И. Копыла. Я не осуждаю их за кабанов, но и гордиться здесь особо нечем. Помню, похожую историю про выращивание кабанов для фашистов в своей семье рассказывал и бывший Председатель Верховного Совета Республики Беларусь Мечислав Гриб, сменивший на этом посту печально известным участием в развале СССР в Вискулях в 1991 году Станислава Шушкевича.

А насчёт того, что они выжили... У партизанского командира батьки Миная (М.Ф. Шмырёва) фашисты убили всех его четырёх взятых в заложники малолетних детей. Он жил с этим горем всю свою жизнь. Но, уверен, тысячи других детей обязаны ему своими жизнями.

Удивляет меня во всей этой истории другое. Где были наши идеологи, наши историки, архивисты? Или молчание – знак согласия? Равнодушие? Кому, как не им опровергать всю ту мерзость, что почти десять лет назад вышла из-под пера И. Копыла?!

Печальный факт налицо: общество и власть проглотили первую серьёзную попытку ревизии итогов Великой Отечественной войны, показали свою полную недееспособность в идеологическом противостоянии с недобитыми полициями и коллаборационистами. К сожалению, в партизанской Белоруссии силами националистов и сторонников разрушения Союзного государства про-

водится кампания по дискредитации партизанского движения. Я представляю, с какой обидой и болью последние оставшиеся в живых партизаны, которых десять лет назад торжественно награждали юбилейными медалями и вручали небольшие денежные подарки, читали в «Народной воле» о себе, что они были зверями, алкоголиками и бандитами. «Поздравили» тогда ветеранов, партизан и подпольщиков «на славу»! И, боюсь, что это только первая ласточка – настоящее наступление идейных наследников белорусских полицаев ещё впереди.

Буквально на днях один из уважаемых мною людей, в ответ на мой рассказ о том, что я пишу книгу о периоде Великой Отечественной войны, зверствах фашистов и героизме партизан, поведал мне о том, что «оказывается, Зою Космодемьянскую поймали местные жители и сдали её фашистам, потому что она специально поджигала дома наших людей и была вообще ненормальной». Где-то я это уже слышал...

Однажды Юлиус Фучик сказал: «Не забудьте ни добрых, ни злых! Люди, будьте бдительны!». Неужели так быстро забудем или уже всё позабыли?!

СМЕРТЬ ВЛАСНИМ АКУПАТАМ!

ВІСНИК ФАШИСТСЬКОМУ Владимир

Трибуна-журнал, видання НК НК(С) Белорусі

№ 138

Студень 1945 г.

Ціна 50 кап.

З новым годам, з новай сілай
Будзем ворагаў крышыць,
Каб у логаве звярыным
У фашыстскую магілу
Кол асіравы забіць.

СТАРЫ ГОД—Прымі і дабі.
НОВЫ ГОД—Будзе зроблена.

Глава пятнадцатая

Трагедия Хатыни

Вернёмся к Хатыни. Среди наиболее известных мест для посещения, как белорусскими, так и зарубежными туристами, мемориальный комплекс «Хатынь» занимает совершенно особое место. «Хатынь» выделяется даже среди мемориалов, построенных в Белоруссии в память о Великой Отечественной войне. Это уникальное, полное трагизма место. Впервые попавшие в Хатынь испытывают очень сильные эмоции. Это трудно даже передать словами – словно вы вошли в дом, где находится пока ещё не захороненное тело вашего близкого друга или родственника, который трагически погиб в самом расцвете сил. Это место пропитано смертью. Здесь становятся намного тише даже самые развесёлые туристы. Здесь не было больших сражений, здесь нет образцов военной техники, архитектурных изысков и примеров героизма и стойкости. Здесь убивали, уничтожали, расстреливали и сжигали ни в чём не повинных людей. наших людей... Таких же, как мы с вами и наши родные, близкие и просто знакомые.

Это памятник человеческим страданиям, вечное напоминание о военных преступлениях нацизма и о том, что мы должны обо всём этом помнить, чтобы это не повторилось больше на нашей земле. Мемориал, несмотря на свои размеры, кажется каким-то пустым. По нему вечно гуляет ветер. Здесь даже более тоскливо, чем в сохранившихся мемориалах концлагерей. Там хотя бы остались какие-то бараки, там хоть как-то, пусть страшно и далеко не все, но всё же выживали люди. Здесь – только смерть и памятники, большие и маленькие. Памятники убитым и замученным людям, сожжённым деревням. Единственное светлое пятно – памятник уничтоженным деревням, которые были восстановлены после войны.

В Хатыни обязательно нужно побывать. Один раз. Больше никто из людей, не связанных с Хатынью профессионально, сюда, как правило, не возвращается – слишком тяжёлое зрелище. На всякий случай в Хатыни постоянно дежурит скорая помощь. Перед поворотом на Хатынь многие машины притормаживают, но зачастую так и не решаются заехать. А потом обязательно жалеют, потому что иметь возможность и не заехать – почти то же самое, что не прийти на кладбище к «своим» могилам в поминальный день или на Троицу. Не по-человечески как-то.

Вечный огонь.

22 марта 1943 года каратели из батальона СС «Дирлевангер» и фашистские пособники из 118-го полицейского батальона сожгли белорусскую деревню Хатынь вместе с полутора сотнями её жителей. Это был один из множества страшных примеров реализации на практике разработанного ещё до начала Великой Отечественной войны фашистского плана «Ост», согласно которому 25% белорусского населения предполагалась онемечить, а 75% подлежали уничтожению.

Мемориал «Хатынь» был построен по инициативе первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Петра Машерова – бывшего партизана, который лично был свидетелем ужасов оккупации и фашистских преступлений. В Белоруссии фашисты сожгли сотни деревень.

Почему выбор пал именно на Хатынь? После распада Советского Союза у нас подхватили подлую идею, рождённую на Западе, о том, что созвучие Хатынь-Катынь вовсе не случайно, и советское правительство, дескать, чтобы отвлечь внимание общественности от Катыни, где были расстреляны пленные поляки, построило мемориал с созвучным названием. На самом деле по воспоминаниям строителей и авторов проекта изначально предполагалось построить мемориал в деревне Вельи в Россонском районе Витебской области – во время войны её сожгли вместе с 450 жителями. В этих краях и партизанил Пётр Машеров. Но он понимал, что деревня слишком далеко от Минска, и мемориал будет труднодоступным. Тогда, наряду с другими местами, и возник вариант Хатыни, которая располагается относительно близко к Минску и, самое главное, название деревни очень выразительное – от слова «хаты». Именно белорусские хаты и были здесь сожжены нацистами и их помощниками. Были и другие серьёзные аргументы, которые позволили остановиться именно на Хатыни: деревня пострадала за помощь и связь с партизанами, большинство уничтоженных были невинные женщины, дети и старики. Природа этих мест очень красивая – это тоже учитывалось, как важный элемент будущей композиции для сравнения красоты нашего мира и чудовищности массового убийства. А о Катыни никто тогда ничего не знал. Но гораздо легче выплеснуть ложь, потому что оправдываться всегда труднее.

Тема Хатыни, страдания белорусского народа, цены, заплаченной за победу над фашистами, всегда была очень важной для П. Машерова. В 1979 году Машеров принял решение использовать тему Хатыни при возведении станции метро «Парк Челюскинцев» строящегося минского метрополитена, чтобы минчане и гости Минска всегда помнили о произошедшем в Белоруссии. Но после его смерти от этой идеи отказались: новое белорусское руководство, вероятно, подумало: зачем напоминать о смерти и страданиях, когда все стремятся в светлое будущее...

Сам комплекс создавался в несколько этапов. Но все главные и основные работы были сделаны в 1968-1969 годах. Вначале построили ту часть, которая относится собственно к Хатыни. На месте каждого из 26 сожжённых домов установили памятники – бетонные венцы срубов пепельного цвета и обелиски-стеллы в виде печных труб.

На вершине каждой – колокол. Колокола звонят каждые 30 секунд. Звон колоколов производит на посетителей очень сильное впечатление. Этого не ожидали даже сами создатели мемориала. Вот как описывает это Л. Левин в своей книге «Хатынь»: «Вечер накануне открытия мемориала. Колокола решили включить для последней проверки позже, когда на территории не будет ни одного посетителя... Ждём... И заговорила тишина. И ожила Хатынь. Ударил колокол в самом дальнем конце бывшей деревни – там, где сожжённый вишнёвый сад. Будто кто-то глубоко вздохнул, вскрикнул. Звук теряет силу, вот-вот растворится в темноте и тишине, но... Заговорил второй колокол, третий, четвёртый... Перезвон колоколов подхватывается с другой стороны деревни. Набат нарастает. Вот уже говорят все 26 колоколов. Стоим ошеломлённые. Сила звукового эффекта превзошла все ожидания. Дрогнула ночь... Снова тишина над хатынской поляной».

На мемориальных досках указаны фамилии жителей. Есть и калитки – они всегда открыты, но в этих домах больше не будет гостей. Сделаны и четыре стилизованных колодца – на тех самых местах, где стояли настоящие. Крыша памятнику сарая, в котором сожгли людей, сделана из траурно-чёрного лабродорита.

Напротив – братская могила хатынцев с Венком Памяти и словами обращения к будущим поколениям.

Но главной доминантой мемориала является шестиметровый памятник – старик держит на руках убитого ребёнка.

Уже 13 февраля 1969 года было принято решение о строительстве второй очереди «Хатыни». Чтобы подчеркнуть, что Хатынь – это в первую очередь символ трагедии геноцида белорусского народа, который вовсе не ограничивается одной деревней, было возведено «Кладбище не возрожденных деревень». На этом кладбище были захоронены урны с землёй из 185 уничтоженных деревень (186-й была сама Хатынь).

Всего же фашистами было уничтожено 619 белорусских деревень вместе с жителями. Но 433 из них были восстановлены после войны. Именно им и посвящён памятник «Символические деревья жизни».

В нишах «Стены памяти» – названия мест массового уничтожения людей с указанием количества убитых и замученных. Символично и название самого памятника, напоминающего известную

«Стену плача» в Иерусалиме – помимо белорусов, русских и других советских людей в Белоруссии фашистами было уничтожено и много евреев. В «Стене памяти» говорится об общей трагедии и боли жителей Белоруссии независимо от их национальности.

Был также установлен и Вечный огонь. В его чёрном постаменте место для четырёх ниш, но только в трёх из них растут берёзы – четвёртая отсутствует в знак того, что во время войны погиб каждый четвёртый житель Белоруссии. Это не совсем соответствует действительности, потому что по последним данным погибла треть населения Белоруссии, но ещё одну берёзку не стали трогать, оставив её на прежнем месте.

Торжественное открытие «Хатыни» произошло 5 июля 1969 года – при личном участии Петра Машерова и большом скоплении народа.

Но работы продолжались и позже: постоянно уточнялись списки сожжённых деревень, мест массового уничтожения населения, благоустраивалась территория, происходило обновление материально-технической базы мемориала.

К 60-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в 2004 году по поручению белорусского президента Александра Лукашенко была проведена реконструкция «Хатыни». Появилась фотодокументальная экспозиция «Хатынь», где представлены материалы о зверствах оккупационного фашистского режима в отношении белорусского населения.

Несмотря на всё сказанное выше, в последние годы не прекращаются атаки на историческую память о войне и сам мемориал «Хатынь» в оппозиционной белорусской прессе и электронных СМИ. В частности, утверждается, что немцы не имели никакого отношения к уничтожению Хатыни – её сожгли украинские полицаи-националисты из-за того, что партизаны убили неподалёку от деревни любимца Гитлера Ганса Вёлке. Эта версия возникла потому, что лишь в 1986 году состоялся суд над командовавшим полицаями 118 карательного батальона Георгием Васюрой: этот палач был найден и арестован только в последние годы существования Советского Союза. В духе советских традиций этот процесс просто замолчали, а затем наступил развал страны, и стало не до того.

Васюра за связь с немцами отсидел после войны срок, но затем, используя оттепель, заявил, что был репрессирован за плен (о его хатынских «подвигах» тогда ещё не знали). К 1986 году, ког-

*Российские соотечественники в мемориальном комплексе «Хатынь»
22 июня 2016 года во время проведения акции «Свеча памяти».*

да его всё же отыскивали после признаний бывшего подчинённого Мелешко, арестованного совсем по другому делу, Васюра стал заместителем директора одного из больших совхозов на Киевщине. Порой даже выступал перед пионерами в образе ветерана войны, фронтовика-связиста. Учитывая эти факты, дело решили не придавать огласке, но поползли многочисленные слухи.

Все эти недомолвки делали своё чёрное дело. Наконец, не реагировать на всё это уже было просто нельзя. В 2009 году в Академии Наук Республики Беларусь вышла книга «Хатынь. Трагедия и память», где приведены практически все известные сегодня документы о хатынской трагедии из фондов Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национального архива, Государственного мемориального комплекса «Хатынь», в том числе и рассекреченные данные Центрального архива белорусского Комитета государственной безопасности.

Представленные в данном 270-страничном исследовании документы позволяют составить вполне реальную картину того, что происходило в Хатыни 22 марта 1943 года. В тот день партизаны повредили линию связи между Плещеницами и Логойском (двумя населёнными пунктами неподалёку от Минска в витебском направлении). Это были места традиционной активности партизан отряда «Мститель» бригады «Дяди Васи». Немцы направили туда для восстановления связи два взвода первой роты 118-го полицейского батальона. Но полицаи попали в засаду: были убиты два полица, многие ранены, но, что гораздо важнее – был убит шеф-командир роты гауптман Ганс Вёльке. Это был необычный батальон, и, при всём обилии в нём украинцев, он не имел к украинским националистам никакого отношения. Дело в том, что так называемый 118 шуцманшафтбатальон был сформирован в Киеве. Состоял он из завербованных советских военнопленных, перебежчиков и уголовных элементов, которые согласились сотрудничать с оккупантами, прошли спецподготовку в различных школах на территории Германии и присягнули на верность Гитлеру. Руководил 118-м батальоном штурмбанфюрер Эрих Кёрнер, а Георгий Васюра командовал лишь собственно полицаями и без Кёрнера не мог ничего предпринять. Второй же ротой руководил гауптман Ганс Вёльке – чемпион мюнхенской Олимпиады 1936 года по толканию ядра. За его прежние заслуги на фронт Вёльке не отправили: он занимался карательными операциями, причём делал это с особым старанием, потому что вторая рота слыла самой кровавой в батальоне.

После гибели Вёльке командир охранного взвода В. Мелешко арестовал лесорубов – жителей деревни Козыри, которых они повстречали по пути перед нападением партизан. Из Логойска прибыла вызванная помощь – часть батальона СС «Дирлевангер», а из Плещениц – другие подразделения 118-го полицейского батальона во главе с Кёрнером и Васюрой. Арестованные люди поняли, что их будут расстреливать и попытались бежать, но 26 человек убили – скрыться удалось лишь двоим, остальных отправили в Плещеницы.

По следам партизан их настигли в Хатыни. Завязался бой. Каратели применили тяжёлое вооружение. Часть партизан погибло, части удалось уйти. В ярости фашисты окружили деревню, сожгли в большой сарай жителей (в основном женщин, стари-

ков и детей) и подожгли его. Когда часть обезумевших от боли людей выломала двери и попыталась бежать, их расстреливали из автоматов и пулемётов. Стрелял из автомата и лично Георгий Васюра. Затем была уничтожена и сожжена вся деревня. Погибло примерно 150 мирных жителей, в том числе множество малолетних детей. Согласно показаниям свидетелей, всем командовал штурмбанфюрер Эрих Кёрнер, а помогали ему поляк Смовский и Васюра. В уничтожении Хатыни непосредственно участвовали несколько десятков немцев, которые и руководили действиями предателей, перешедших на их сторону, перепоручив им самую грязную работу. Вот что представляли из себя эти подонки по воспоминаниям того же Васюры, когда во время суда прокурор, пытаясь уточнить роль немцев, спрашивал, зачем они были нужны в качестве руководителей, если перешедшие на их сторону предатели имели опыт службы в Красной Армии и умели выполнять приказы: «Васюра: «Да, служили. Но это была шайка бандитов, для которых главное – грабить и пьянствовать. Возьмите комвзвода Мелешку – кадровый советский офицер и форменный садист, буквально шалел от запаха крови. Повар Мышак рвался на все операции, чтобы позверствовать и пограбить, ничем не брезговали командир отделения Лакуста и писарь Филиппов, переводчик Лукович истязал людей на допросах, насиловал женщин: Все они были мерзавцы из мерзавцев. Я их ненавидел!». Следует заметить, что сам Васюра был ничем не лучше своих поплечников. Необходимо отметить также, что и батальон СС «Дирлевангер» был многонациональным – помимо немцев, как правило, осуждённых за различные преступления, там были представители и других национальностей – много было и советских граждан, перешедших на сторону врага. И всё же, отвечая тем, кто стремится обелить именно немцев, специально приведу слова одного из предателей, уничтожавших Хатынь, украинца Ивана Петричука: «Мой пост был метрах в 50 от сарая, который охранял наш взвод и немцы с автоматами. Я хорошо видел, как из огня выбежал мальчик лет шести, одежда на нём пылала. Он сделал всего несколько шагов и упал, сражённый пулей. Стрелял в него кто-то из офицеров, которые большой группой стояли в той стороне. Может, это был Кёрнер, а может и Васюра. Не знаю, много ли было в сарае детей. Когда мы уходили из деревни, он уже догорал, живых людей в нём не было – дымились только обгоревшие трупы, большие и

Кладбище не возрождённых деревень в Хатыни.

маленькие. Эта картина была ужасной. Я должен подчеркнуть, что деревню сожгли немцы, приехавшие из Логойска, а мы им только помогали. Правда, грабили мы её вместе. Помню, что из Хатыни в батальон привели 15 коров».

Уничтожение Хатыни – один из эпизодов выполнения чудовищного плана «Ост». Реализация на практике человеконенавистнических идей Адольфа Гитлера и немецкого фашизма. Исполнителями были в основном предатели и отщепенцы, но организаторами хатынской трагедии и непосредственными руководителями уничтожения деревни были именно фашисты. И об этом нужно помнить.

А ещё я, глядя на мёртвую Хатынь, думаю о том, что этих сожжённых заживо, погибших людей наше государство не смогло защитить... Этого нельзя допускать в будущем.

По мёртвой Хатыни гуляет ветер. По окрестностям разносится поминальный звон колоколов. А это значит, что мы обо всём помним.

Глава шестнадцатая

Кровавый след бандеровцев в Белоруссии

Сегодня за событиями, происходящими на Украине, пристально наблюдают у нас в Белоруссии. И не только из-за определённых геополитических и исторических параллелей. В партизанской Белоруссии ещё жива память о тех преступлениях, которые совершали против белорусского народа отряды бандеровцев, переброшенные на помощь оккупационным немецко-фашистским частям и гарнизонам. Портреты Бандеры и Шухевича в центре Киева заставляют стариков-ветеранов из Белоруссии заново пережить всё то, что они видели в годы Великой Отечественной войны, да и после её окончания.

Как известно, так называемая Украинская повстанческая армия была создана 14 октября 1942 года. Во главе УПА встал Роман Шухевич – обладатель двух рыцарских орденов фашистской Германии. Именно УПА фашисты попытались противопоставить разгоравшемуся в Белоруссии поистине всенародному массовому освободительному партизанскому движению. Для этой цели активно использовались не только подразделения УПА, сформированные на Украине, но и заново создавались боевые единицы из числа пленных красноармейцев-украинцев, с которыми представители УПА проводили активную «разъяснительную работу». Более того, эта деятельность украинских эмиссаров при активном содействии немецко-фашистской администрации, началась на территории Белоруссии ещё до официального создания УПА – в 1941 году.

В результате были созданы украинские полицейские батальоны вспомогательной полиции, которые были усилены 8 батальо-

нами, сформированными непосредственно на Украине (101-й, 102-й, 109-й, 115-й, 118-й, 136-й, 137-й и 201-й). Позже в Белоруссию были переброшены и другие подразделения бандеровцев.

В связи с тем, что белорусские полицаи неохотно шли на проведение карательных операций, так как опасались за свою судьбу и будущее своих родных, фашисты возложили эти «функции» на пришлые батальоны украинских бандеровцев. И те полностью оправдали надежды оккупантов: они жгли и убивали без разбора и жалости, оставляя на белорусской земле сплошные пепелища и горы замученных и сожжённых заживо людей.

Демонстрация верности фашистским оккупантам.

Одним из самых известных и чудовищных преступлений стало участие роты 118-го батальона, большинство личного состава которого составляли украинские националисты, в совместной с немцами операции по уничтожению деревни Хатынь 22 марта 1943 года, о чём я писал в предыдущей главе.

Сейчас современные последователи Бандеры и Шухевича старательно отрещиваются от преступления, совершённого в Хатыни, пытаются доказывать, что украинские националисты из 118-го батальона были «выходцами из РККА».

Однако «почерк» садистов и карателей вполне узнаваем. Ха-

тынь является слишком громким преступлением, за которое нынешние бандеровцы не хотят нести моральную ответственность. Тем не менее, именно бойцами Шухевича и прочих бандеровских карателей и подонков в Белоруссии были совершены и другие злодеяния, на сегодняшний день полностью доказанные, однако не получившие такой же известности, как трагедия Хатыни. 201-й батальон, 1-й сотней которого до создания УПА командовал «герой» нынешней Украины Роман Шухевич (это «высокое звание» было присвоено ему ещё президентом Украины В. Ющенко, с чем вполне солидарны и нынешние «правители» Украины, и лидеры майдана), принимал во всём этом самое активное участие.

Каратели и негодяи из 201-го батальона шуцманшафт оставили о себе кровавую память, рьяно помогая фашистам во время проведения карательных операций «Болотная лихорадка» в Витебской области, «Треугольник» в Брестской области, «Коттбус» в Минской и Витебской областях.

Операция «Болотная лихорадка» проводилась фашистами при активном участии бандеровцев с 25 августа по 20 сентября 1942 года в районе озера Домжарицкое с целью разгрома партизанского отряда «Романа» (командир – Р.А. Дьяков). Но в упорных боях партизаны нанесли карателям тяжёлые контрудары, и те отказались от преследования. И второй этап этой операции был неудачным для фашистов и бандеровцев. Предполагалось уничтожить партизанские отряды «Мститель» (командир В.Т. Воронянский) и «Борьба» (командир – С.Н. Долганов), которые держали оборону в междуречье Вилии и Илии. Партизаны не только вырвались из окружения, но и вывели основную массу мирного населения в район деревень Педань – Мстиж.

Тогда озверевшие от неудач фашисты и бандеровцы с 27 августа по 6 сентября 1942 года провели четыре карательные операции против беззащитного мирного населения. Воевать с беззащитными людьми у гитлеровцев и их пособников из ОУН-УПА получалось куда лучше. В итоге были убиты и сожжены заживо более 10 000 человек, более 1 200 угнаны на работы в Германию. В деревнях Бобровичи и Выгощи одновременно уничтожили 707 человек. 10 сентября 1942 года каратели уничтожили все 37 домов и 135 жителей деревни Затишье. После войны деревня возродилась. 15 сентября были уничтожены 217 жителей деревни Вяда, а саму деревню сожгли. Деревня смогла возродиться. Были

убиты и 143 жителя соседней деревни Тупичицы, а дома – сожжены. Как и Хатынь, Тупичицы, которые были известны историкам с 1552 года, безвозвратно исчезли с карты Белоруссии.

Во время операции «Треугольник» в Брестской области 11 сентября 1942 года жители деревни Дремлево в Жабинковском районе собрались встретить праздник Иоанна Крестителя, который по данным историков они ежегодно отмечали, начиная с 1561 года, тем более что оккупанты формально не возражали против совершения религиозных обрядов. Но прямо во время праздника в деревню ворвались каратели: многих убили прямо на улице, остальных согнали в сарай и сожгли. Погибло 190 белорусов.

Операция «Треугольник» длилась 17 дней. В деревне Борисовка были расстреляны 206 человек, сожжено 225 домов. В деревне Леплевка изверги убили 54 ребёнка и их воспитательницу – работницу Домачёвского детского дома. Такие же зверства были совершены в Каменке (погибло 152 человека), Борки (705 человек, в том числе 372 женщины и 130 детей), Зелёная Буда (28 погибших), Заболотье (289 погибших). Украинские националисты были в первых рядах карателей во всех этих случаях.

Операция «Коттбус» началась 20 июня 1943 года. В числе прочих были задействованы 15-й, 102-й, 118-й и 237-й батальоны вспомогательной полиции. Операция проводилась в Минской и Витебской областях при активной поддержке танков, авиации и артиллерии. В окружение попали не только партизанские отряды, но и множество мирных жителей, детей. Партизаны вынуждены были отойти в непроходимые леса и болота. Вместе с ними прятались и мирные жители. Начался жуткий голод. Женщины пытались жевать зерно и кормить так детей. Были случаи, когда, спасаясь от карателей, матери даже топили своих начинавших плакать малышей в болоте, чтобы враг не нашёл спрятавшихся, с которыми были и другие дети, и семьи. В противном случае всех ожидала бы неминуемая гибель. В результате операции «Коттбус» было уничтожено более 10 000 мирных советских граждан. Что перенесли эти люди от злодеяний фашистов и бандеровцев, трудно себе даже представить.

В своём письме к митрополиту А. Шептицкому «герой» нынешней майданной Украины Шухевич без всякого стеснения писал летом 1942 года о своих «подвигах»: «Ваша святейшая экселенция. У нас дела идут хорошо, немцы удовлетворены нашей работой».

«Работой» были убийства и истязания, уничтожение детей, стариков и женщин.

Боевики за работой. Мужчина (вероятно – отец) из последних сил пытается защитить ребёнка.

Между тем в столкновениях с партизанами шуцманы были куда менее удачливыми. После тяжёлых карательных боёв в районе Лепеля (Витебская область) бандеровцы просто разбежались, спасаясь бегством из насыщенной партизанами зоны в укреплённый пункт.

Совсем не случайно эсэсовец Бах-Зелевски считал этот батальон лучшим среди своих карателей. Шухевич, чьи портреты сегодня украшают центр Киева, в итоге был награждён Железным крестом «за усердие в «ратном труде».

УПА, к слову, было прямой идейной наследницей Организации украинских националистов (ОУН), которые и составили костяк новой организации. На территории Белоруссии ОУНовцы, активно поддерживаемые из-за рубежа, начали свою деятельность ещё с момента воссоединения с СССР Западной Белоруссии и Украины в 1939 году. После начала немецко-фашистской оккупации южные регионы Белоруссии были включены в состав рейхскомиссариата «Украина».

В связи с этим именно Брестская область, как южный регион Белоруссии, подвергалась мощным атакам карателей из УПА. Всего на Брестчине действовало около 250 подразделений укра-

инских националистов. Активисты ОУН под началом Бандеры и Мельника активно вступали в созданную при непосредственной поддержке самого Гимmlера дивизию СС «Галичина».

Летом 1942 года в Брест прибыл очередной батальон СС, состоящий из украинских националистов. Евреи к этому времени были уже уничтожены, поэтому начались массовые расстрелы поляков, подпольщиков, да и всех белорусов, кто выказывал малейшее недовольство «новым» фашистским «порядком» или же подозревался в связях с партизанами.

Деревня Леликово Кобринского района Брестской области Белоруссии находится всего в нескольких километрах от нынешней белорусско-украинской границы. Это типичное белорусское село, чью судьбу повторили сотни белорусских деревень. Несмотря на то, что белорусы-полешуки (жители Полесья – южной части Белоруссии) и поговору, и по обычаям мало отличаются от населения приграничной части Украины, белорусско-украинская граница стала значимым рубежом, за которым влияние ОУН и УПА заканчивалось. Полешуки, как и остальные белорусы, в своём подавляющем большинстве поддерживали советских партизан. Именно в Полесье отряды украинских националистов, рассчитывавшие найти себе союзников в «борьбе за Великую Украину», встретили ожесточённое сопротивление партизанских отрядов.

ОУН и УПА не простили этого белорусам. После того, как армейские части и влившиеся в их ряды партизанские бригады ушли на запад бить отступавших фашистов, против мирного населения белорусских деревень бандами бандеровцев был развёрнут безжалостный террор. В Леликово журналисты «Советской Белоруссии» в 2006 году провели массовый опрос местного населения сразу после того, как в Киеве было объявлено о том, что бандеровцы ОУН-УПА отныне – «герои» Украины. Жители белорусского села были до глубины души возмущены произошедшим. Вот лишь несколько откликов. «Бандеровцы убивали нас. Какие же они герои? Какие они освободители?», – возмутился заведующий Леликовским сельским клубом Пётр Шепетюк. Его поддержала жена Анастасия: «Я хотя ребёнком была, но хорошо помню, как отец на вечерках с односельчанами обсуждал очередные налёты бандеровцев». Её дядя Иван Шепетюк (на Полесье часто жители целой деревни имеют одну и ту же фамилию) вспомнил, как бандеровцы убили его отца – тоже Ивана Шепетюка. Убили

отца и у Евдокии Гогнюк. Он во время войны добывал соль для партизан. А Николай Корж в деталях вспомнил день 24 апреля 1945 года: «Мы, малые дети, спрятались на улице, в яме из-под картошки. Бандеровцы увидели нас и бросили гранату. Митя, ему уже 14 лет было, с годовалым Яковом на руках выскочить из ямы не успел. Погибли».

Украинские националисты.

Такая же ситуация, как и в Леликово, была практически во всех деревнях Дивинского района и других мест Полесья. Больше всего белорусов возмущает то, что зверские убийства и истязания, которые происходили почти до середины 1950-х годов, пока не были окончательно разгромлены бандеровцы ОУН-УПА, совершали не какие-то чужие люди, а жители соседних украинских сёл, расположенных всего в нескольких километрах от белорусских деревень – отряды Дворко, Ермака, Конопелько, Артемчука, Ющика, Савчука и прочих негодяев, и подонков. Только в период с 1944 по 1946 годы ОУН-УПА совершили в Белоруссии 2 384 теракта и диверсии. Было убито 1 012 человек. Есть данные за 1945 год. Лишь 50 человек были сотрудниками НКВД, 8 – офицерами, 28 – рядовыми и сержантами Красной Армии. Остальные 298 человек, убитых в приграничных белорусских районах в 1945 году, были женщинами, стариками и детьми. ОУН-УПА продолжили террор и уничтожение белорусского населения даже после изгнания фашистов.

Казалось бы, что в Белоруссии, где во время войны погиб каждый четвёртый, а по уточнённым данным – третий житель то, что

Українські добровольці складають присягу. Вишкільний табір "Гайделягер", осінь 1943 р.

происходит сегодня в соседней Украине, должно вызывать только неприязнь и тревогу. Но новое, молодое поколение, ничего не знающее о войне, всё чаще начинает верить басням о том, что кровавые подонки и негодяи из ОУН-УПА и в самом деле – «герои, боровшиеся за свободу Украины». А один из тележурналистов на государственном белорусском ТВ и вовсе заявил, что нужно понимать и даже принимать, что Бандера и Шухевич – настоящие герои для многих украинцев. Жаль, если уроки майдана так никого ничему не научили в Белоруссии. Тем более, что боевики ОУН-УПА оставили несмываемый зловецкий кровавый след на белорусской земле.

Глава семнадцатая

О внуках партизан и внуках полицаяв

Как-то в эпоху, последовавшую сразу после провальной горбачёвской «перестройки», когда уже распался Советский Союз, и делались ещё первые робкие попытки если не реабилитации, то хотя бы «возвращения в качестве культурных ценностей» различных персонажей в качестве «светочей белорусской культуры и белорусского наследия», в той или иной мере запятнанных контактами с нацистами, а то и уличённых в прямом прислуживании гитлеровцам, один мой собеседник высказал, как мне тогда показалось, довольно странную мысль о том, что «пришло время внуков полицаяв», и они «идут во власть». Речь шла не столько о бело-красно-белых оппозиционерах, как можно было подумать, а о власти реальной. В советское время, худо-бедно семейные биографии изучались КГБ, партийными органами, и попасть, например, на руководящую должность в партии или народном хозяйстве, внукам полицаяв и коллаборантов было не в пример сложнее, нежели внукам партизан. И дело здесь не в том, что, «сын должен ответить за отца», а в том, что, вероятно, в душе и мыслях потомков могут присутствовать семейные обиды, и их взгляды ещё нужно проверить жизнью. Это в целом. Понятно, что и внук полицая может быть порядочным человеком, а внук партизана – подлецом. Но я о тенденции общей, на мой взгляд, верной. По мнению моего тогдашнего собеседника, после распада СССР для потомков полицаяв открылось «второе дыхание», и они всеми правдами и неправдами устремились наверх, поддерживая друг друга. Именно поэтому, дескать, начали появляться разного рода книги и опусы о пьянстве, грабежах, жестокости и моральном разложении партизан.

Тогда я воспринял эти высказывания весьма скептически: как некие идеи вроде глобального «жидо-масонского заговора» или чего-то в этом роде, а кампанию по дискредитации партизан – обычным звеном в пропаганде русофобии и антисоветизма.

Между тем, наблюдая за постепенным развитием событий не только в нашей Белоруссии, но и за её пределами, я невольно возвращаюсь к этой мысли: а что, если это не просто «красное словцо», а страшная догадка?

Об этом позже.

Это их внуки и правнуки сегодня рассказывают о «зверствах партизан».

Почему я обратился к этой теме? Как-то «независимое» «Радио Рация» сообщило, что 11 августа 2018 года в Зельве Гродненской области «почтили величайшую белорусскую поэтессу и борца, узника сталинских лагерей, диссидентку Ларису Гениуш». Как сказано далее, «Около памятника Ларисы Гениуш, который находится на территории церкви, руководитель Гродненского отделения Союза белорусских писателей Валентин Дубатовка вспомнил последний год жизни поэтессы, её лечение в гродненской больнице. Писатель Сергей Чигрин рассказал про новые факты из биографии Ларисы Гениуш, а также тех людей, которые некогда с ней дружили и до сегодняшних дней оставались неизвестными.

На Зельвенском городском кладбище на могилу Ларисы и Ивана Гениушей были возложены цветы и зажжены лампадки. Наталья Карпович из Гродно прочитала несколько патриотических стихов поэтессы».

Любопытно, конечно, узнать про «новые факты» и «людей, которые некогда с ней дружили», но пока стоит вспомнить и старые, которые «Радио Рацыя», вероятно из-за их «малозначительности», не посчитало нужным привести в своей заметке.

Для начала отмечу странное и по-своему показательное желание господ из националистической бело-красно-белой кампании постоянно называть заурядное и серое «наивеличайшим». Следуя данной логике, Гениуш – фигура едва ли не уровня Купалы, Коласа, Богдановича и Тётки.

Впрочем, о литературе чуть позже. Пока вспомним то, что бело-красно-белые вспоминать не очень любят. Речь идёт о её биографии и фактах, которые, мягко говоря, характеризуют Гениуш далеко не лучшим образом.

Лариса Гениуш в 1928 году закончила Волковысскую польскую гимназию. Если вы помните, уважаемые читатели, то эти годы вынужденной польской оккупации Западной Белоруссии знаменательны борьбой белорусов за воссоединение с Белорусской ССР и Советским Союзом, за избавление от польской оккупации. Через польские тюрьмы прошли лучшие сыны белорусского народа – такие, как Сергей Притыцкий и Вера Хоружая, чьими именами по праву названы улицы Минска и других белорусских городов. Ни в рядах КПЗБ, ни в рядах борцов с польской оккупацией Л. Гениуш замечена не была.

Зато в 1935 году вышла замуж за Янку Гениуша, а в 1937 году переехала в Прагу к мужу.

В 1939 году в марте фашистская Германия оккупировала Чехословакию, создав так называемый протекторат Чехии и Моравии. Этот «протекторат» чета Гениушей признала, в отличие от гражданства СССР в дальнейшем.

В том же 1939 году Западная Белоруссия была освобождена от польской оккупации Красной Армией. Это приветствовали почти все белорусы, в том числе и такой наш талантливый поэт, как Максим Танк, испытавший на своей судьбе все прелести польской неволи.

Но Л. Гениуш отнеслась к воссоединению белорусского наро-

да весьма холодно и на то была причина: её отец был расстрелян, а мать и две сестры сосланы в Казахстан.

К этому времени Лариса и Янка Гениуши активно сотрудничали с белорусской эмиграцией, находившейся на оккупированной фашистами территории.

Не забывала Гениуш и о творчестве: её литературный дебют состоялся ни где-нибудь, а в нацистском Берлине на страницах газеты «Раница», специально созданной нацистами для белорусской эмиграции. Любопытно оправдание: в «Ранице» «помимо немецких сводок были белорусские проблемы, стихи, корреспонденция». Ну, подумаешь, репортажи о гитлеровских успехах, портреты фюрера. Зато – и «проникновенные строки Гениуш о Белоруссии».

После нападения гитлеровской Германии на СССР Янка Гениуш в числе прочих «патриотов» отметился 28 июля 1941 года подписанием телеграммы, приветствовавшей начало войны с Советским Союзом. Потом Лариса Гениуш всю жизнь пыталась оправдаться, что эту телеграмму не подписывали... Может и так, но ведь и отреклись от неё публично только тогда, когда Гитлер был уже мёртв, а впереди маячила расплата.

Совершенно очевидно другое – Лариса Гениуш даже на допросах уже после войны не скрывала: «вина моя состояла только в участии в Комитете самопомощи в Праге, где я была казначеем». В 1943 году Василь Захарка, так называемый «президент БНР», передал Гениуш полномочия секретаря БНР и архивы, в которых было немало интересного о сотрудничавшей с фашистами белорусской агентуре.

В Европе в то время активно действовали силы сопротивления и антифашистского подполья – Л. Гениуш, как и её муж, этого выбора для себя не сделали, что тоже является фактом.

7 февраля 1947 года Лариса и Янка Гениуш получили по 25 лет, но срок был уменьшен до 8 лет – супруги Гениуш вышли на свободу в 1956 году в годы хрущёвской оттепели. Тем не менее, стоит обратить внимание на важный момент: все попытки реабилитации четы Гениуш официально потерпели фиаско. Ни в 1956 году, когда срок был уменьшен, ни гораздо позднее – в 1999 году, ни в 2017 году. Показательно, кто «хлопотал» о реабилитации: в 1999 году – Белорусский хельсинский комитет, а в 2017 году – молодёжное крыло БНФ (Белорусский Народный Фронт – прозападная националистическая организация в современной Бело-

руссии – А.Г.), то есть те самые бело-красно-белые, придумавшие свой «исторический флаг» аккуратно при провозглашении БНР в оккупированном немцами Минске в 1918 году.

Ян Гениуш умер в 1979 году в Зельве, а сама Лариса – там же в 1983 году. Литературное творчество, тем не менее, получило поддержку: в 1967 году была издана книга стихов Л. Гениуш. И это при том, что Гениуши до самой смерти не хотели принимать гражданства СССР.

Уже после распада СССР началась кампания по популяризации Гениуш, неоправданному её возвеличиванию в качестве «борца с тоталитарным советским режимом» и активная попытка замолчать или представить в качестве вынужденных годы «активного общения» с предателями белорусского народа, сотрудничавшими с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Да, вина четы Гениуш не столь велика, как у получивших высшую меру полицаяв и предателей, но и советские, и белорусские суды, и органы прокуратуры отказали чете Гениуш в реабилитации, подтвердив реальность этой вины, в том числе совершенно недавно – в 2017 году.

Уместно ли сегодня так превозносить Ларису Гениуш, начавшую литературную жизнь дебютом в газете «Раница» в нацистском Берлине в 1939 году, в Республике Беларусь, которая

Такое «национальное возрождение» несли фашисты на нашу землю. Матери и двум её дочкам идти больше некуда – фашисты уничтожили родную хату.

потеряла каждого третьего в годы Великой Отечественной войны, где были сожжены тысячи деревень вместе с их жителями, где фашисты, дававшие деньги на «Раницу» в Берлине, устроили настоящий геноцид, убивая в концлагерях и во время своих акций устрашения детей, женщин и стариков?! Для внуков партизан ответ очевиден – это просто аморально и кощунственно.

А что касается «величия» Гениуш, как поэтессы – то она «велика» ровно настолько, насколько «велики» прославляющие её писатели Валентин Дубатовка и Сергей Чигрин, и другие, с позволения сказать в духе Зоценко, «маловеликие литераторы».

Чтобы читатели хоть немного понимали, что собой представляет творчество сей «великой национальной поэтессы», я приведу выдержку из её «патриотического» стихотворения. Это не доставляет мне особого удовольствия, но важно, чтобы вы поняли, о чём я говорю...

*«Пишуць вершы, повясці, раманы,
Усё ж няма там ні слаўца нігдзе,
Каб грудзьмі стаялі партызаны
За расстрэляных, за паленых людзей!*

*То не подзвіг баявы і смелы,
Толькі брэх сабачы і пусты,
Наклікаць на сёлы смерць умелі,
А самыя шпарылі ў кусты!*

*Выстаўлялі немаўлят пад стрэлы,
А слабых жанчын пад кулямёт,
Ім за рэйкі дык душа балела,
Не балела толькі за народ».*

«Наша Нива», №1, май 1991 года.

Ну, и так далее... Желающие могут найти сие «произведение» в сети Интернет. У И. Копыла были достойные учителя...

Ещё существовал Советский Союз, но «Наша Нива» в своём первом же вышедшем номере начала кампанию по реабилитации Гениуш и ей подобных и очернению и оплёвыванию белорусских партизан.

Вопрос здесь даже не в самой Гениуш или «Нашей Ниве», «Народной воле» и им подобным бело-красно-белым – вопрос в общем подходе – по заказу из-за рубежа обелить, приукрасить коллаборантов, выставить на первый план их «важную кропотливую работу по возрождению белорусского самосознания», уходя от сотрудничества с немецко-фашистскими захватчиками.

*«Кропотливая работа» бело-красно-белых в годы войны по
«национальному возрождению».*

Проблема для «реабилитаторов» ещё и в том, что среди подобных фигур почти нет тех, кто бы смотрелся более уважаемо: хотя бы «боролся с большевизмом», но против фашистской Германии, в рядах «цивилизованного мира» – США, Британии и их окружения. А фигуры такие им нужны, потому что иначе придётся в деле выбора «национального возрождения» и далее опираться только на Купалу, Коласа и Танка, которые, к сожалению для «реабилитаторов», не проявляли никакой русофобии и антисоветизма, чего так не хватает оппозиционной публике на нынешний момент.

Странно, что местные сторонники «новой исторической правды», работающие по калькам из-за границы, не задумываются о том, что если и дальше двигаться такими темпами и в таком на-

правлении, то рано или поздно придётся проводить грань между той же Гениуш и совсем уже отморозенными полицаями – первая, дескать, хорошая, продвигала «беларушчыну», а вторые – звери и нелюди. Но ведь в таком случае придётся упереться в проблему, когда наиболее умные и пытливые поэты, писатели, литкритики, студенты и аспиранты зададут сами себе вопрос: а что делали в одних и тех же местах Гениуш и ей подобные «светочи белорусской культуры» и полицаи? И вынуждены будут ответить для себя, что в общем-то между ними не было противоречий глобального плана – вопрос тут, как говорят художники, не в избранном цвете, а в колере или оттенке. Как ни говори, речь идёт о коричневом цвете нацистов, а уж светло-бежевый он или насыщенный – вопрос деталей, не меняющих главного. Поэтому такая тактика и такое направление в «национальном возрождении» неизбежно упрётся в качестве антипода в историческую память белорусов о Великой Отечественной войне и героике партизанской борьбы. И как после этого относиться к подобному «возрождению»? Впрочем, думать тут исполнителям некогда: «старшие товарищи» из-за границы то-ропят действовать, а думать они привыкли сами. Ведь и полицаи только и умели, что исполнять волю оккупантов.

Тут невольно призадуматься о странных высказываниях моего собеседника, приведённых выше. Не пора ли на государственном уровне, с учётом потерь, понесённых белорусами в годы Великой Отечественной войны, обязать всех чиновников, деятелей культуры, находящихся на государственных постах и в особенности кандидатов в депутаты разных уровней, и руководителей партий и общественных объединений, а также СМИ публиковать сведения о том, что делали их прямые предки в годы Великой Отечественной войны, чем они занимались. Так ведь быстрее разведем «миф о внуках полицаев», не так ли? В Прибалтике и ряде других стран существуют законы о люстрации. А здесь просто нужно добиться правды: указывать информацию – белорусы и сами потом разберутся, «откуда уши растут».

Глава восемнадцатая **Освобождение из нацистской неволи.** **Курган Славы**

В конце сентября 1943 года войска Калининского фронта начали наступать в сторону Витебска. В начале ноября часть Полоцкого района оказалась освобождённой от врага. В декабре фашистов изгнали из райцентров Езерище и Городок. Стало ясно, что близится и освобождение всей Белорусской ССР.

Но враг сопротивлялся упорно. Белоруссия была освобождена только на следующий год во время победоносной наступательной операции «Багратион», в ходе которой войска Красной Армии освободили Белорусскую ССР, восточную Польшу и часть Прибалтики, и почти полностью разгромили германскую группу армий «Центр». Вермахт понёс тяжелейшие потери, восполнить которые гитлеровская Германия была уже не в состоянии.

Операция «Багратион» началась 23 июня 1944 года. Прорвав оборону севернее и южнее Витебска, войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов окружили 6 дивизий фашистов и после их разгрома 26 июня освободили Витебск.

Большую помощь в советском наступлении оказывали партизаны. 20 июня 1944 года они начали третий этап рельсовой войны и не позволили фашистам перебросить нужное количество резервов к фронту. Кроме того, партизаны захватывали и удерживали позиции до подхода советских войск в важных стратегических местах, охраняли деревни и мирное население от карательных акций.

На некоторых наступавших на полоцком направлении советских танках было написано «За Зину Туснолобову!». Кем же была эта Зина? В первые дни войны девушка из Полоцка стала

армейской медсестрой и вынесла с поля боя и тем самым спасла жизни 128 раненых солдат, за что была награждена орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В феврале 1943 года во время боёв на Курской дуге отважная медсестра была ранена, потеряла сознание и, долго пролежав в снегу, обморозилась. Её спасли, но очень дорогой ценой: у неё ампутировали ноги и кисти рук. Но Зина Туснолобова не сдалась: её перевезли после госпиталя на Урал, и там она надиктовывала свои статьи, повторив во многом подвиг Николая Островского. В честь героини 5 танков назвали её именем. Перед наступлением на Полоцк Зина Туснолобова надиктовала офицерам и солдатам 1-го Прибалтийского фронта письмо, где рассказала о своей жизни и просила отомстить фашистам за её потерянные ноги и руки, и освободить родной Полоцк. Это письмо имело большой успех. Так и появились на башнях танков надписи «За Зину Туснолобову!». Зине Туснолобовой было присвоено звание Героя Советского Союза, в родном городе Полоцке ей установлен памятник.

3 июля 1944 года силами Красной Армии и белорусских партизан был занят Минск – белорусская столица освободилась от фашистской неволи, а 16 июля 1944 г. на минском ипподроме (в конце ул. Красноармейской) состоялся легендарный парад 30 тысяч белорусских партизан.

До Великой Победы 9 мая 1945 года оставалось чуть менее 10 месяцев.

Худ. В. Волков. Освобождение Минска.

Издrevле курганы являются средством увековечения и прославления тех или иных событий как в русской, так и мировой истории. Многие из искусственных холмов, насыпанных людьми, давно поросли деревьями и пережили множество поколений потомков своих создателей. Курганы начали насыпать ещё во времена каменного века. Это были могилы, призванные сохранить память об ушедших героях. Курганы – достаточно распространённое явление, они найдены практически на всех континентах за исключением Австралии и ледяной Антарктиды. От старинного кургана получил своё название и город Курган.

Создавались курганы и позднее – например, знаменитый курган в память о битве при Ватерлоо.

Но своё настоящее второе рождение курганы получили после окончания Великой Отечественной войны, когда неимоверные жертвы, понесённые советским народом в борьбе с фашизмом, потребовали поиска новых форм исторической памяти, ландшафтной героизации, соединения красоты мирной природы с памятью о погибших, напоминания об огромной цене достигнутой Победы.

Белоруссия внесла свой особый вклад в общую победу над врагом, заплатив за неё тяжёлую цену. Конечно же, речь не идёт о том, что Белоруссия внесла решающий вклад в разгром фашистской Германии, но вместе со всем советским народом белорусы отчаянно сражались на фронтах и в партизанских зонах в тылу врага, а сам белорусский народ пережил фактический геноцид.

В марте 1965 года первым секретарём ЦК компартии Белоруссии стал Пётр Миронович Машеров. Как я уже писал выше, благодаря его личному вниманию и инициативе была создана основа мемориальной памяти Белоруссии о событиях Великой Отечественной войны.

Значение пережитого Белоруссией и белорусами Пётр Миронович понимал, как никто другой. Уже на второй год своего руководства БССР П.М. Машеров инициировал создание Кургана Славы. 19 августа 1966 года было принято постановление ЦК КПБ о сооружении монументально-скульптурной композиции «Курган Славы» под Минском в память о героизме советских солдат и офицеров, жертв, понесённых Белоруссией, а также в честь победы в Великой Отечественной войне.

После изучения всех возможных вариантов Курган Славы было решено соорудить на 21 километре трассы Минск-Москва в

Смолевичском районе Минской области. Здесь в июле 1944 года во время крупнейшей наступательной операции «Багратион» войск 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов при активной поддержке белорусских партизанских бригад и соединений 105-тысячная группировка фашистов попала в окружение и была ликвидирована 11 июля 1944 года. 30 сентября 1966 года на месте будущего Кургана прошёл митинг, в котором приняли участие как жители Белоруссии, так и представители всех Городов-Героев СССР, большое количество ветеранов войны и партизанского движения со всего Советского Союза. В основание будущего кургана была заложена памятная плита, в которую вмуровали капсулу с наказом к последующим поколениям – свято чтить память о прошедшей войне и проявленном героизме нашего народа, быть настоящими патриотами своей родины.

После этого примерно в течение года уточнялись детали, проектировались элементы мемориала. Над будущим курганом работал целый авторский коллектив – скульпторы А. Бембель, А. Артимо-вич, архитекторы О. Стахович, Л. Мицкевич, инженер Б. Лапцевич.

Андрей Бембель был опытным и успешным скульптором, работал в области станковой и монументальной скульптуры. А. Бембель был автором барельефов Дома правительства и Дома офицеров в Минске, горельефа «9 мая 1945 года» для Монумента Победы на площади Победы в Минске, одним из авторов мемориала Брестской крепости. Москвичам его творчество знакомо по памятнику Д.И. Менделееву, который установлен перед зданием химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

П. Машеров внимательно следил за работой и вникал в детали. Впрочем, он предпочитал не вмешиваться в решения специалистов и лишь выбирал лучшее на его взгляд из предложенного ими. Но в двух случаях Пётр Миронович всё же сказал своё веское слово. Он настоял на том, чтобы возводимый курган был выше кургана под Ватерлоо, чтобы таким образом подчеркнуть величие подвига советского народа. Ещё одной проблемой была устойчивость ступеней: нельзя было ни в коем случае допустить, чтобы они съезжали вниз по склонам кургана, а если бы такое произошло, чтобы была возможность быстро привести всё в порядок. В итоге винтовые лестницы, ведущие к вершине кургана, по сути, спроектировал лично П.М. Машеров: каждая ступень в них закреплена независимо от других.

Да и весь проект был рассчитан в буквальном смысле «на века». В самом сердце кургана находится столбовой фундамент глубиной 30 метров, надёжно сохраняющий устойчивость насыпи. Для укрепления склонов применён специальный дёрн, устойчивый к размывам и оползням.

В ноябре 1967 года началось само строительство, сразу же превратившееся во всенародное событие в Белорусской ССР. К месту будущего Кургана Славы приезжали многочисленные делегации ветеранов войны, белорусов, жителей других республик Советского Союза, молодёжь, дети. Каждому хотелось, чтобы в основание будущего мемориала попала и горсть земли, брошенная его руками. Привезли сюда и землю из всех советских Городов-Героев – Москвы, Ленинграда (с Пискаревского кладбища), Волгограда (с Мамаева кургана), Севастополя, Одессы, Киева, Брестской Крепости-Героя. Привозили с собой пакетики с родной землёй и гости Белоруссии из других, самых разных мест нашей необъятной страны – Союза Советских Социалистических Республик. Это был сплошной поток автобусов, машин и десятков тысяч людей. Дальше к работе подключились грузовики и экскаваторы.

Открытие Кургана Славы состоялось 5 июля 1969 года. Общая высота мемориала вместе с памятником на вершине холма составила 70,6 метров, при этом высота самой насыпи – 35 метров. Диаметр основания кургана – 100 метров. Ввысь устремились четыре штыка, облицованных титаном. Каждый штык символизирует один из фронтов, освобождавших Белоруссию – 1-й, 2-й, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский. Высота каждого из штыков – 35,6 метра. Она практически совпадает с высотой холма, поэтому пропорции памятника и насыпи удачно сочетаются, образуя единое гармоничное целое. Штыки у основания окружает кольцо Славы с бронзовыми барельефами советских воинов и белорусских партизан. На внутренней стороне кольца Славы мозаикой выложена надпись: «Армии Советской, Армии-освободительнице – слава!». Основание обелиска украшают изображения орденов Отечественной войны и Славы. Вокруг кургана от его подножия к вершине по спирали поднимаются две тех самых бетонных лестницы, которые спроектировал П.М. Машеров. В каждой из них по 241 ступени. У подножия кургана установлена плита с надписью на белорусском языке: «Горстка за горсткой легла земля городов-героев и иных мест жестоких боёв, с городов и сёл, которые навеки прославили себя ратными и

трудовыми подвигами во имя свободы и независимости советской родины».

Курган Славы произвёл очень сильное впечатление на современников. Многочисленные подражания тех или иных элементов при сооружении памятников, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, впоследствии широко практиковали архитекторы и скульпторы по всему Советскому Союзу. Два самых известных подражания были исполнены в 1974 году – в Витебске частично повторили сам памятник, установив на площади Победы монумент «Три штыка», символизирующий единство партизан, красноармейцев и подпольщиков. А на въезде в Зеленоград был открыт памятник-монумент «Защитникам Москвы». Там также на придорожном кургане установили памятник, состоящий из трёх сомкнутых сорокаметровых штыков, символизирующих стойкость трёх воинских частей – стрелковой, танковой и кавалерийской.

С Курганом Славы связана одна достаточно любопытная история. В 1972 году Курган в сопровождении Петра Мироновича Машерова посетил Фидель Кастро. Осмотрев мемориал и окрестности, команданте неожиданно шагнул за пределы ступеней (у лестниц нет перил – они открытые) и стал спускаться прямо по склону по влажной траве. П.М. Машеров был озадачен таким экстравагантным поступком кубинского гостя и, некоторое время, поколебавшись, последовал вслед за ним. Тогда точно также прямо по траве стали спускаться и многочисленные сопровождавшие их лица.

Курган Славы включён в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

После распада Советского Союза в Белоруссии, в отличие от других постсоветских государств, очень бережно отнеслись к советскому наследию. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, сам воспитанный в детстве на идеалах партизанского движения и героики военных лет, продолжил традицию уважительного отношения к истории Великой Отечественной войны, заложенную ещё при П.М. Машерове. Все памятники и мемориалы военного времени в Белоруссии поддерживаются в надлежащем состоянии и при необходимости оперативно реставрируются государством. В 2004 году Курган Славы был отреставрирован. В его повторном открытии после реставрации принял участие и белорусский президент. Рядом с курганом появилась площадка с образцами советской военной техники времён Великой Отечественной войны – тя-

Фотокадры того самого знаменитого визита Фиделя Кастро и его встречи с Петром Машеровым в Белоруссии в 1972 году.

жёлтые танки «Т-10» и «ИС-3», самоходная установка «ИСУ-152», лучший танк второй мировой войны «Т-34», 57, 76 и 85 мм орудия.

А.Г. Лукашенко не только сохранил то, что досталось ему от знаменитого предшественника, но и постоянно стремится расширить сеть военных мемориалов: уже при нынешнем белорусском лидере построены знаменитые музейные комплексы – Буйничское поле и Линия Сталина, новый современный Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны в Минске.

Курган Славы хорошо виден со всех сторон с проходящих мимо него автомобильных трасс, окон проезжающих поездов. Мимо Кургана обязательно проезжают и прилетающие в Белоруссию пассажиры минского аэропорта. Даже те, кто уже не раз видел мемориал, проезжая мимо, то и дело восклицают: «Смотрите – Курган!». И все невольно поворачивают головы в ту сторону, где в небо взметнулись штыки... Так и было задумано в своё время П.М. Машеровым.

Каждое 9 мая по лестницам Кургана Славы поднимаются непрерывные вереницы людей с цветами и венками в руках. Всё меньше среди них ветеранов – их уже мало осталось в живых, да и подняться на вершину старики за редчайшим исключением не в состоянии. Они обычно смотрят на поднимающуюся по лестницам молодёжь снизу, вспоминая былое.

А Курган Славы гордо возвышается над окрестностями, напоминая о самой страшной в истории человечества войне и муже-

Курган Славы является символом мужества и героизма советского народа, одним из важнейших культовых мест памяти о Великой Отечественной войне для белорусов.

стве народа нашей страны. Мемориал зримо обеспечивает историческую преемственность поколений.

Глава девятнадцатая

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война, унёсшая жизни каждого четвёртого, (а по некоторым данным и третьего), жителя Белоруссии для партизанской республики событие исключительное и, я бы сказал, стержневое во всём белорусском массовом общественном сознании. Именно поэтому на государственном уровне в Республике Беларусь тема героико-патриотического воспитания на основе исторической памяти о последней мировой войне всегда занимала главенствующее положение. Разными были оценки и мнения: большинство поддерживает партизан и советскую армию, но есть и те, кто оправдывает коллаборационизм и действия полицаев, прислуживавших фашистам. Годы войны стали также периодом невиданного по своей жестокости уничтожения местного мирного населения: людей вешали, сжигали заживо вместе с их деревнями, расстреливали и жестоко мучили. Война стала для белорусов моментом истины, когда проявились лучшие качества нашего народа – любовь к своей родине, мужество и героизм, стойкость и взаимовыручка. Белоруссия стала второй родиной для многих советских людей, дважды прошедших с боями её территорию вместе сдвигающимся фронтом. Тысячи братских могил и обелисков стали платой за освобождение Белоруссии. Можно смело сказать, что память о войне живёт в сердце каждого белоруса, независимо от его взглядов и политических пристрастий.

В Республике Беларусь немало музеев, посвящённых Великой Отечественной войне, но самым главным является Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, ко-

торый с 2014 года находится в самом центре Минска – на проспекте Победителей.

Из всех военных музеев Республики Беларусь именно этот главный музей, (как музейная экспозиция, а не здание), был создан ещё в годы Великой Отечественной войны. Ещё вовсю шла война, ещё ничего не было до конца ясно, но уже 2 июня 1942 года ЦК КП(б)Б, который был эвакуирован в Москву, принял решение о создании республиканской Комиссии по сбору документов и материалов Отечественной войны. Это решение преследовало две цели – с одной стороны, необходимо было зафиксировать преступления фашистов, с другой же – сохранить память о войне для будущих поколений. Ответственным секретарём комиссии стал В.Д. Стальнов (впоследствии – первый директор музея Великой Отечественной войны). В составе комиссии работали известные в Белоруссии люди – руководитель союза писателей М. Лыньков, секретарь ЦК ЛКСМБ С.О. Притыцкий и другие. Изначально предполагалось организовать выставку собранных материалов. Основными были определены две темы: «Вероломное вторжение германского фашизма в пределы Советского Союза» и «Героическая борьба трудящихся БССР с германскими захватчиками». Значительную роль в сборе первых экспонатов сыграли партизаны. После разгрома немцев под Москвой в ходе контрнаступления части Красной Армии вышли к Западной Двине между Усвятами и Велижом. С другой стороны, на оккупированной фашистами территории 40 километров фронта контролировал легендарный батяка Минай – партизанский командир Минай Шмырёв, удерживавший Витебские (Суражские) ворота с февраля по сентябрь 1942 года – подробнее я уже писал об этом ранее.

Через полгода после начала работы в Москве, в Государственном историческом музее, открылась выставка-экспозиция «Белоруссия живёт, Белоруссия борется, Белоруссия была и будет советской». Москвичи и гости столицы смогли впервые увидеть своими глазами документы с оккупированных территорий, узнать о том, что происходит по другую сторону линии фронта. Выставка пользовалась огромным успехом. 30 сентября 1943 года было принято решение на базе данной выставки-экспозиции создать музей истории борьбы белорусского народа с немецко-фашистскими оккупантами в Великую Отечественную войну.

3 июля 1944 года в результате операции «Багратион» был ос-

Память о войне живёт в сердце каждого белоруса.

*Белорусский Президент А.Г. Лукашенко вместе с сыновьями во главе
многотысячной праздничной колонны 9 мая в День Победы.*

вобождён Минск, и уже в августе выставка-экспозиция переехала из Москвы в белорусскую столицу. В Минске почти не осталось уцелевших зданий, но, учитывая значимость музея, ему было выделено здание Дома профсоюзов.

22 октября 1944 года музей открыли для посещения.

Шло время. Минск постепенно приходил в себя, отстраивался. Коллекции музея увеличивались, и он нуждался в новом, более просторном здании. В 1966 году музей переехал в новое здание, в котором находился до 2014 года.

Память о прошедшей войне сохраняется в Белоруссии трепетно и скрупулёзно, но предыдущее здание музея, нуждавшееся в реконструкции и ремонте, уже не отвечало всем современным требованиям. Так, из 140 000 экспонатов было выставлено всего 10 000. Были не востребованы 40 000 уникальных военных фотографий, не использовалась на должном уровне компьютерная техника и новые технические возможности современности.

В апреле 2010 года А.Г. Лукашенко вместе с ветеранами заложил капсулу в основание будущего музея.

Посетителям музея предлагается пройти дорогами войны.

Новый проект 2014 года придал музею необходимую монументальность и сделал его по-настоящему современным и привлекательным. При создании проекта белорусские архитекторы и музейные работники побывали в лучших музеях в Москве, Санкт-Петербурге, Берлине. Само здание музея выполнено в форме радиально расходящихся вверх фасадов, символизирующих салют Победы. Фасады играют металлом и гранитом, а также золотистым остеклением.

Значительное внимание уделено компьютеризации: через специальные инфокиоски можно подробно ознакомиться с оцифрованными экспонатами не только Минского музея, но и других музеев второй мировой войны Европы. На стену из мельчайших водных капель проецируются изображения. Используются 3D-эффекты и другие новейшие технологии. Вместе с тем сохранены и все классические экспонаты прежнего музея, и его принципиальные подходы к организации экспозиций. Новым стало иное построение всей экспозиции: вместо сменяющих друг друга залов посетителям предлагается пройти дорогами войны через один сплошной зал и заглянуть в залы поменьше.

Музей находится возле стелы «Минск город-герой», возле ко-

торой проходят все парады войск и боевой техники, праздничные шествия белорусов. Рядом с музеем заложена Роцца в честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Венчает музей купол Победы наподобие купола рейхстага, где внутри выбиты имена Героев Советского Союза, уроженцев Белоруссии, а также участников её обороны и освобождения. На мой взгляд, к ним обязательно надо добавить и имена полных кавалеров ордена Славы. На куполе развевается огромный флаг страны победителя – Союза Советских Социалистических Республик.

Над куполом музея гордо развевается государственный флаг страны-победителя – Союза Советских Социалистических Республик.

Алое полотнище государственного флага СССР со звездой и серпом и молотом на куполе музея Великой Отечественной войны в Минске – единственное, которое официально используется в современном мире. Это было личным решением белорусского президента А.Г. Лукашенко, и я горжусь, что в столице моей родной Белоруссии официально реет знамя Советского Союза – страны-победителя, моей Родины, страны, где я родился, и гражданином которой в глубине души я себя считаю. В этом смысле Республика Беларусь также является преемником Советского Союза, и я горжусь белорусским паспортом. Если к власти придут бело-красно-белые, они снимут советский флаг с музея, водрузят туда свой, и

в этот день, если это произойдёт, я с горечью пойму, что потерял свою Родину во второй раз. Надеюсь, что этого всё же не случится. Но сохраним ли мы традиции предков, сохраним ли флаг СССР над музеем, сохраним ли наше государственное красно-зелёное знамя Республики Беларусь с бело-красным национальным белорусским орнаментом, наш герб со спелыми колосьями, наш гимн и идеалы нашей государственности – зависит от нас с вами, от того, как воспитаем грядущие поколения.

Советский и фашистский танки застыли навечно в противостоянии.

Новый Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны стал подлинной жемчужиной Минска и всей Республики Беларусь, и, наряду с Поклонной горой в Москве, является одним из самых ярких военных музеев современности.

Эпилог

Память о войне живёт в сердцах белорусов

Белоруссия славится своим бережным отношением к памяти о Великой Отечественной войне. Далеко за пределами партизанской республики известны её многочисленные военно-патриотические мемориалы и музейные комплексы – Брестская крепость, Хатынь, Буйничское поле, Линия Сталина, лагерь смерти Тростенец и многие другие.

Но не менее важно сохранять память о войне на бытовом, часто более доступном и близком людям уровне. В СССР существовала целая система различных школьных музеев, памятных знаков, мемориальных досок – начиная со школьной скамьи и вплоть до глубоко преклонных лет люди постоянно сталкивались с проявлениями уважения и памяти о подвиге нашего народа, совершённого в годы Великой Отечественной войны. В большинстве постсоветских республик от этого низового, бытового уровня памяти о войне почти ничего не осталось. Безусловно, и Белоруссию не обошли стороной сложные процессы попыток навязать переосмысление отечественной истории, принизить или вовсе отрицать подвиг наших предков, победивших фашистскую Германию. Но в Белоруссии все эти процессы пока не получили какого-либо серьёзного развития. Более того – в партизанской республике, за редким исключением память о войне не только сохранена, а во многих случаях и приумножена.

В Белоруссии активно практикуются такие формы сохранения исторической памяти о войне, как оборудование специальных аллей, установка памятных знаков и табличек, присвоение уже в

наше время новым улицам имён героев войны, организация и работа музеев при учреждениях образования и предприятиях, воинских частях, издание специальной литературы (такой, как серия книг «Память»), съёмки и демонстрация новых художественных и документальных фильмов и многое другое. Обо всём, конечно же, рассказать сложно, но в данной главе коснёмся лишь наиболее типичных примеров, за которыми вырисовывается преемственность памяти о войне, ведущей своё начало ещё с советского периода в жизни Белоруссии, который не только не отвергается властями и большинством белорусского народа (за исключением националистически настроенной русофобской оппозиции), но и считается органичным, и далеко не худшим периодом отечественной истории. Безусловно, время движется вперёд, происходит постоянное обновление подходов, поиск новых форм, но то лучшее, что было заложено ещё в советский период, остаётся базовой основой отношения белорусского общества к Великой Отечественной войне.

В Могилёве, на одной из центральных улиц города внимание туристов неизменно привлекает Аллея Героев. В мае 2009 года была проведена её реконструкция ко Дню Победы. На Аллее увековечены имена 104 Героев Советского Союза – уроженцев Могилёвщины, и тех, кто здесь проживал. Иными словами, никто не стал делить Героев на своих и чужих: все они, независимо от национальности, являются для могилевчан «нашими». При открытии Аллеи Героев было отмечено, что только в одной Могилёвской области было благоустроено и отремонтировано более 1 000 (!) памятников и обелисков. Аллея открывалась при большом стечении народа – ветеранов войны и труда, представителей различных предприятий, интеллигенции, властей. Было много молодёжи. Металлические конструкции с именами героев были обновлены и смещены в центр, что позволило увеличить пешеходную зону. Возле каждой из 26 информационных стел появились цветочные клумбы и специальная подсветка. Установлены и скамейки, на которых можно отдохнуть. Соответственно привели в порядок и саму улицу, и стоящие на ней здания, разместив социальную рекламу. Последнее особенно важно, потому что в иных местах я порой видел, как на фоне подобных объектов помещалась реклама пива или же колбасы, что не всегда уместно. Аллея выходит к Советской площади, в центре которой горит вечный огонь.

Аллея Героев в Могилёве.

Так, с одной стороны не навязчиво, а с другой органично и естественно могилевчане и гости города обращают внимание на десятки фотографий и фамилий Героев Советского Союза, когда идут по Аллее Героев, или отдыхают на её удобных скамейках.

Похожие Аллеи Героев есть и в других белорусских городах. Так в Бресте на проспекте Машерова установлены специальные памятные знаки в честь защитников Брестской крепости и выдающихся уроженцев города. Аллея в Бресте была заложена ещё в 1971 году. Начинается она со специального знака с надписью «Их именами названы улицы Бреста». Всего на Аллее установлено 13 стилизованных красных флагов, на каждом из которых увековечено имя героя. Как и в Могилёве, здесь горожане постоянно видят эти памятные знаки и вспоминают о войне. Помимо всего прочего важно то, что на Аллее можно узнать, чьим именем названа та ли иная улица, чем известен этот человек. Чего греха таить – и в Белоруссии, и в России многие, проживая на улицах, названных в честь тех или иных героев, порой понятия не имеют,

что это за люди и какие подвиги они совершили. Своя Аллея Героев есть в белорусском городе Светлогорске. Она представляет собой череду бюстов, установленных вдоль улицы на постаментах.

Есть у Аллей Героев и нечто общее – они всегда светлые, архитектурно продуманные и являются несомненным украшением своих городов.

Так уже не раз бывало в истории нашей страны, когда именно энтузиасты, подвижники спустя годы, а порой и десятилетия восстанавливали полузабытые страницы истории Великой Отечественной войны, а затем, благодаря этим первоначальным усилиям неравнодушных людей, сражения и подвиги военной поры занимали своё достойное место в отечественной историографии. Со временем начинало даже казаться, что так было всегда. Так, например, было с подвигом подводника А.И.Маринеско или же героической эпопеей защитников Брестской крепости.

Правда о подвиге советских танкистов под Сенно возвращается из прошлого стараниями неравнодушных людей – мотоциклистов мотоклуба «Ночные волки Беларусь» и, прежде всего, – командира Сенненского отделения «Ночных волков» Олега Устиновича, известного в байкерских кругах по имени Леший.

Его отец, Евгений Устинович, председатель Сенненского районного совета ветеранов, посвятил восстановлению памяти об этой танковой битве всю свою жизнь. В 2011 году в Сенно благодаря его подвижнической деятельности был установлен памятник, на постаменте которого застыл советский танк ИС-3, переданный городу Министерством обороны Республики Беларусь.

«Открывая памятник советским танкистам, мы восстанавливаем историческую справедливость, отдаём дань памяти героизму воинов Красной Армии, а монумент служит напоминанием потомкам о тех трагических событиях», – сказал белорусский министр обороны Юрий Жадобин.

С того события прошло совсем немного времени, а уже ушёл из жизни Евгений Устинович. Перед смертью своего отца Олег Устинович обещал продолжить его дело и сдержал своё слово. Усилиями «Ночных волков» на трассе Сенно-Богушевск 8 июля 2016 года был торжественно открыт памятный знак героям танковой битвы под Сенно – как раз в эпицентре минувших боёв 1941 года.

В районе деревни Заозерье Сенненского района традиционными стали международные байк-фестивали «Мото-удар», посвящённые битве под Сенно.

Командир Сенненского отделения «Ночных волков» Олег Устинович («Леший») во главе колонны мотоциклистов направляется к памятному знаку героям танковой битвы под Сенно в 1941 году.

Сюда съезжается множество мотоциклистов. Их машины, помимо байкерской атрибутики, украшены символикой времён Великой Отечественной войны. На одежде байкеров видны георгиевские ленты. Многие участники мероприятия одеваются в советскую военную форму, имеют муляжи оружия того времени. Приходит много молодых людей и даже детей. В едином мото-строю – представители всех регионов Белоруссии, а также Москвы, Петербурга, Смоленска и других регионов России, стран СНГ и Прибалтики.

Как я уже говорил, в Белоруссии сохранилась и активно действует такая форма сохранения памяти о войне, как работа музеев в учреждениях образования, на предприятиях и организациях. Особенно важны, как мне кажется, именно школьные музеи – всё начинается с самого детства. Ведь если не привить уважение к

исторической памяти ещё со школьной скамьи, потом это делать будет уже во многом поздно.

Такие школьные музеи есть во многих местах Белоруссии. Интересен Музей Боевой славы школы №65 г.Минска. Он примечателен тем, что в музее учителями и школьниками собраны уникальные материалы, посвящённые памяти советских лётчиков, погибших в воздушных сражениях Великой Отечественной. Сейчас музей не так хорошо известен, а в своё время он в течение трёх лет проводил выставки в Москве в ВДНХ.

Такие музеи есть не только в столице и крупных городах, но и в глубинке. Особо хочу упомянуть о народном историко-краеведческом музее «Дети лихолетья», действующем на базе Новоельнянской СШ Дятловского района Гродненской области. В этом году в октябре музей отметил свой 30-летний юбилей. Музей посвящён судьбам детей политэмигрантов из разных стран – коммунистов, участников антифашистского движения, нашедших временный приют в СССР. Дети в июне 1941 года отдыхали в Новоельнянском пионерлагере. Там их, чьи родители пытались уехать от войны, эта самая война, безжалостная и бесчеловечная, и застала. К концу войны в живых осталось всего 17 детей. В создании музея принимали участие множество людей – педагогов, краеведов, учеников, выпускников школы, но главным организатором была Тамара Владимировна Кривеня, которая все эти годы является и его руководителем.

Школьный музей СШ №26 г. Бреста имеет статус геолого-этнографического, однако и в нём существует отдельный Зал Боевой Славы. Вообще же почти во всех школьных музеях существуют отдельные стенды, посвящённые событиям Великой Отечественной войны.

В Белоруссии, несколько видоизменившись, сохранилась и система профессионально-технического образования. Теперь ПТУ преобразованы в лицеи, однако суть не изменилась – те, кто по разным причинам решил связать свою жизнь с рабочей специальностью, всегда могут получить квалифицированную профессиональную подготовку. Не секрет, что учащиеся таких учебных заведений порой более сложны для воспитания, нежели, например, студенты ВУЗов. Между тем и здесь уделяется внимание военно-патриотическому аспекту. Так, витебский профессиональный лицей №1 машиностроения носит имя легендарного партизанско-

го командира – М.Ф. Шмырёва. Помимо овладения профессиональными навыками учащиеся лица за время учёбы знакомятся с историей партизанского движения, личностью батьки Миная.

Вообще же поисковая работа, активно проводимая в советское время в Витебске, дала начало созданию Белорусской республиканской ассоциации «Поиск», которая была официально зарегистрирована уже после распада СССР в 1995 году. Её создание, как и создание Музейной комнаты Боевой славы в витебском лицее №1 им. М. Шмырёва, напрямую связаны с подвижнической деятельностью Л. Бруевой. Именно Л. Бруева и стала председателем БРА «Поиск». Но военно-патриотический клуб «Поиск» начал свою работу в Витебске ещё в советское время – его председателем в 1983 году стал А.А. Бурдо. В 1995 году было создано Могилёвское отделение организации, а в 1999 году – Минское. В то самое время, когда в других бывших советских республиках всё разрушалось, в Белоруссии начался настоящий ренессанс военно-патриотической героики.

БРА «Поиск» занималось разносторонней и многоплановой деятельностью – проводило работу по поиску и увековечению погибших защитников нашей Родины, подъёму боевой техники из водоёмов (на территории Белоруссии это делалось до 1995 года – сейчас данная деятельность является прерогативой государства). «Поиск» сотрудничает с редколлегиями книг «Память». Такие книги с именами погибших и собранной информацией о событиях времён войны изданы практически в каждом административном районе Белоруссии. Помимо этого организация занимается проведением патриотических молодёжных слётов, конференций, семинаров, профильных лагерей, организацией походов по местам боевой славы.

«Поиск» за время своего существования сделал очень многое. Так, до 1995 года было поднято и захоронено около 6 000 погибших защитников Отечества. С 1995 года данная работа проводится только специальным подразделением Вооружённых сил Республики Беларусь, что связано с предотвращением возможной незаконной деятельности так называемых «чёрных копателей». «Чёрные копатели» в Белоруссии порой встречаются, но органы внутренних дел достаточно жёстко и оперативно пресекают их деятельность.

Также членами организации установлено 18 000 фамилий погибших, которые ранее не числились в списках военкоматов. Из

озёр и болот Витебской области поднято 9 самолётов. Двигатель самолёта «Ил-2» передан Центральному музею Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Найденная башня танка установлена на постаменте возле СШ №43 г. Витебска. Дивизионное орудие ЗИС-3 передано областному краеведческому музею. При этом установлены имена многих из тех, кто погиб, управляя данной техникой.

В мае 1991 года в связи с известностью деятельности «Поиска» в Витебске была проведена Всесоюзная Вахта Памяти. За прошедшее время «Поиском» установлено 7 временных и 8 постоянных памятных знаков на незарегистрированных братских могилах. Пяти музеям, на базе которых работают поисковые отряды, присвоено наименование «Народный». Время неумолимо – с нами остаётся всё меньше ветеранов войны. Чтобы сохранить их воспоминания и голоса для истории, ведётся сбор фонотеки «Живые голоса участников войны». Вся эта работа, в разной степени получающая поддержку белорусского государства, проводится энтузиастами и неравнодушными к исторической памяти людьми. Они вполне могли бы заниматься совсем другими делами – коммерцией, личной карьерой, но осознанно выбрали именно такой путь.

Работа «Поиска», республиканского общества охраны памятников, ветеранских организаций, краеведов, неравнодушных и увлечённых энтузиастов при поддержке государства приносит свои плоды. Появляются всё новые памятники и монументы, причём посвящённые и другим народам и национальностям, проявившим мужество и героизм или пострадавшим во время Великой Отечественной войны.

В 2000 году в Минске был открыт мемориал «Памятник жертвам Холокоста. Минское гетто».

А в 2009 году под Витебском в Коптях на территории уже существующего мемориального комплекса имени Ленинского комсомола был торжественно открыт памятник воинам-татарстанцам, погибшим во время Великой Отечественной войны в Белоруссии. Эскиз памятного знака утверждал лично М. Шаймиев. После установки памятника было подписано соглашение о сотрудничестве между Государственным музеем Татарстана и Музеем Героя Советского Союза Миняя Филипповича Шмырёва.

О Коптях стоит сказать особо. Именно здесь 23 июня 1944 года

Виктор Терещенко у одного из элементов созданного им и ставшего народным мемориального комплекса в Коптях.

начался прорыв немецкой обороны на Витебском направлении в результате операции «Багратион». На участке в 6 километров погибло 11 408 солдат и офицеров Красной Армии. Во многом благодаря усилиям ветерана Великой Отечественной войны, подполковника в отставке Виктора Демьяновича Терещенко, это место превратилось в настоящий народный мемориал – здесь отмечены памятниками Яков Джугашвили, Василий Сталин, французские лётчики знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман» и множество других борцов с фашизмом. Конечно, В.Д. Терещенко сделал всё это не один, но всегда важно, чтобы у кого-то «горела душа». К сожалению ставший поистине народным военный мемориал до сих пор не внесён в список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Надеюсь, что это упущение будет исправлено.

Внимание к военной теме в Республике Беларусь таково, что часто к белорусам обращаются по вопросам сохранения военно-патриотического наследия и из других стран, в особенности – из бывшего Советского Союза.

В октябре 2017 года мне пришлось поучаствовать в одной из таких акций. В агрогородке Вороны под Витебском мне в торжественной обстановке, с митингом и почётным караулом, передали символическую горсть земли с братской могилы, где был захоронен и лейтенант 158-й стрелковой дивизии Сергей Николаев. Его родственники проживают в Азербайджане, в Баку. Там же и могила двух братьев С. Николаева. Родственники узнали о месте захоронения С. Николаева через базу компьютерного банка данных «Мемориал» Министерства обороны Российской Федерации, куда информация была внесена после недавних уточняющих работ и исследований белорусской стороны. Родные приехать в Белоруссию не смогли и попросили о передаче им земли. Я ехал в Москву на международное мероприятие и там передал землю уже своим коллегам – российским соотечественникам из Азербайджана. Посредниками были российские соотечественники Абхазии. В итоге земля попала в Баку и была помещена на могилу братьев С. Николаева. И таких историй сотни, а может и тысячи – эту я привёл в качестве примера лишь потому, что сам в ней участвовал.

Вообще же в настоящее время в Белоруссии насчитывается более 10 000 памятников и мемориальных комплексов, посвящённых Великой Отечественной войне. В том числе в той же Брестской области – 2 000 из них (300 обелисков, 86 стел, более 100 монументов, 41 мемориал и более 800 воинских захоронений, где покоится 400 000 человек).

В Витебской области более 3 000 памятников. Ежегодно их количество растёт. В области 1 237 воинских захоронений, где покоится 290 000 человек. Фамилии ещё 120 000 остаются неизвестными – по их установлению ведётся постоянная работа.

В Минской области 2 858 памятников, 132 из которых имеют статус историко-культурных ценностей.

В Гомельской области 950 воинских захоронений и 904 памятника периода Великой Отечественной войны.

В Гродненской области 250 памятников и 581 захоронение.

В Могилёвской области 1 345 воинских захоронений и 1 900 памятников.

Фактически, в каждом уголке Белоруссии можно встретить небольшой памятник, братскую могилу или же памятный знак. Много одиноких огороженных могил с пирамидой, увенчанной красной звездой, можно встретить вдоль дорог, в лесу, в поле.

Всё это поддерживается в хорошем состоянии – регулярно реставрируется, окрашивается, подновляется. Безусловно, можно порой встретить и недостаточно ухоженный памятник, но это редкий случай, из разряда чрезвычайного происшествия – из-за лени, невнимательности или просто бесхозяйственности отдельных руководителей. Дело в том, что памятники не бесхозные, а закреплены за теми или иными предприятиями и учреждениями, и одной из главных обязанностей руководителя является приведение закреплённых памятников в порядок накануне 9 мая. Невыполнение этой обязанности, равно как и безобразное состояние памятника, чреватые серьёзными неприятностями для такого руководителя в случае придания этому огласки.

Но чтобы сохранить всё это для потомков, нужно за это бороться. Для этого я и написал эту книгу и надеюсь, что она найдёт отклик у читателей, и прежде всего у молодёжи – у тех, для кого Великая Отечественная война – уже слишком давняя история.

Важнейшей из форм этой борьбы, безусловно, является участие в праздничных мероприятиях 9 мая в День Победы и 3 июля в День Республики (День освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в результате операции «Багратион»). В эти дни многотысячные колонны под красно-зелёными с белорусским национальным орнаментом знамёнами, с красно-зелёными и георгиевскими ленточками идут по улицам наших городов, везде проходят праздничные мероприятия, ширятся шествия «Беларусь помнит» и «Бессмертный полк», расцветивают ночное небо салюты и фейерверки. Там нет бело-красно-белых флагов – у их сторонников другие «праздники», чужие (по крайней мере – пока чужие) белорусском народу.

Но чтобы сохранить энергетику и память 9 мая и 3 июля, нужно не оставаться в стороне, а выходить всенародно в эти святые для белорусов дни на улицы наших городов.

Великую Отечественную войну выиграл Советский Союз. Сейчас мы с Россией укрепляем Союзное государство. Будем же помнить о нашей общей Победе – она добыта белорусами вместе с русским народом, с украинцами, с другими народами СССР. Поэтому строительство Союзного государства России и Белоруссии, укрепление Евразийского Экономического Союза – естественный исторический процесс, который мы должны развивать дальше,

несмотря на все старания помешать этому со стороны «внуков полицаев».

Совсем скоро 75 лет освобождения Минска, а через год – 75 лет Великой Победы!

С наступающими важнейшими праздниками всех вас, белорусы! Наша опалённая войной Республика Беларусь, наша Белоруссия, наша Белая Русь заплатила за это колоссальную цену – цену в миллионы человеческих жизней. Будем же помнить об этом!

2009-2018 годы. г.Витебск – г.Минск – г.Городок.

При написании данной книги были использованы материалы сайтов Министерства обороны Республики Беларусь и государственных мемориальных комплексов «Хатынь», «Брестская крепость», «Линия Сталина», «Государственный музей Великой Отечественной войны», сборника «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941-1944 гг.», архивные и иные документы и публикации.

Содержание

Слово к читателям.....	4
Глава 1. 22 июня 1941 года.....	7
Глава 2. Брестская крепость-герой.....	25
Глава 3. Линия Сталина.....	35
Глава 4. Буйничское поле и Константин Симонов.....	46
Глава 5. Легендарный партизан батька Минай	53
Глава 6. Сидор Ковпак. Белорусско-украинское партизанское братство	66
Глава 7. Угольные мины. Дядя Костя.....	70
Глава 8. Разведчик Иван Дорошенко.....	75
Глава 9. Пётр Машеров	87
Глава 10. Предательский выстрел в сердце партизанской Белоруссии!	97
Глава 11. Белорусский вариант «голодомора»!	105
Глава 12. «Славянам нет и не может быть никакой пощады».....	112
Глава 13. Война на уничтожение	122
Глава 14. Так воевали белорусские партизаны!	138
Глава 15. Трагедия Хатыни	148
Глава 16. Кровавый след бандеровцев в Белоруссии	157
Глава 17. О внуках партизан и внуках полицаев.....	165
Глава 18. Освобождение из нацистской неволи. Курган Славы.....	173
Глава 19. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны	181
Эпилог. Память о войне живёт в сердцах белорусов	187

Информационно-досуговое издание

ГЕРАЩЕНКО Андрей Евгеньевич

ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ БЕЛОРУССИЯ

Редактор *О. Н. Зайцев*
Технический редактор *И. В. Зайцева*
Корректор *А. В. Новикова*

Подписано в печать 11.12.18. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Цифровая печать.
Усл.печ.л. 12,56. Уч.-изд.л. 14,30. Тираж 700 экз.

Культурно-просветительское учреждение
«Литературный свет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
производителя, распространителя печатных изданий
№1/166 от 03.02.2009.
Ул. Харьковская, 15-10, 220073, г. Минск.
Тел. (017) 204-18-19

Полиграфическое исполнение
индивидуальный предприниматель Дмитрий Колос.
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
производителя, распространителя печатных изданий
№1/291 от 17.04.2014.
Пр. Независимости, 105-14, 220023, г. Минск.